

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

На правах рукописи

СИНИЦЫНА Анна Михайловна

**ИСПАНСКИЙ ЯЗЫК НА ТЕРРИТОРИИ
КОЛУМБИЙСКОГО ДЕПАРТАМЕНТА КИНДИО**

Специальность 10.02.05 – романские языки

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
академик МАН ВШ,
доктор филологических наук, профессор
Михеева Наталья Федоровна

Москва – 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
Глава 1. ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОСЫЛКИ ОПИСАНИЯ КОЛУМБИЙСКОГО ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ДИАЛЕКТА ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА ДЕПАРТАМЕНТА КИНДИО	13
§ 1.1. Языковая норма в колумбийском национальном варианте испанского языка.....	13
§ 1.2. Социолингвистический статус испанского языка в колумбийском департаменте Киндио.....	18
§ 1.3. Экстралингвистические факторы, оказавшие воздействие на становление колумбийского национального варианта испанского языка	34
Выводы по Главе 1.....	48
Глава 2. ОСОБЕННОСТИ МЕНТАЛИТЕТА ЖИТЕЛЕЙ КОЛУМБИЙСКОГО ДЕПАРТАМЕНТА КИНДИО И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В ЯЗЫКЕ.....	52
§ 2.1. Место департамента Киндио в системе региональных обозначений этнокультурных групп колумбийцев. Рост престижности колумбийского территориального диалекта испанского языка департамента Киндио в стране.....	52
§ 2.2. Отношение ко времени и основные средства актуализации концепта «время» в языковой и культурной традиции департамента Киндио	60
§ 2.3. Особенности алиментарного кода жителей Киндио и его отражение в колумбийском территориальном диалекте испанского языка департамента Киндио.....	71
Выводы по Главе 2.....	80
Глава 3. НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ФОНЕТИЧЕСКИХ И ГРАММАТИЧЕСКИХ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ В КОЛУМБИЙСКОМ ТЕРРИТОРИАЛЬНОМ ДИАЛЕКТЕ ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА ДЕПАРТАМЕНТА КИНДИО.....	83
§ 3.1. Особенности функционирования фонетических языковых единиц в колумбийском территориальном диалекте испанского языка департамента Киндио.....	83
§ 3.2. Особенности функционирования грамматических языковых единиц в колумбийском территориальном диалекте испанского языка департамента Киндио.....	87
Выводы по Главе 3.....	92
Глава 4. НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В КОЛУМБИЙСКОМ ТЕРРИТОРИАЛЬНОМ ДИАЛЕКТЕ ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА ДЕПАРТАМЕНТА КИНДИО	94
§ 4.1. Лексические особенности диалектизмов в испанском языке на территории колумбийского департамента Киндио.....	94
§ 4.2. Сравнения-преувеличения как тип лексических диалектизмов в колумбийском территориальном диалекте испанского языка департамента Киндио.....	101
§ 4.3. Заимствования из автохтонных языков в колумбийском национальном варианте испанского языка.....	101

§ 4.4. Англоязычные заимствования в колумбийском территориальном диалекте испанского языка департамента Киндио	115
Выводы по Главе 4.....	117
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	120
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	125
ПРИЛОЖЕНИЯ	147
Приложение А. Перечень исконно испанских лексических единиц, практически полностью изменивших свои значения в испанском языке департаментов «Кофейной оси»	147
Приложение Б. Перечень сравнений-преувеличений, частотных для департамента Киндио ..	149
Приложение В. Образцы текстов, которые мы использовали для выявления своеобразия функционирования фонетических языковых единиц в колумбийском территориальном диалекте испанского языка департамента Киндио	166
Приложение Г. Образцы тестов, которые мы использовали для выявления своеобразия функционирования грамматических языковых единиц в колумбийском территориальном диалекте испанского языка департамента Киндио	169
Приложение Д. Образцы тестов, которые мы использовали для выявления своеобразия функционирования лексических языковых единиц в колумбийском территориальном диалекте испанского языка департамента Киндио	171

ВВЕДЕНИЕ

Для ареала романских языков в целом всегда была свойственна высокая диалектная дробность, в связи с чем в течение длительного времени внимание лингвистов привлекают исследования особенностей диалектов, существующих внутри национальных вариантов испанского языка в Латинской Америке. Необходимо отметить, что в Латинской Америке именно испанский язык Колумбии является одним из самых изученных, а колумбийская филологическая школа отличается богатыми научными традициями¹.

Одной из первостепенных задач диалектологии выступает исследование территориальной вариативности языка. На современном этапе развития цивилизации, учитывая растущую глобализацию, данный аспект продолжает оставаться актуальным, особенно с точки зрения синхронного изучения национальных вариантов испанского языка. Настоящую диссертационную работу можно охарактеризовать как комплексное исследование в области фонетики, грамматики и лексики, посвященное изучению синхронного состояния испанского языка на территории колумбийского департамента Киндио как части колумбийского национального варианта испанского языка.

Развитие колумбийской научной языковой школы было положено выдающимся колумбийским ученым Р.Х. Куэрво (1844–1911), в его труде *Apuntaciones críticas sobre el lenguaje bogotano* (1885), где он сформулировал принципиальные для романистики идеи непрерывного развития языка, диалектики, нормативности и «неправильности», узуса и экспрессии. По словам академика Г. В. Степанова, это позволяет считать труд Р.Х. Куэрво «предтечей научной американской диалектологии» [Степанов 1976: 25]. Р.Х. Куэрво стоял у истоков создания Колумбийской академии языка в 1871 г., а первым ее президентом стал видный колумбийский ученый-интеллектуал, исследователь Х.М. Вергара-и-Вергара (1831–1872), который координировал деятельность академии в самом начале ее

¹ Подробнее см. труды Х. М. Вергара [Vergara y Vergara 1871], А. М. Аппасолы [Arrazola 1879], Р. Х. Куэрво [Cuervo 1885], М. Е. Ламао [Lamao 1920], С. Креуса [Creus 1933], Р. Рестрепо [Restrepo 1943], П. М. Револьо [Revollo 1942], П.Х. Тобона Бетанкурта [Tobón Betancourt 1946, 2013], Л. Флореса [Flórez 1951; 1981–1983; 1983], Х. Х. Монтеса Хиральдо [Montes Giraldo 1965, 1984, 1995] и др.

основания и всячески способствовал развитию и укреплению связей с Испанской Королевской академией.

Колумбийская лингвистика располагает единственным в своем роде *Лингвоэтнографическим атласом Колумбии (Atlas Lingüístico-etnográfico de Colombia – ALEC)*. Этот исследовательский проект под руководством известного колумбийского исследователя Л. Флореса [Flórez 1981–1983], посвященный картированию лексических и грамматических черт всех диалектов, распространенных в Колумбии, был издан в 1982 г. и до сих пор считается одним из наиболее полновесных исследований колумбийского национального варианта испанского языка.

Среди исследователей «колумбийского испанского» первой половины XX века наиболее известными выступают: С. Креус [Creus 1933], М.Е. Ламао [Lamao 1920], П.М. Револьо [Revollo 1942], Р. Рестрепо [Restrepo 1943], А. Сундахайм [Sundaheim 1922], П.Х. Тобон Бетанкорт [Tobón Betancourt 1946] и Л. Флорес [Flórez 1951]. После основания в начале 40^х гг. XX века Института Каро и Куэрво, а с 1945 г. – начала систематической публикации его Бюллетеня – изучение колумбийского национального варианта испанского языка и его диалектов вышло на новый уровень.

Отметим, что данные, полученные в результате вышеперечисленных исследований, датируются 1886 – 1986 гг. Ряд сведений относительно, в первую очередь, лексического материала в определенной степени можно считать устаревшими.

В настоящий момент исследованием испанского языка департаментов Антиокия и «Кофейной оси», или «Кофейного треугольника», «Кофейного региона» (кроме Киндио, сюда относятся департаменты Кальдас и Рисаральда, а также северо-восток департамента Валье-дель-Каука) занимаются лингвисты из университетов Антиокии и Киндио. Наиболее значимые работы, на наш взгляд, принадлежат А. Кано, К. Кастрильону, К. Сапате, А. Харамильо, Р.А. Лондоньо, О.Л. Веласкесу, Х.И. Хенао.

К примеру, А. Кано и К. Кастрильон в своей книге «Apuntes de coronimia antioqueña» (2011) проанализировали лексические особенности языковых единиц (ЯЕ) департамента Антиокия. Они рассмотрели топонимы и распределили их на группы. Названными лингвистами были выделены наиболее значимые топонимы, используемые в сфере экономики.

Другой известный колумбийский ученый К. Сапата изучал фразеологию испанского языка на территории департамента Антиокия. В своем труде «La exageración en el habla coloquial antioqueña» (2002) данный автор повествовал о роли преувеличений в разговорной речи жителей Антиокии.

Филологи Р.А. Лондоньо и О.Л. Веласкес собрали и проанализировали фольклор и легенды, распространенные на территории департаментов «Кофейной оси» (2000).

Х.И. Хенао составил словарь жаргона «парлаче» в Антиокии (2008).

Развитие методологии отечественной испанистики получило новый толчок в работах академика Г.В. Степанова, который ввел новое понятие «национальный вариант полинационального языка», имеющий не резко выраженные, но отличные от языка-донора черты, подчеркивающие его автономность и автохтонность [Степанов 1976: 100].

Особенности колумбийского национального варианта испанского языка в отечественной романистике впервые были проанализированы в работах академика Н. М. Фирсовой, которая изучала здесь не только заимствования из других языков (англицизмы, индихенизмы), но и архаизмы, экспрессивную лексику, аббревиатуры [Фирсова 1987, 2002, 2007, 2012 и др.]. Основные лингвокультурологические исследования в данной области на сегодняшний день принадлежат также академику Н.Ф. Михеевой [Михеева 1989 а,б, 2003, 2007, 2009, 2018], проф. О.С. Чесноковой [Чеснокова 1999, 2004, 2011, 2013] и др.

В отечественной испанистике на материале испанского языка имеется докторская диссертация Н. Ф. Михеевой, где ученый ставит вопрос о разработке нового направления в испанской диалектологии – межвариантной диалектологии испанского языка. Ею подробно исследуется национально-культурное своеобразие

функционирования ЯЕ в испанском языке на территории юго-западных штатов США. Форма существования последнего определяется автором как мексиканский территориальный диалект испанского языка за пределами Мексики [Михеева 2003]. В данном контексте также можно выделить кандидатские диссертации Н.Е. Амехиной [Амехина 2006], Е.В. Антонюк [Антонюк 2006], Е.В. Дворецкой [Дворецкая 2005], А.Ю. Папченко [Папченко 2002] и И.В. Смирновой [Смирнова 2006], в которых анализируются особенности функционирования ЯЕ в территориальных диалектах испанского языка Испании, Мексики и США.

Таким образом, недостаточная изученность диалектов в колумбийском национальном варианте испанского языка, а также необходимость дальнейших исследований в области диалектологии испанского языка позволяют говорить об **актуальности** избранной нами темы.

Работа отталкивается от следующей **гипотезы**: фонетические, грамматические и лексические особенности в испанском языке колумбийского департамента Киндио не несут в себе резких структурных отличий от норм колумбийского национального варианта испанского языка (следовательно, угрозы дивергенции / фрагментации колумбийского национального варианта испанского языка не существует), но отличаются становлением своих территориальных норм живой разговорной речи. Его социолингвистический статус мы определяем как территориальный диалект внутри колумбийского национального варианта испанского языка.

Объектом данного исследования является колумбийский территориальный диалект испанского языка департамента Киндио.

В качестве **предмета** исследования выступают национально-культурные особенности функционирования фонетических, грамматических и лексических ЯЕ в речи жителей колумбийского департамента Киндио.

Основная **цель работы** – доказать присутствие территориальных норм живой разговорной речи у жителей колумбийского департамента Киндио на всех языковых уровнях.

Задачи исследования были сформулированы следующим образом:

- 1) определить социалингвистический статус испанского языка на территории колумбийского департамента Киндио;
- 2) выявить экстралингвистические факторы, повлиявшие на становление исследуемого диалекта;
- 3) проанализировать диалектные особенности испанского языка на территории колумбийского департамента Киндио на уровне фонетики, грамматики и лексики;
- 4) провести сопоставительный анализ функционирования фонетических, грамматических и лексических единиц в данном ареале с пиренейским и колумбийским «стандартами».

Теоретической и методологической базой исследования послужили труды ведущих отечественных и зарубежных ученых-лингвистов, таких как: В.А. Аврорин [Аврорин 1975], В.С. Виноградов [Виноградов 1963, 2001, 2003], В.Г. Гак [Гак 1976, 1989], В.М. Жирмунский [Жирмунский 1954, 1956, 1976], Г.В. Степанов [Степанов 1957, 1966, 1969, 1976, 1977, 1979], Н.М. Фирсова [Фирсова 1984, 1986, 1987, 1991, 2000, 2001, 2002, 2003, 2007, 2012], А.Д. Швейцер [Швейцер 1971, 1978], Е.В. Карпина [Карпина 2014, 2015, 2016, 2017, 2018], Е.В. Карпина, Е.В. Антонюк [Kárpina, Antonyuk 2017, 2018], Е.Н. Мамсурова [Мамсурова 1975, 1977, 1981, 1994, 1997, 2003, 2007, 2011], Н.Ф. Михеева [Михеева 1989 а, б, 2001, 2002а, 2002б, 2002в, 2002г, 2003, 2007, 2009, 2014, 2015, 2016, 2017 а, б, 2018], Л.В. Моисеенко [Моисеенко 2015, 2017], Ю.Л. Оболенская [Оболенская 1998], Т.В. Писанова [Писанова 1997], М.М. Раевская [Раевская 2016], А.В. Синявский [Синявский 1979], О.С. Чеснокова [Чеснокова 1988, 1999, 2004, 2011, 2013], А.В. Широкова [Широкова 1995, 2002], С.А. Яковлева [Яковлева 2013, 2015], В.Н. Ярцева [Ярцева 1979]; Н.Е. Амехина [Амехина 2006], Е.В. Антонюк [Антонюк 2006], Е.Г. Вершинина [Вершинина 2002], Е.В. Дворецкая [Дворецкая 2005], А.П. Денисова [Денисова 2007], Е.В. Журавлева [Журавлева 2006], И.Б. Котеняткина [Котеняткина 2011], А.Ю. Папченко [Папченко 2002], И.В. Плутницкая [Плутницкая 1993], И.В. Смирнова [Смирнова 2006], М.О. Чичина

[Чичина 1995], Е.В. Щербакова [Щербакова 2008]; Р.Х. Куэрво [Cuervo 1885], Х.Х. Монтеc Хиральдо [Montes Giraldo 1959, 1965, 1977, 1982, 1984, 1995, 2000 а, б], Л. Флорес [Flórez 1951, 1973, 1975, 1977, 1978, 1980, 1981 – 1983, 1983], Дж. Велес Урибе [Vélez Uribe 1998], А. Кано, К. Кастрильон [Cano, Castrillón 2011], С. Креус [Creus 1933], М.Е. Ламао [Lamao 1920], П.М. Револьо [Revollo 1942], Р. Рестрепо [Restrepo 1943], К. Сапата [Zapata 2002], А. Сундахайм [Sundaheim 1922], П.Х. Тобон Бетанкорт [Tobón Betancourt 1946, 2013], Ф. Торо Аранго [Toro Arango 2013], А. Харамильо [Jaramillo 1994], Р.А. Лондоньо, О.Л. Веласкес [Londoño, Velázquez 2000], Х.И. Хенао [Henaо 2008] и др.

Материалом диссертационного исследования выступают одноязычные и двуязычные словари испанского языка (электронный словарь Multitrán (www.multitran.ru), Diccionario de la Real Academia española (www.rae.es), Diccionario ideológico de la lengua española (2007), Diccionario de uso del español (2009) и др.) и его латиноамериканских вариантов (Испанско-русский словарь. Латинская Америка (2017), Diccionario de hispanoamericanismos no recogidos por la Real Academia (2006), Diccionario del español de América (1993), электронный словарь Asihablamos (www.asihablamos.com) и др.); словари колумбийского национального варианта испанского языка (Lexicón de fraseología del español de Colombia (1996), Diccionario de gentilicios de Colombia (2008), Breve diccionario de colombianismos (2012), Diccionario de colombianismos (2013) и др.), а также текстовые источники (материалы колумбийских СМИ и Интернет-источников, опубликованные с 2012 по 2017 гг.) и результаты опроса 120 информантов, проведенного нами в ходе научной стажировки в Киндио в 2015 г. Фактический материал анализа составил порядка 3000 примеров.

Носители языка отбирались по возрасту (от 20 до 55 лет: 20 – 35 – 60 чел.; 35 – 45 – 30 чел.; 45 – 55 – 30 чел.); уровню образования и воспитанности: ниже среднего образования (30 чел.), среднее (50 чел.) или высшее (университет г. Киндио, степень бакалавра или магистра – 40 чел.); месту жительства (город – 80 чел. / сельская местность – 40 чел.). В основе экспериментальной части работы лежал метод интервью, который включал вопросы, касающиеся речевого

поведения жителей колумбийского департамента Киндио в общебытовых сферах коммуникации. В рамках интервью учитывались как горизонтальные (с близко-, малознакомыми и незнакомыми людьми), так и вертикальные (начальник vs. подчиненный, старший vs. младший по возрасту) отношения участников коммуникации.

Методы исследования. Нами использовались лингвогеографический метод, метод непосредственного наблюдения и аналитического описания языковых фактов, функциональный, сопоставительный, статистический методы, опрос информантов, применение глобальной сети Интернет.

При проведении фонетического эксперимента информантам предъявлялся заранее подготовленный список слов для их прочтения вслух. С ними также проводились беседы на произвольные темы (из потока речи вычленялись слова, которые обладали диалектными особенностями произношения).

При осуществлении лексического эксперимента с носителями языка велось общение на обиходно-разговорную тематику. Беседы записывались на диктофон, а затем расшифровывались. Информантам также предлагалось выполнить специально разработанные задания, выбрав из нескольких ЯЕ ту, которую они используют в определенной коммуникативной ситуации.

При проведении грамматического эксперимента опрашиваемым предлагались тесты, где следовало раскрыть скобки и вставить употребляемую ими грамматическую форму. Для этого нами были разработаны тесты с предложениями, где глаголы в инфинитивной форме нужно было поставить в одно из прошедших времен.

Научная новизна исследования заключается в том, что в работе впервые в отечественной и зарубежной испанистике:

1) предпринята попытка системного исследования функционирования фонетических, грамматических и лексических ЯЕ в колумбийском территориальном диалекте департамента Киндио;

2) проведен сопоставительный анализ употребления фонетических, грамматических и лексических ЯЕ в данном ареале с пиренейским и колумбийским «стандартами».

Теоретическая значимость работы определяется широтой подхода к исследованию особенностей колумбийского территориального диалекта испанского языка департамента Киндио в колумбийском национальном варианте испанского языка, учитывающего не только их чисто лингвистическое своеобразие, но и влияние на язык экстралингвистических факторов.

Практическая ценность диссертационного исследования выражается в том, что результаты данной работы могут найти применение при обучении испанскому языку в вузе (при этом возможна ориентация студентов на нормы именно колумбийского национального варианта испанского языка, особенно – на экономических факультетах, связанных с экономической деятельностью в транснациональных корпорациях и компаниях); при подготовке теоретических курсов по диалектологии, лексикологии и лингвострановедению, сопоставительной грамматике; при обучении латиноамериканских студентов русскому языку; в лексикографии; переводческой деятельности.

Результаты выполненного исследования служат основой для формулирования **основных положений**, выносимых на защиту:

1. Социолингвистический статус испанского языка в колумбийском департаменте Киндио можно определить как колумбийский территориальный диалект испанского языка внутри колумбийского национального варианта испанского языка.

2. В колумбийском территориальном диалекте испанского языка департамента Киндио на всех уровнях языковой системы происходит становление своих собственных территориальных норм живой разговорной речи.

3. Функционирование ЯЕ в указанном диалекте обусловлено местной спецификой, на которую оказал влияние ряд экстралингвистических факторов: исторический, этнический, социально-экономический, культурно-идеологический, территориальный.

4. ЯЕ в рассматриваемом ареале присущи следующие типы территориальной вариативности: фонетический, грамматический (морфолого-синтаксический), лексический.

Объективность и достоверность полученных выводов подтверждаются объемом исследованного материала, использованием комплексной методики его изучения и достижений современной лингвистики и смежных с нею дисциплин, привлечения данных опроса информантов.

Апробация работы. Основные положения работы неоднократно обсуждались на заседаниях кафедры иностранных языков филологического факультета РУДН (2015 – 2017 гг.) и на международных конференциях в 2014 – 2017 гг.: 3-я международная конференция «Наука как движущая антикризисная сила» (Киев, МГУ, 29 марта – 3 апреля 2014 г.); международная научно-практическая конференция «I Фирсовские чтения. Современные проблемы межкультурной коммуникации» (Москва, РУДН, 23–24 апреля 2014 г.); международная научно-практическая конференция «Основные вопросы педагогики, психологии, лингвистики и методики преподавания в образовательных учреждениях» (Знаменск, АГУ, 26 мая 2017 г.); международная научно-практическая конференция «III Фирсовские чтения. Лингвистика XXI века: междисциплинарные парадигмы» (Москва, РУДН, 14–15 ноября 2017 г.). Данные положения изложены в 8 научных статьях, в том числе 4 из них – в изданиях, включенных в «Перечень российских рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук».

Структура исследования соответствует поставленным цели и задачам и включает Введение, четыре главы, Заключение, Список литературы и Приложения.

Глава 1. ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОСЫЛКИ ОПИСАНИЯ КОЛУМБИЙСКОГО ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ДИАЛЕКТА ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА ДЕПАРТАМЕНТА КИНДИО

§ 1.1. Языковая норма в колумбийском национальном варианте испанского языка

Интерес ученых-лингвистов к вопросам национально-культурной специфики вариантов полинациональных языков неуклонно растет. В данном контексте испанский язык можно назвать «эталонном» для исследований подобного рода, поскольку, несмотря на языковую общность народов, являющихся его носителем, он отличается широкой территориальной вариативностью, обуславливающей специфику коммуникации. Как справедливо отмечает современный отечественный романист Е.В. Карпина, «благодаря своей огромной территориальной распространенности, своеобразию этнического состава и национальных культур его носителей, испанский язык представляет неограниченные возможности для изучения национально-культурных особенностей речевого поведения» [Карпина 2014: 219].

Поскольку в данной работе исследуется социально-коммуникативная роль испанского языка, а именно – его использование в различных коммуникативных ситуациях на территории колумбийского департамента Киндио, представляется необходимым выделить основные параметры, которые определили языковую ситуацию как в самом регионе, так и на территории Колумбии в целом. В первую очередь, следует обозначить социолингвистический статус испанского языка в стране, для чего требуется уточнение таких терминов, как *языковое состояние* и *языковая ситуация*, *языковая норма*, *национальный вариант языка*, *диалект*.

Организация функциональной системы языка, с точки зрения социолингвистики, охватывает все виды языкового варьирования, которые возникают под воздействием экстралингвистических факторов (времени, пространства, общественных отношений и др.), и базируется на двух компонентах – языковом состоянии и языковой ситуации. Языковое состояние трактуется как совокупность всех видов вариативности языка (включая как несущие

функциональную нагрузку, так и не имеющие ее), а также как парадигматический набор элементов (литературный язык, национальные варианты, диалекты), которые определенным образом взаимодействуют (или по определенным причинам не взаимодействуют) между собой [Степанов 1976: 30].

Проблема языковой ситуации является одной из наиболее значимых для лингвистических (и прежде всего – социолингвистических) исследований, поскольку охватывает широкий круг вопросов, связанных с функционированием различных форм существования языка и взаимодействием этих форм с другими языками во всех сферах жизни определенной этнической общности [Аврорин 1975]. Характер указанных процессов складывается под влиянием социальных условий на определенной территории, а под собственно языковой ситуацией в диссертации понимается «отношение языка (или его части), характеризующегося данным состоянием, к другим языкам или части того же языка, проявляющееся в различного рода пространственных и социальных взаимодействиях (синтагматический план)» [Степанов 1976: 30 – 31].

Исследуя проблему языковой ситуации, известный российский социолингвист академик Л. Б. Никольский делает вывод о двустороннем характере описывающих ее отношений: с одной стороны, это – взаимодействие одного языка с другими (межъязыковые отношения), с другой – подсистем языка (например, литературного языка и диалектов) между собой (внутриязыковые отношения). Традиционно выделяются 2 группы языковых ситуаций: экзогlossные как совокупности различных языков и эндогlossные – совокупности подсистем одного языка: «Языковая ситуация может складываться как из межъязыковых, так и из внутриязыковых отношений, т.е. из отношений между данным языком и другими языками, сосуществующими с ним в определенном ареале, и из отношений между подсистемами того или иного языка, например, между литературным языком и диалектами ... в первом случае речь идет об экзогlossных, а во втором – об эндогlossных отношениях» [Никольский 1976: 21].

В каждой группе существуют сбалансированные ситуации, компоненты которых функционально равнозначны, и несбалансированные ситуации, если их

компоненты распределены по определенным сферам общения и социальным группам. С точки зрения экзогlossных отношений, языковая ситуация на территории колумбийского департамента Киндио может быть определена как несбалансированная. С каждым годом прослеживается все большее влияние английского языка на колумбийский национальный вариант испанского языка. Прежде всего, это связано с влиянием США на Колумбию в целом как на экономическом, так и на политическом уровнях.

Обратимся к трактовке языковой нормы как одного из основных понятий в языкознании. В большинстве исследований, посвященных изучению генезиса и развития языков, отмечается, что особенности становления нормы зависят от специфики того или иного национального языка, истории говорящего на нем народа, от влияния культуры и от конкретных черт функционирования языка в разных лингвосоциумах. Как отмечает известный отечественный лингвист Ф.П. Филин, это обусловлено тем, что каждый естественный язык развивается не по строгим правилам, а стихийно, на протяжении многих веков и тысячелетий, в каждый момент своей истории, испытывая воздействие со стороны разных общественных факторов [Филин 1982: 127].

Таким образом, языковая норма – это совокупность наиболее устойчивых традиционных реализаций языковой системы, отобранных и закрепленных в процессе общественной коммуникации. Норма в языке выступает одновременно как совокупность реально используемых в нем лексем, словоформ и конструкций и как совокупность тенденций отбора и правил использования языковых средств. При этом норма является не только лингвистической, но и социально-исторической категорией: ее социальный аспект проявляется как в отборе и фиксации языковых явлений, так и в системе их оценок («правильно vs. неправильно», «красиво vs. некрасиво»). Языковая норма входит в ряд норм и обычаев, представленных в обществе в разные периоды его развития [ЛЭС 1990: 337].

Стабильность литературного языка устанавливается под воздействием культурно-исторической ситуации, а также структуры языка и особенностей

происхождения и развития его литературной формы. Литературная норма, однако, представляет собой не только более или менее стабильный и унифицированный, но и серьезно дифференцированный комплекс языковых средств, предполагающий наличие ряда вариантов и синонимичных способов выражения. Между литературной нормой и узусом всегда имеются определенные расхождения, их степень зависит от исторического этапа развития общества, его структуры, а также от особенностей языковой ситуации. В Латинской Америке языковая норма испанского литературного языка приобретает свои национальные особенности в зависимости от того, в какой стране функционирует данный язык и как складывались условия его исторического развития.

Как справедливо отмечает отечественный исследователь И. В. Смирнова, «национальная норма языка является суверенной и самостоятельной, осознается и поддерживается носителями языка. В процессе формирования нормы современных литературных языков, как правило, выделяется определенная область страны или город (чаще столица), язык которых составляет основу литературной нормы. При этом в ходе развития литературного языка наблюдаются сдвиги в диалектной базе литературного языка» [Смирнова 2006: 16]. Специфика формирования норм испанского литературного языка в латиноамериканских странах заключается в том, что иногда диалектные элементы не только не вытесняются общеиспанским литературным языком, но внедряются в национальную норму. Ярким примером выступает явление *voseo* в Аргентине, которое за последние годы охватило разговорный уровень даже культурных слоев общества несмотря на то, что аргентинская школа и академия до сих пор его не признают [Писарская 2016: 9].

Из понятия нормы как «образца правильности» естественно вытекает, что норма имеет основу в языке, обслуживающем то или иное общество. С другой стороны, норма может иметь широкий диапазон кодификации. Академик Г. В. Степанов на материале национальных вариантов испанского языка разграничивает два аспекта в понимании языковой нормы: «объективную норму» («объективный аспект нормы») и «аксиологическую норму» («оценочный аспект»). Первое понятие определяется как «возникновение потенциальных возможностей

различной реализации языковых средств, предоставляемых языком как системой», а второе – как «принятие, осознание тех или иных средств языкового выражения как правильных, образцовых» [Степанов 1964: 226].

Общеизвестным фактом является частое несовпадение литературной нормы и языкового узуса. История языка свидетельствует о том, что изменение норм, как правило, происходит в русле языковой эволюции как таковой. Следовательно, норму общеиспанского языка возможно установить только по итогам функционально-динамического изучения ее национальных вариантов, источников их возникновения и условий взаимодействия. Вариантность свойственна и норме как таковой: даже в синхронном плане она «характеризуется допустимыми в ее пределах колебаниями и вариантами». В языке одновременно функционирует целый ряд норм: естественная, кодифицированная, устно-разговорная, письменно-литературная, разговорно-литературная и т.д. Это «обогащает выразительные возможности языка, облегчает ему выполнение коммуникативных задач» [Семенюк 1965: 48].

Подходя к вопросу нормы с функционально-стилистических позиций, необходимо признать, что языковые явления, нормативные для одного функционального стиля, могут оказаться отклонениями от нормы для другого. Таким образом, представляется логичным выделение стилистической нормы – «исторически сложившихся и вместе с тем закономерно развивающихся общепринятых реализаций заложенных в языке стилистических возможностей, значений и окрасок, обусловленных целями, задачами и содержанием определенной сферы общения» [Кожина 1977: 10].

Говоря о норме, мы, прежде всего, имеем в виду выбор одного из существующих вариантов произносительных, грамматических или лексических элементов языка и закрепления за тем, что отобрано, статуса «литературности». Сумма «отобранных» моделей составляет т.н. «литературную норму» и противопоставляется «всем другим (нелитературным или социальным) разрядам речи данного народа» [Ярцева 1967: 187]. Поскольку в странах Латинской Америки существуют определенные общенародные «разновидности» единого испанского

языка, в каждой из данных стран его литературная норма приобретает свои характерные особенности.

§ 1.2. Социолингвистический статус испанского языка в колумбийском департаменте Киндио

С проблемой нормы тесно связана проблема вариативности. Говоря об испанском языке, необходимо подчеркнуть, что условия для формирования его отдельных разновидностей создал его выход за пределы первоначального распространения.

Огромный вклад в разработку языковой вариативности как в аспекте социолингвистики, так и лингвистики (на материале испанского языка) внес академик Г.В. Степанов, создавший, в частности, концепцию «национального варианта». Ученый трактует национальные варианты как «формы национальной речи, которые не обнаруживают резких структурных расхождений, но вместе с тем приобретают автономию, поддерживаемую и осознаваемую в пределах каждой национальной общности» [Степанов 1976: 100]. Данное понятие выступает одним из ключевых при анализе языковой ситуации в отдельных регионах латиноамериканских стран, в частности – на территории колумбийского департамента Киндио.

На сегодняшний день наиболее известными исследованиями сторонников полинациональной концепции испанского языка в отечественной испанистике являются работы В.С. Виноградова [Виноградов 2001, 2003], Н.М. Фирсовой [Фирсова 1984, 1986, 1991, 2000, 2001, 2002, 2007, 2012], Н.Ф. Михеевой [Михеева 1989 а, б, 2003, 2007, 2009, 2015, 2016, 2017, 2018], О.С. Чесноковой [Чеснокова 1999, 2004, 2011, 2013], А.В. Синявского [Синявский 1979], М.О. Чичиной [Чичина 1995], С.А. Яковлевой [Яковлева 2013, 2015]; Н.Е. Амехиной [Амехина 2006], Е.В. Антонюк [Антонюк 2007], Е.В. Дворецкой [Дворецкая 2005], А.П. Денисовой [Денисова 2007], Е.В. Журавлевой [Журавлева 2006], И.Б. Котеняткиной [Котеняткина 2011], И.В. Плутницкой [Плутницкая 1993], И.В. Смирновой [Смирнова 2006], Е.В. Щербаковой [Щербакова 2008] и др.

Данная точка зрения превалирует и среди зарубежных авторов (см., например, работы М. Альвара [Alvar 1969, 1973, 1984, 2000 a, b, 2002], Дж. Липски [Lipski 1994, 1996, 2002], Х.М. Лопе Бланча [Lope Blanch 1983, 1990, 1993, 2000, 2004], Х.Х. Монтеса Хиральдо [Montes Giraldo 1959, 1965, 1977, 1982, 1995, 2000 a, b] и др.). Как отмечает Дж. Липски, ни одна программа обучения иностранным языкам в Соединенных Штатах Америки не ориентирована исключительно на «кастильский язык», поскольку *no existen normas panhispánicas que escojan opciones preferibles, no hay país ni región que se reconozca estándar por todos y cuya forma del habla se copie por los habitantes de otros países* ('не существует паниспанских норм, которые отбирали бы предпочтительные варианты, нет страны или региона, признаваемого всеми носителем языкового стандарта и чья форма речи копировалась бы жителями других стран') [Lipski 2002: 154].

По мнению известного испанского лингвиста М. Альвара, *no hay un castellano a un lado del mar y otro – al otro, sino existen muchos* ('нет одного испанского языка на этой стороне моря и другого – на противоположной, а есть много разновидностей испанского языка') [Alvar 2002: 79]. Таким образом, испанский язык, на котором говорят в настоящий момент в мире, сохранил свое единство. Однако в то же время, как утверждает мексиканский языковед Х. Лопе Бланч, *en cada país y cada región la lengua obtuvo sus características específicas en el marco de esta unidad fundamental* ('в каждой стране, в каждом регионе язык приобрел своеобразные отличительные черты в рамках этого основополагающего единства') [Lope Blanch 1993: 111].

Тем не менее, при общем взгляде большого числа исследователей на испанский язык как на полинациональный и поликультурный феномен, размытое определение терминологии социолингвистического статуса разновидностей испанского языка приводит к ряду проблем и недопониманию, что объясняется недостаточной разработанностью сложной проблемы форм существования испанского языка. Остановимся на определении таких понятий, как «национальный язык» и «диалект».

Наиболее часто в зарубежной испанистике для обозначения национального языка используются такие термины, как *idioma nacional*, *nuestra lengua* (букв. «наш язык»), *el idioma (nacional) de* + название жителей страны, *idioma patrio* (букв. «отечественный язык»), *idioma nativo* (букв. «родной язык»), *castellano* (букв. «кастильский язык»), *el español en* + название страны, *lengua* + определение, образованное от названия страны (см. [Oroz 1966], [Borges 1953], [Prodretti de Bolón 1983]).

В отечественной научной литературе, при указании статуса испанского языка в различных странах Латинской Америки, часто можно встретить смешение понятий «национальный вариант литературного языка» и «диалект». К примеру, в энциклопедиях «Народы мира» (1988) и «Народы и религии мира» (1999) встречаются термины «аргентинский диалект испанского языка», «гватемальский диалект испанского языка», «колумбийский диалект испанского языка», «местный диалект испанского языка» (о языке никарагуанцев) и т.д. Подобная терминология не может считаться корректной, поскольку не учитывает общественной функции языка: «Думается, что использование данных терминов по меньшей мере неточно. Оно не отвечает сущности явления: авторами не учитываются основные различия между статусами «национальный вариант» и «диалект», которые вытекают как из социально-политического фактора и полноты выполняемых языком общественных функций, так и из (не)соответствия литературной национальной норме. Решающим моментом для определения формы существования языка является та общественная функция, которую он выполняет. Любой национальный язык, так же, как и его национальный вариант, обслуживает нацию, тогда как диалект – только часть национальной общности, при этом в ограниченной сфере коммуникации [Фирсова 2003: 31–32]. При этом Н. М. Фирсова выделяет следующие формы существования испанского языка: национальный вариант, территориальный вариант, диалект и территориальные диалекты испанского языка [Там же: 19 – 21].

Что касается диалекта (греч. διάλεκτος – «наречие» от греч. διαλέγομαι – «говорить, изъясняться») как «разновидности общенародного языка, употребляемой сравнительно ограниченным числом людей, связанных общностью

территориальной, социальной, профессиональной» [Розенталь, Теленкова 1985], необходимо учитывать, что данная языковая разновидность имеет как устную, так и письменную формы и может быть обусловлена социальным и территориальным факторами. Невозможность употребления на всей протяженности любой испаноговорящей страны и на всех социальных уровнях одного и того же языка обуславливает обязательное указание на конкретное место его использования и социальный уровень говорящего. По мнению Х. М. Лопе Бланча, в данном случае необходимы следующие шаги:

1) *especificar si el fenómeno lingüístico es local, regional, nacional o panhispánico* ('указать, является ли данное лингвистическое явление локальным, региональным, национальным или общеиспанским');

2) *precisar si este fenómeno se encontra a nivel del habla vulgar, se extiende al medio o estándar o pertenece exclusivamente a la norma más culta* ('уточнить, встречается ли изучаемое явление на уровне вульгарной речи, распространяется ли на средний или «стандартный» уровень или относится исключительно к самой высокой норме») [Lope Blanch 1993: 266].

Под социальным диалектом традиционно понимается язык определенных социальных групп – сословной, профессиональной, возрастной и т.д. Данный термин употребляется как общее наименование для различных языковых образований, основанных на социальном обособлении людей. Кроме указанного значения, термин «социальный диалект» может пониматься как в очень узком смысле (то же, что и арго), так и в широком смысле, включая в себя основные формы существования языка (территориальные диалекты, литературный язык и др.), рассматриваемые как социальные уровни языка [Жирмунский 1956, 1976].

Таким образом, в общепринятом значении социальный диалект представляет собой совокупность языковых особенностей (прежде всего – лексических и фразеологических), присущих какой-либо социальной группе (профессиональной, сословной, возрастной и др.) в пределах данного национального языка. Соответственно, в социальный диалект входят такие разновидности языка, как профессиональные и различные групповые жаргоны. Любой социальный диалект

не представляет собой целостной коммуникативной системы, а характеризуется специфическими наименованиями и синтаксическими конструкциями. При этом грамматические категории языка, синтаксис в целом остаются общенациональными, неспецифическими [Михальченко 2006: 205–206].

Говоря об отличиях между социальными и территориальными диалектами, следует отметить, что понятие «социальный диалект» намного шире территориального с точки зрения его распространения, однако, с точки зрения системы языка, он включает только лексику и фразеологию, тогда как территориальный диалект охватывает весь строй языка. В то же время территориальные диалекты также характеризуются социальной дифференцированностью, в основе которой лежат такие социолингвистические параметры, как возраст, пол, уровень образования, уровень квалификации, участие в общественной жизни и др. Речь носителей данных языковых образований расслоена в социальном отношении и ситуативно обусловлена рамками неофициального, внутрисемейного общения и других регистров.

В «Словаре социолингвистических терминов» под ред. В.Ю. Михальченко (2006) территориальный диалект определяется как форма существования языка, которая характеризуется ограниченностью определенной территорией и сферами употребления и противопоставляется другим диалектам и литературному языку. Каждый территориальный диалект представляет собой системное языковое образование, имеющее бóльшие или меньшие различия фонетического, грамматического, лексического, словообразовательного характера. Деление языка в данном случае происходит по территориальному принципу, однако во многих современных языках (в том числе, в испанском языке и его национальных вариантах) территориальные диалекты почти не существуют в чистом виде. Все бóльшее распространение получают промежуточные образования, совмещающие черты диалекта, литературной речи и просторечия. Такие «полудиалекты» являются одновременно и территориальными, и социальными разновидностями языка: их носителями выступают лица, имеющие определенные социальные признаки [Михальченко 2006: 229 – 230].

Говоря о принципах разграничения территориальных диалектов, необходимо упомянуть 2 противоположных подхода, которые были озвучены в XIX веке итальянским лингвистом Г. И. Асколи и его французским коллегой П. Мейером. Первый ратовал за четкое разделение диалектов по территориальному признаку и на основании ряда фонетических черт установил границу для группы так называемых «франко-провансальских» говоров на территории использования романских языков [Нарумов 2007: 49]. Второй, напротив, отрицал существование диалектов как таковых, признавая лишь возможность определения, на какой территории распространен тот или иной языковой факт, поскольку границы распространения даже двух фактов не совпадают [Загрязкина 1996: 33–34].

В то же время в Европе начинается работа над лингвистическими атласами, которые можно назвать «золотой серединой» между двумя вышеупомянутыми подходами, поскольку такие атласы на основании фиксации большого числа языковых фактов позволяют проводить определенные границы для территориальных диалектов. Так, в 1876 г. в Германии Г. Венкер начинает составлять лингвистический атлас немецкого языка. Во Франции в 1902–1910 гг. Ж. Жильероном и Э. Эдмоном создается «Лингвистический атлас Франции» из 1920 карт (оказал значительное влияние на развитие романской и европейской лингвистики в целом). Предметом описания в указанных атласах была география распространения отдельных слов. Впоследствии появляются лингвистические атласы в Италии, Румынии, Испании, Швейцарии; создаются атласы отдельных провинций и областей (например, атлас городов Северной Италии) (См. [Бородина 1966, Яковлева 2013]). Большое влияние на развитие лингвистической географии, или, согласно итальянской традиции, «ареальной» (пространственной) лингвистики, оказали книги А. Доза [Dauzat 1922] и Э. Косериу [Coseriu 1956].

Начало изучению особенностей испанского языка в Колумбии положили исследования боготанской речи, проводимые Р.Х. Куэрво. Первым фундаментальным трудом, в котором говорится о научных изысканиях в области колумбийского национального варианта испанского языка, является

El Memorándum bibliográfico de gramática española (Библиографический меморандум испанской грамматики) А.М. Аппасола [Arrazola 1879].

Среди исследователей колумбийского испанского языка первой половины XX века наиболее известными выступают М.Е. Ламао [Lamao 1920], А. Сундахайм [Sundaheim 1922], С. Креус [Creus 1933], П.М. Револьо [Revollo 1942], Р. Рестрепо [Restrepo 1943], П.Х. Тобон Бетанкурт [Tobón Betancourt 1946] и Л. Флорес [Flórez 1951]. После основания в начале 40^х гг. XX века Института Каро и Куэрво, а с 1945 г. – начала систематической публикации его Бюллетеня – изучение колумбийского национального варианта испанского языка и его диалектов вышло на новый уровень. Немалую роль в этом сыграло создание ALEC – *Atlas lingüístico y etnográfico de Colombia* (Лингвоэтнографического атласа Колумбии).

Идею ALEC выдвинул в 1940 г. директор Института Каро и Куэрво Х. М. Ривас Саккони, предложив, кроме особенностей языка, изучать культуру и устную традицию Колумбии. В результате составленный для Атласа Вопросник был предназначен для анализа как самого испанского языка, так и фольклора и этнографии страны. Координатором проекта стал Л. Флорес – ученик выдающегося испанского исследователя Т. Наварро Томаса. Позднее в создании Атласа немалую роль сыграл лингвист Х. Х. Монте Хиральдо.

Как отмечает С. А. Яковлева, Институт Каро и Куэрво стал первой в Латинской Америке организацией, поставившей перед собой цель создать лингвистический и этнографический атлас своей страны, и это «должен был быть не просто Атлас «больших территорий», а Атлас «огромной территории» (с учетом масштабов Колумбии)» [Яковлева 2013: 65]. Все работы по сбору информации должны были проводиться исследователями и сотрудниками Отдела диалектологии Института Каро и Куэрво под руководством Л. Флореса, поэтому в Институте были организованы интенсивные курсы по диалектологии и фонетике. Их целью была подготовка интервьюеров, которые могли бы профессионально и единообразно провести опросы и записать ответы.

Предварительный Вопросник Атласа был подготовлен в 1954 г. Л. Флоресом и Т. Буэса Оливером и содержал 8065 вопросов (опубликован Институт Каро и

Куэрво в 1957 г.). Стоит отметить, что после каждого полевого анкетирования Вопросник пересматривался, и с 1954 по 1961 гг. количество вопросов сократилось сначала до 2000 в 1959 г., а потом, в 1961 г., до 1339. Первую его версию апробировали в департаменте Кундинамарка (поселок Пачо) в 1956 г. Окончательный вариант Вопросника включал следующие темы (материал взят из [Flórez 1983], количество вопросов дано по убывающей):

1. Фонетика – 185 вопросов.

2. Лексика:

1) человеческое тело – 159 вопросов;

2) сельское хозяйство, сельхозкультуры и другие растения – 154;

3) жильё – 134;

4) промышленность, связанная с сельским хозяйством – 100;

5) скотоводство – 100;

6) занятия и работа – 84;

7) семья и цикл жизни – 66;

8) одежда – 65;

9) домашние животные – 58;

10) праздники и развлечения – 57;

11) общественная организация и религиозная жизнь – 47;

12) время и пространство – 43;

13) насекомые, пресмыкающиеся, земноводные, птицы, дикие животные – 25;

14) транспорт и коммуникации – 10;

15) плавучие средства и рыболовство – 8;

16) питание – 7.

3. Грамматика – 37 вопросов.

В ходе работы над Атласом принципы полевого интервьюирования менялись: изначально предполагалось, что каждый опрос будет проводить один интервьюер, однако большая протяженность колумбийской территории стала тормозящим фактором для такого метода. В результате опросы в одном и том же населенном пункте проводили несколько исследователей, но каждый – по

определенной тематике, которая совпадала со сферой его научных интересов (и, следовательно, в которой он лучше разбирался). Такой подход дал ряд положительных результатов:

1) исследователи приобрели большой опыт в работе над темами, обращении с информантами и технике интервьюирования;

2) совместно проделанная работа, наряду с постепенным сокращением Вопросника, позволила уменьшить продолжительность каждого опроса;

3) ученые собрали большое количество информативного фонетического материала, поскольку опытным путем было принято коллективное решение проводить опрос по фонетике в последнюю очередь, выбрав подходящих информантов, способных ответить на наиболее сложные вопросы.

Итоги двадцатилетней работы (с 1958 по 1978 гг.) выражены в следующих цифрах:

- 262 населенных пункта, отобранных по всей территории страны;
- 17872000 ответов на вопросы;
- 3000 фотографий людей и объектов материальной культуры;
- 2234 информанта (754 женщины и 1480 мужчин) [Яковлева 2013: 68].

К методологическим недостаткам работы над Атласом ученые относят построение Вопросника по темам и «обмен» информантами ученых, совместно проводивших опрос, неравномерность в интервьюировании по гендерному и генерационному признакам и отсутствие четкого профиля информанта. Трудности при интерпретации сведений были также обусловлены отказом от фонетической транскрипции [Там же: 70].

Большинство опрошенных были крестьяне, пятую часть которых составляли неграмотные. На каждое слово из базового словаря сельских (и не только) жителей составлялась индивидуальная карта, в которой указывались разные его значения и употребления в каждой исследованной местности. В некоторых случаях интервьюеры фиксировали до нескольких десятков вариантов значений и их оттенков для одной и той же лексемы. Таким образом, у исследователей появилась возможность описать распространение различных языковых феноменов и

диалектных разновидностей испанского языка Колумбии. В ходе работы Л. Флоресом были выделены такие социальные типы речи, как:

– *habla rústica* («деревенская речь») – язык крестьян, неграмотных, по крайней мере, наполовину;

– *habla vulgar* («вульгарная речь») – язык необразованных горожан;

– *habla popular / habla semiculta* («народная речь / речь малообразованных людей») – язык «людей, которые имеют кое-какое образование»;

– *habla familiar* («разговорная речь») – язык повседневного общения культурных людей [Flórez 1951].

Лингвоэтнографический Атлас Колумбии был опубликован в 1981–1983 гг. в шести томах. Его тематическое наполнение выглядит следующим образом:

I. Время и пространство. Сельская жизнь. Сельскохозяйственные посадки. Растения. Некоторые отрасли промышленности, связанные с сельским хозяйством (всего 360 единиц).

II. Скотоводство. Домашние животные. Пресмыкающиеся. Насекомые. Земноводные. Птицы. Дикие животные (250 ед.).

III. Семья. Жизненный цикл. Административные учреждения. Религиозная жизнь. Праздники и развлечения. Приложение и два диска (360 ед.).

IV. Одежда. Жилье (370 ед.).

V. Тело человека. Питание (290 ед.).

VI. Работа и занятия. Транспорт. Плавающие средства и рыболовство. Фонетика. Грамматика (280 ед.) [Flórez 1981–1983].

Как отмечают отечественные исследователи колумбийского национального варианта испанского языка (см., например, [Яковлева 2013; 2015]), Атлас представляет собой наиболее серьезную работу по испанскому языку страны, поскольку в нем предлагается максимально полное описание особенностей речи колумбийцев второй половины XX века. Кроме шести томов основного материала, приложения и дисков с фольклором различного этнографического происхождения, ALEC включает пособие для консультаций при работе с ним [Flórez 1983], что значительно облегчает его использование.

Обобщая информацию о содержании Атласа, можно выделить:

- 1) карты со статистикой по географии, политико-административному делению и аборигенным группам населения страны (11);
- 2) карты с лексическими и фонетическими вариантами слов, межвариантными синонимами, отличающими испанский язык разных регионов Колумбии от его пиренейского варианта (1523);
- 3) фотографии и рисунки;
- 4) лексикографический глоссарий.

По справедливому замечанию С. А. Яковлевой, Лингвоэтнографический Атлас Колумбии представляет собой дескриптивную работу, которая «заложила основу диалектных исследований в Колумбии и объяснила, почему и как происходила лексическая региональная дифференциация в номинациях» [Яковлева 2013: 69 – 70]. К несомненным достоинствам Атласа, помимо обширного языкового материала, следует отнести его значение для отражения народной культуры Колумбии. Регистрация многочисленных аутентичных аспектов устной традиции жителей разных местностей способствовала выделению диалектальных зон и описанию особенностей территориальных диалектов колумбийского национального варианта испанского языка.

Испаноязычные исследователи расходятся во мнениях относительно более дробного членения территории страны на диалекты, что связано, на наш взгляд, с недостаточной изученностью некоторых регионов Колумбии на момент появления определенных работ. Так, Л. Флорес в ALEC предлагает диалектное членение Колумбии на 7 групп:

- 1) *costeño* («костеньо») – диалекты жителей побережья, включающие «атлантический» (*atlántico* – «атлантико») и «тихоокеанский» (*pacífico* – «пасифико»);
- 2) *antioqueño* («антиокеньо») – диалект, распространенный на территории большей части департамента Антиокия, а также в регионах Кальдас, Рисаральда и Киндио;

3) *nariñense-caucano* («нариньенсе-каукано») – диалект части департаментов Нариньо и Каука;

4) *tolimense* – толимский диалект на территории регионов Уила и Толима;

5) *cundiboyacense* («кундибойясенсе») – диалект территории Центральных Анд;

6) *santandereano* («сантандереано») – диалект департаментов северо-востока страны – Сантандер и Северный Сантандер;

7) *llanero* («льянеро») – «равнинный» диалект жителей регионов Араука, Касанаре, Мета [Flórez 1981–1983: 104].

Классификация Л. Флореса отражена на Рисунке 1.

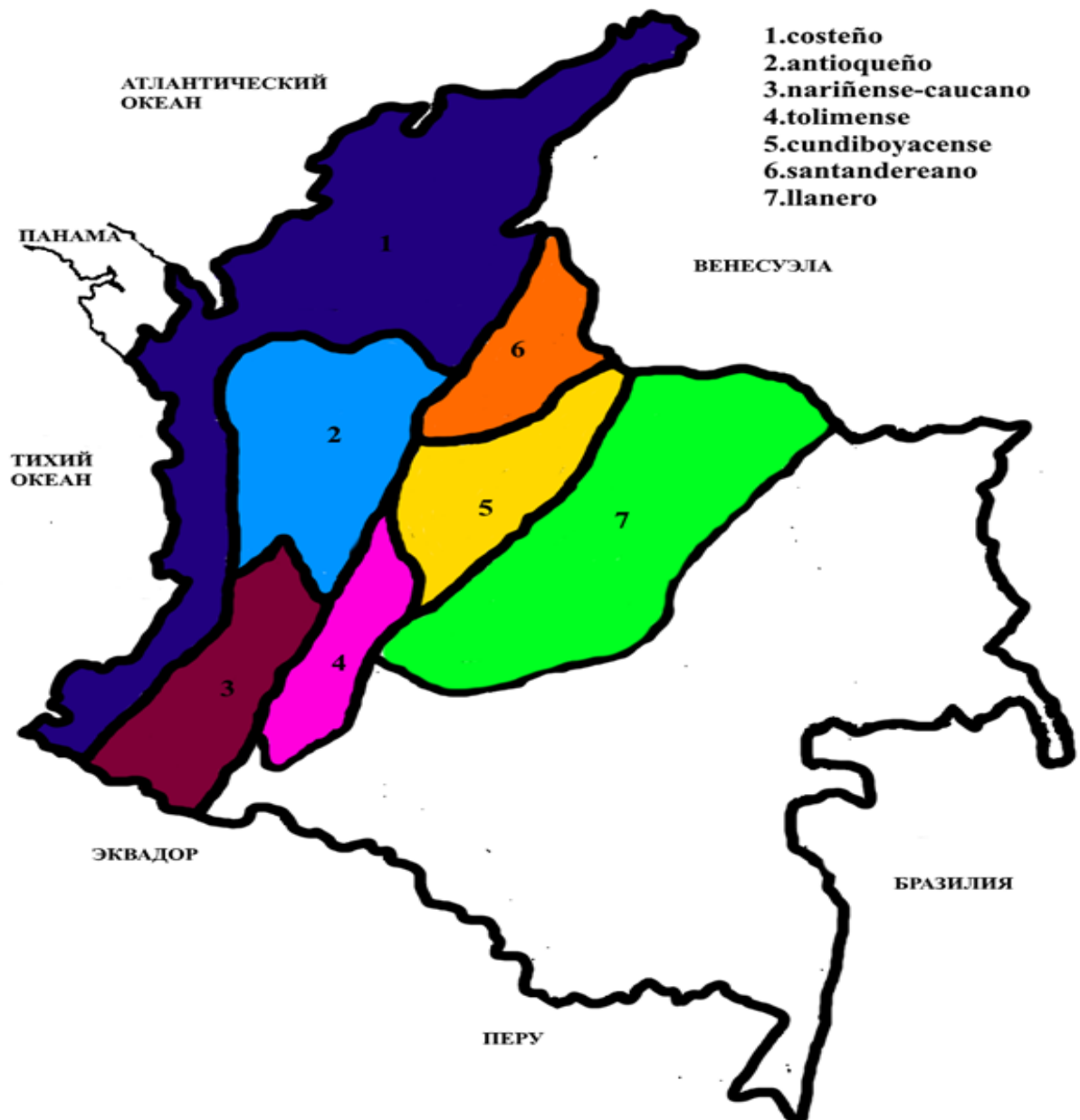

Рисунок 1 – Карта диалектов Колумбии
(по классификации Л. Флореса [Flórez 1981–1983: 104])

Как видно из Рисунка 1, территория долины реки Амазонки, как и острова в юго-западной части Карибского моря напротив побережья Никарагуа (департамент Сан-Андрес-и-Провиденсия), на момент публикации Атласа не входила в область диалектных исследований. В «Атласе Колумбии», вышедшем в Институте географии IGAC (Instituto geográfico Agustín Codazzi) в 1977 г., классификация колумбийских диалектов практически совпадает с предложенной Л. Флоресом, за исключением того, что нариньенсе-каукано разделен на 2 части – *nariñense* и *caucano*. Те же диалекты, кроме льянеро, ранее были очерчены в работе Л. Лопеса де Меса *De cómo se ha formado la nación colombiana* [López de Mesa 1970: 65 – 124].

Более развернутую классификацию (12 диалектов), с разделением территории страны на диалектные суперзоны, зоны и субзоны, предлагает Х. Х. Монтес Хиральдо [Montes Giraldo 1982: 49]. На ее основе нами была составлена схема диалектов Колумбии, наглядно показывающая их взаимосвязь в дихотомической системе «горы» – «побережье» (см. Рисунок 2).

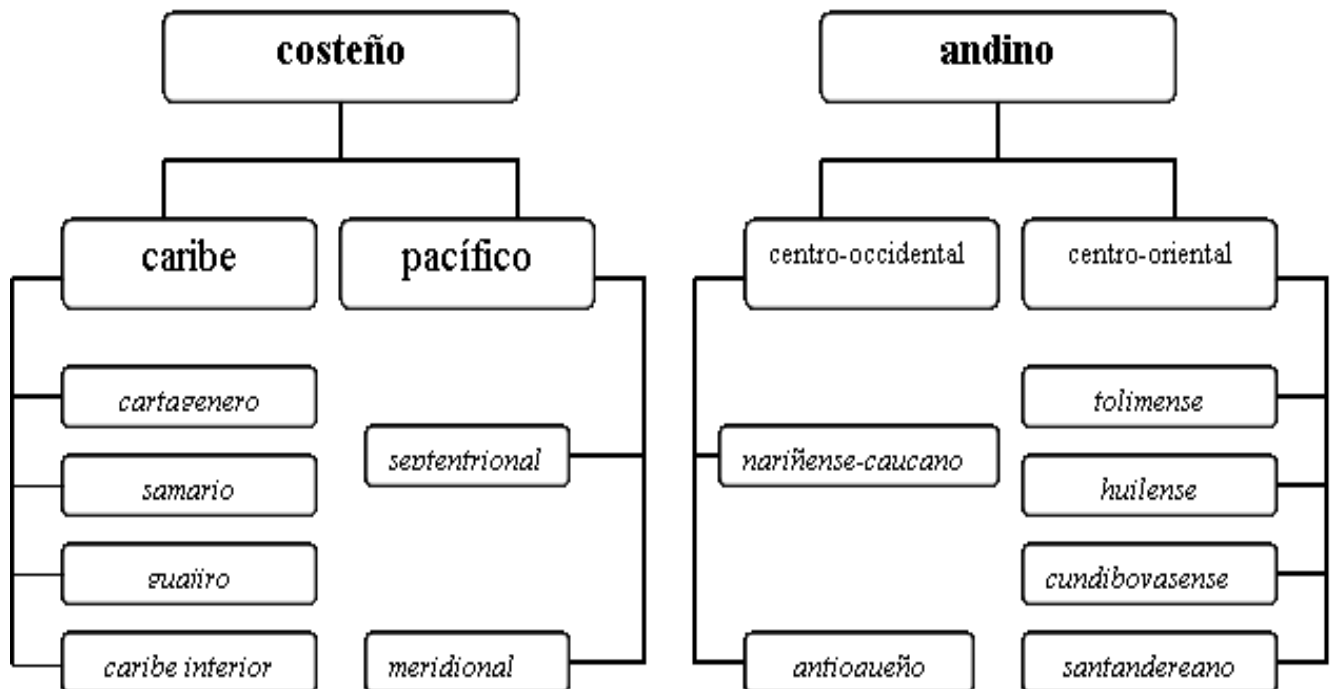

Рисунок 2 – Список диалектов Колумбии (по классификации Х. Х. Монтеса Хиральдо) [Montes Giraldo 1982: 49].

Как видно из Рисунка 2, супрадиалект побережья (*costeño*) включает карибский (*costeño caribe*) и тихоокеанский (*costeño pacífico*) диалекты, которые, в свою очередь, подразделяются на субдиалекты: первый – на говор Картахены (*cartagenero*), Санта-Марты (*samarío*), департамента Гуахира (*guajiro*) и так называемый «внутренний карибский» (*costeño caribe interior*); второй – на северный (*septentrional*) и южный (*meridional*). Супрадиалект Анд (*andino*) разделяется на «центрально-западный» (*centro-occidental*), включающий субдиалекты нариньенсе-каукано и антиокеньо, и «центрально-восточный» (*centro-oriental*) с субдиалектами по названиям регионов Толима (*tolimense*) и Уила (*huilense*), а также кундибойсенсе и сантандереано.

На основе классификации Х.Х. Монтеса Хиральдо известный американский романист Дж. Липски строит свою, этнографическую классификацию диалектов Колумбии. Классификация Дж. Липски тесно связана с обиходным сознанием колумбийцев, которое «разделяет» население страны на *cachacos* / «качакос» (жителей высокогорных районов) и *costeños* / «костеньос», проживающих на побережье. Во «внутренней суперзоне» находится и столица страны Богота, и, по мнению Дж. Липски, речь жителей колумбийской столицы выступает образцом для подражания для жителей других регионов страны [Lipski 1996: 220 – 230].

Мы в своем диссертационном исследовании вычленим следующие диалекты колумбийского национального варианта испанского языка: антиокийский (*antioqueño / paisa*), толимский (*tolimense*), «горный» (*andino*), «равнинный» (*llanero*), сантандерский (*santandereano*), боготанский (*bogotano / rolo*), островов (*isleño*) и долины р. Амазонки (*amazónico*), зоны побережья (*costeño*), диалекты Кундинамарки (*cundiboyacense*) и регионов Чокó и Каука (*cáucano – chocoano*).

Развитие диалектологии в СССР опиралось на традиции русской диалектологии. По инициативе филолога А.А. Шахматова в 1903 г. создается Московская диалектологическая комиссия, издавшая в 1915 г. «Опыт диалектологической карты русского языка в Европе» (Н.Н. Дурново, Н.Н. Соколов, Д.Н. Ушаков). Данная работа является первым опытом лингвистического картографирования диалектов восточнославянских языков, где была разработана

классификация и группировка этих диалектов и выделены границы диалектного членения русского языка.

В дальнейшем были определены принципы описания диалектов. В советском языкознании проблемами территориальных диалектов занимались Р.И. Аванесов (возглавлял работу по составлению ряда диалектологических атласов русского языка), М.А. Бородина, В.М. Жирмунский, Э.А. Макаев, Д.И. Эдельман и др. Р.И. Аванесов определил 2 основных типа диалектной речи: с одной стороны, это – речь «той части населения, которая не испытала заметного воздействия общенационального языка или испытала его в наименьшей степени», с другой – говор «передовых сельских кругов – молодежи, комсомольцев, активистов, местной интеллигенции, – который более или менее приближается к нормам общенационального языка». Кроме того, исследователь выделяет ряд переходных, промежуточных типов, «границы которых зыбки и трудно поддаются определению» [Аванесов 1949: 27]. Позже филологи Л.И. Баранникова, В.Г. Орлова, Т.С. Коготкова сошлись во мнении, что носителей «чистого говора» становится все меньше, в то время как увеличивается многообразие смешанных форм диалектной речи.

Для отечественной лингвистики важную роль играют исследования В.М. Жирмунского, анализировавшего диалекты немецкого языка. В своем труде «Немецкая диалектология» (1956) филолог приходит к выводу, что при описании диалекта необходимо принимать во внимание, прежде всего, социальное расслоение, что вновь свидетельствует о необходимости учета социолингвистических факторов при выделении и изучении территориальных диалектов.

По утверждению А.В. Широковой, «самой древней из колонизованных периферийных романских областей является Испания. Здесь народнолатинские диалектные различия отражены как в различиях между диалектами (например, характер дифтонгизации в арагонском и кастильском, архаичные «южные» особенности изолированных пиренейских говоров), так и в различиях между целыми языками (отсутствие дифтонгизации в португальском, особый характер

дифтонгов в галисийском и в каталанском и др.)» [Широкова 1995: 271]. Исследователь предлагает собственную классификацию диалектов романских языков, в основе которой лежат отраженные в романских языках диалектные отношения народной латыни [Широкова 1995, 2002]. В своей работе мы ограничимся рассмотрением существующих трудов по диалектам испанского языка (как одного из самых распространенных языков в мире) в отечественной и зарубежной испанистике.

Мы полностью присоединяемся к точке зрения Г.В. Степанова, согласно которой «методологически ошибочно, а поскольку ситуации складываются в пределах государств, то и политически неверно и бестактно комбинировать иерархические структуры путем сведения в одну стратификационную шкалу по историческим, чисто лингвистическим или иным соображениям территориальные варианты, участвующие в разных ситуациях, и квалифицировать португальский язык Бразилии как диалект языка Португалии, ... французский Канады как диалект французского Франции, а аргентинский испанский как диалект европейского испанского или наоборот» [Степанов 1976: 59].

Как указывалось выше (С. 20), Н.М. Фирсова разработала свою собственную классификацию форм существования испанского языка [Фирсова 1987].

С другой стороны, Н.Ф. Михеева, основатель нового научного направления – межвариантной диалектологии испанского языка, – в своей докторской диссертации (2003) предлагает типологию классификаций диалектов испанского языка на основе ряда экстралингвистических факторов:

- 1) географической близости латиноамериканских стран;
- 2) степени отдаленности латиноамериканских стран от Испании и степени интенсивности контактов с метрополией;
- 3) территориального распределения в них основных языковых семей американских индейцев;
- 4) проживания в схожих со своей Родиной климатических зонах;
- 5) места проживания испанских конкистадоров как в Испании, так и на новых землях;

- 6) социальной принадлежности испанских конкистадоров;
- 7) фонетических характеристик испанского языка в разных регионах его распространения;
- 8) лексического фонда испанского языка в различных латиноамериканских странах;
- 9) грамматической системы испанского языка в странах Латинской Америки;
- 10) языковых универсалий в современном испанском языке [Михеева 2003: 50].

Согласно приведенным классификациям, испанский язык Колумбии является национальным вариантом испанского языка. Что касается социолингвистического статуса испанского языка в департаменте Киндио в Колумбии, в своей работе мы определяем его как *колумбийский территориальный диалект испанского языка департамента Киндио*.

§ 1.3. Экстралингвистические факторы, оказавшие воздействие на становление колумбийского национального варианта испанского языка

Известно, что на сегодняшний день испанский язык является официальным языком в более, чем 20 странах, в каждой из которых его варианты заметно отличаются друг от друга, не равнозначны по своей распространенности, изученности и использованию. Любой национальный вариант языка имеет свои характерные черты, которые прослеживаются практически на всех уровнях его системы и являются результатом воздействия ряда экстралингвистических факторов, среди которых в Колумбии, в плане диахронии, можно выделить следующие: исторический, этнический, социально-экономический, культурно-идеологический, территориальный. Подробнее остановимся на их рассмотрении.

I. Исторический фактор. В истории Колумбии до первой трети XIX века выделяются 2 глобальные эпохи: доколумбовая, или эпоха чибча-муисков, создавших величайшую цивилизацию дохристианской Америки, и эпоха испанской Конкисты. Вторая считается временем колонизации королевской Испанией сначала Карибского побережья (начата в 1525 г., когда испанцам удалось построить первый

город – Санта-Марту), а затем – всей территории современной Колумбии (входившей до 1809 г. в состав вице-королевства Новая Гранада).

Колонизация той части Америки, где сейчас расположена Колумбия, началась в середине 30^х гг. XVI века, когда испанцам удалось закрепиться на Карибском побережье благодаря основанию в 1525 г. города Санта-Марта. В апреле 1536 г. из Санта-Марты, близ устья р. Магдалены, вышла одна из самых крупных военных экспедиций (600 пехотинцев, 200 моряков, 70 всадников) с целью проникнуть в Перу. Экспедицию возглавил выпускник университета Саламанки Г.Х. де Кесада.

В 1718 г. Новая Гранада (название, данное Г.Х. де Кесадой захваченным территориям) стала вице-королевством, в состав которого вошли также нынешние Эквадор, Венесуэла и Панама. Немалую роль при колонизации Латинской Америки сыграла католическая церковь: монашеским орденам (сначала францисканцам, затем – доминиканцам и августинцам, а со второй половины XVI века – и иезуитам), король поручил обращение индейцев в христианство. В первую очередь, в христианство стремились обратить индейских вождей – касиков, которым предоставлялись привилегии, дворянские звания с соответствующим гербом, право ездить на лошади и даже носить оружие, что запрещалось простым индейцам. Детей касиков, на которых миссионеры обращали особое внимание, воспитывали в специальных миссионерских школах с усиленной «испанизацией»¹.

Первые учебные заведения, появившиеся в стране, создавались по инициативе церковных властей, примером тому может послужить «Колледж Максимо де Сантафе», действующий и по сей день. В столице было открыто 4 колледжа для детей знати, а для остальных существовали церковно-приходские школы. Грамотными в то время были не более 5% детей и взрослых. Насаждение чуждой культуры и языка, жестокая борьба с любыми проявлениями автохтонной культуры сделали свое дело: языковой барьер между коренным населением и завоевателями исчез, как исчезли (целиком или практически полностью) аборигенные языки в центральном районе страны. Теперь в этих местах коренное население говорило на испанском и исповедовало католическую религию, поэтому

¹ Подробнее по данному вопросу см.: Friede 1960.

в 1783 г., когда Мадрид распорядился отменить преподавание языка муисков в Санта Фе, на нем уже практически никто не говорил. В настоящее время колумбийский «стандарт» распространен на всей территории Колумбии не только благодаря Колумбийской академии языка и национальным Программам по образованию, но и посредством прессы, радио и телевидения. Однако особо подчеркнем, что в департаменте Киндио в ряде университетов и школ ведется преподавание на местном диалекте; на нем пишется художественная литература.

II. Проанализируем воздействие **этнического фактора** на испанский язык Колумбии и, в частности, колумбийского департамента Киндио. От языков коренного населения страны колумбийский национальный вариант испанского языка унаследовал значительное количество топонимов, к которым, согласно классификации О.С. Чесноковой [Чеснокова 2011: 53], относятся топонимы полностью автохтонного происхождения и части гибридных топонимов, сочетающих автохтонные индейские и испанские компоненты. Говоря о департаменте Киндио, можно выделить такие этнотопонимы, как *Quimbaya*, *Pijao*, «произошедшие» от названий соответствующих этнических групп (вышеупомянутых кимбайя и пихао), или антропотопонимы, образованные от имен индейских вождей, – *Chagualá*, *Calarcá* [Los nombres originales de los territorios, sitios y accidentes geográficos de Colombia 1995: 230 – 232].

Автохтонные колумбийские топонимы в других областях также выделяют по определенным формантам, характерным для языка чибча, таким как, например, *Sua* – ‘солнце’, *ga/gua* – ‘гора’, *-quica/-quira* – ‘место, поселение’, *-ta* – ‘область’ и т.д. [Espejo Olaya 1999: 1129–1131]. Как отмечает О.С. Чеснокова, для большинства автохтонных колумбийских топонимов характерна акцентная структура с ударением на последнем слоге [Чеснокова 2011: 54], что прослеживается и в приведенных названиях *Chagualá*, *Calarcá*, и во многих других (*Boyacá*, *Sotaquirá*, *Zipacquirá*, *Raquirá* и др.), включая наименование столицы Колумбии – *Bogotá* и т.д.

Стоит также отметить, что топоним Богота (*Bogotá*) «восходит» к индихенизму *bacatá* (‘граница возделанного поля’), однако полное название столицы – *Santa Fe de Bogotá* иллюстрирует принцип создания гибридных

топонимов. Такие топонимы представляют собой сочетание испанских компонентов (в данном случае – с религиозной семантикой) с автохтонным языковым материалом. При этом религиозный компонент *Santa Fe* (‘Святая Вера’), по утверждению как отечественных, так и зарубежных испанистов, является для латиноамериканского топонимического корпуса универсально представленным ресурсом (см. [Lipski 1994: 79], [Чеснокова 2011: 56]).

Началом указанным процессам послужило завоевание испанцами цивилизации чибча-муисков – одного из самых многочисленных племен Южной Америки, которое начинает свою историю в первом тысячелетии нашей эры. В это время на территории андийской части страны возникают конгломерации поселений (имеющих по типу общественного и территориального устройства сходство с античными греческими полисами), каждое из которых является частью народа чибчас¹. Центром земель чибчас было высокогорное плато Восточных Кордильер и находящиеся к северу от Боготы долины рек Тунья и Согамосо; кроме того, они занимали южные от Боготы долины и восточные склоны Кордильер до льяносов реки Меты, притока Ориноко. Чибча-муиски в XIV–XVI веках создали несколько раннеклассовых государств, и в начале XVI века здесь проживало до 1 млн. человек. Всего здесь существовало 42 индейских города, крупнейшим из которых была Богота [Стингл 1984: 454 – 456].

Согласно историческим хроникам, в XII–XIII веках шло активное формирование политических объединений чибча-муисков. Царства чибча, сами будучи очагами цивилизации, отражали набеги «варварской периферии» – аравакских и, особенно, карибских племен. Необходимость защиты своих границ от вторжений воинствующих соседей стимулировала рост объединительных тенденций, и если бы не испанское вторжение, то на месте отдельных царств чибча-муисков вскоре возникло бы сильное и единое муискское государство.

Однако даже уже существовавшее общественное устройство муисков находилось на достаточно высоком уровне: на момент испанской Конкисты у чибча-муисков зарождались классы. Родовая община («ута») в одних местностях

¹ Подробнее см.: Созина 1969.

исчезла полностью, а в других продолжала существовать в виде пережитков (иногда – групп родственных семей) в составе сельской общины («сибин»), составлявшей основную ячейку общества [Созина 1969: 94 – 113].

Больших масштабов среди чибча-муисков достигло ремесленное производство, особенно – ювелирное. Широко были представлены также гончарное дело, ткачество, оружейное дело, добыча соли, каменного угля, изумрудов. У муисков была хорошо развита торговля: каждые четыре дня в ряде городов, например, в Сипакире и Турмеке, устраивались большие торги. Здесь продавались ткани, соль и, в особенности, листья коки. Главной статьёй экспорта была соль. Для ее вывоза муиски построили особую дорогу, которая вела с горных плато далеко на север, почти до самого моря. Кроме соли, муиски вывозили драгоценные камни и ткани. Муиски – единственный народ Древней Америки, у которого появились небольшие золотые диски (техуэлос), выполнявшие функции монет, денег, хотя достоверно данный факт не доказан.

Наиболее влиятельную прослойку населения, после вождей, составляло жречество – шеке, каста общества, постепенно входившая в формировавшийся господствующий класс. Также в него входила традиционная родоплеменная аристократия, новая знать, занимавшая руководящие посты в различных звеньях стремительно растущего государственного аппарата, военные командиры, отдельные разбогатевшие земледельцы, ремесленники, торговцы и ростовщики. Во главе государства стоял правитель, концентрировавший в своих руках всю законодательную, исполнительную и судебную власть. Нарождавшиеся вместе с государством нормы права, запечатленные в кодексе, приписываемом Немекене, правителю Факаты, четко фиксировали сложившееся в обществе неравенство.

Необходимо отметить еще одну немаловажную деталь, относящуюся к доколумбовым цивилизациям на территории Колумбии – письменность чибча-муисков. До сих пор не найдено точных доказательств ее наличия, либо отсутствия, однако петроглифы, найденные ранее, обладают высокой степенью стилизации, и их расположение в одну линию вызывает предположение исследователей о том, что у чибча-муисков к моменту испанского вторжения зарождалась письменность

в виде иероглифики. Так, еще в XIX веке монах Д. Дукесне выдвинул гипотезу о графической передаче чисел и астрономических явлений в языке чибчас [Duquesne 1848], а наиболее известным сторонником идеи наличия у муисков письменности в XX веке выступал М. Триана – известный колумбийский ученый-историк и инженер.

На основании приведенных фактов можно сделать вывод о том, что к моменту вторжения испанцев на территорию, занимаемую чибча-муисками, у них складывалось раннеклассовое национальное, единое и независимое государство. Однако испанская конкиста уничтожила не только складывавшееся государство и общественное устройство чибчас, но и их культуру и язык [Григулевич 1977: 206].

Трагична и история исчезновения культуры не менее известных индейских племен кимбайя, которые считались самыми искусными золотых дел мастерами индейской Америки. Шесть кимбайских племен вместе с племенами пихао, объединенных в могущественную конфедерацию, до прихода конкистадоров жили по среднему течению реки Кауки [Стингл 1984: 84], в частности, на территории современного колумбийского департамента Киндио. Испанская конкиста на территориях кимбайя и пихао началась в 1539 г. (на тот момент индейское население составляло порядка 20000 человек). Историк Х. Фриде пишет о двух жестоко подавленных восстаниях в 1542 и 1577 гг., в результате чего население кимбайя к концу XVI века сократилось более, чем на 60%. Тяжелая работа, недоедание, болезни и, наконец, война испанцев с пихао, окончившаяся разгромом последних, привели к тому, что во время переписи населения через 100 лет, в 1628 г., было зарегистрировано всего 69 представителей указанных этнических групп [Friede 1973: 53 – 96, 267].

Таким образом, к 1830 г., когда страна получила современные границы и стала развиваться как независимое государство, в ней произошли кардинальные изменения не только территориального, но и этнического характера, что, в свою очередь, оказало немалое влияние на становление колумбийского национального варианта испанского языка.

III. Рассмотрим влияние **социально-экономического фактора** на вариативность ЯЕ в испанском языке колумбийского департамента Киндио. В данном аспекте, в первую очередь, следует подробнее остановиться на демографическом положении, которое сложилось в Новой Гранаде на тот период. Как было отмечено выше, геноцид испанцев по отношению к аборигенам и завезенные европейцами болезни (оспа, тиф, корь, грипп, бубонная чума, холера, малярия) существенно сократили численность коренного населения Америки. Так, если страна муисков по плотности автохтонного населения занимала первое место во всей доколумбовой Америке (в начале XVI века – примерно 60–70 чел./кв.км), то к середине XVII века их численность составляла лишь 2% от доколумбовой эпохи.

К концу XVII века новый приток переселенцев и смешанные с индейцами браки изменили демографическую ситуацию Королевства. Историк Э. Г. Александренков приводит следующие данные: в 1778 г. в Новой Гранаде проживало 826 550 обитателей: 277 668 белых, 368 093 свободных (так называли метисов), 136 753 аборигена, 44 636 рабов (негров) [Александренков 2007: 3]. Приток белых вел к ассимиляции и распространению испанского языка, что всячески поощрялось метрополией. Именно в этот период стали более явными различия в правах между европейцами и американцами – креолами¹. Они заключались в недовольстве дискриминационными мерами, принятыми в отношении креолов, которым запрещалось участвовать в органах управления страной. При этом налоги в пользу Испании были непомерными.

Для многих испанских колонистов, которые владели рудниками по добыче изумрудов, драгоценных металлов, золотыми приисками и соляными копиями, занятие сельским хозяйством было делом второстепенным. В XVII веке Колумбия занимала первое место в мире по добыче золота и, по сути, с помощью сельского хозяйства обеспечивала лишь собственные нужды. Лишь в середине XVIII века

¹ Под креолами в диссертации понимаются потомки первых европейских переселенцев на территорию колоний Южной Америки. – Прим. А. Сеницыной.

началось развитие текстильной промышленности, хотя до прихода испанцев муиски превосходно владели этим ремеслом.

Во второй половине XIX века произошло административно-территориальное оформление большинства регионов страны, обусловившее последующее развитие ее диалектных зон. Так, рассматриваемая в настоящей работе территория современного департамента Киндио, являвшаяся на тот момент частью департамента Каука и составлявшая вместе с соседними Кальдасом и Рисаральдой область под названием «Старый Кальдас» (*el Viejo Caldas*), включилась в процесс так называемой «антиокийской колонизации» и стала частью «Большой Антиокии» (*Antioquia Grande*). Данное название официально перестало существовать в 1905 г., с образованием отдельного департамента Кальдас. Через 3 года (в 1908 г.) его частью стал Киндио, который получил статус самостоятельного департамента лишь 1 июля 1966 г. Согласно точке зрения известного колумбийского ученого Ф. Торо Аранго, *el nombre de Antioquia Grande ahora se utiliza como un símbolo romantizado del pasado, para distinguir las características de la lengua y de la cultura regional* ('термин *Antioquia Grande* в настоящее время используется как романтизированный символ прошлого для обозначения общеязыковых и общекультурных черт региона') [Toro Arango 2013: 64].

Именно во времена «Большой Антиокии» произошло становление большинства крупных городов данной территории. Один из них – столица современного департамента Киндио – Армения. Свое название город Армения получил в честь одного из имений, которым владела приехавшая в Южную Америку армянская община. В середине XIX века пришедшие европейцы основали на месте современной Армении небольшое поселение – Вилла Ольгин, названное в честь действовавшего на тот момент президента Карлоса Ольгин Мальярино. В 1880 г. сюда прибыли первые иммигранты из турецкой Антакьи. Предание гласит, что умеренный теплый климат и живописная природа так понравились главе армянского семейства, что на выкупленных землях он развернул бурную деятельность по выращиванию кофе и других сельскохозяйственных культур.

Процветающее имение соседи – местные жители – стали называть между собой «Армения».

За 9 лет небольшая деревенька постепенно превратилась в крупный по тому времени агропромышленный центр. Вскоре за счет привлечения трудовых ресурсов его население значительно выросло, что позволило Армении получить статус города. Юридически данный статус был закреплен местным правительством 14 октября 1889 г. В начале XX века Армения становится одним из важнейших экономических, а во второй его половине – и туристических центров страны, за что получает название *La Ciudad Milagro de Colombia* (‘колумбийский город-чудо’).

Указанные факты сыграли определяющую роль в том, что речь жителей Киндио и других регионов «Кофейного треугольника» стала пользоваться большим престижем. Р.Х. Куэрво так отзывался о лексических единицах (ЛЕ) в испанском языке департамента Киндио: ... *son monumentos y reliquias de la lengua que deberían conservarse como oro en paño*. (‘это – памятники и реликвии языка, которые необходимо хранить, как золото, обернутое в сукно’) (Цит. по: [Toro Arango 2013: 321]).

Не последнюю роль в престижности данного территориального диалекта играет тот факт, что Киндио является одним из богатейших департаментов страны за счет выращивания и продажи кофе: *El Quindío es un minifundio rico. No existen pequeños cafeteros pobres. Cada centímetro de tierra produce al máximo. Es el departamento símbolo del café en Colombia* (‘Киндио – это небольшое богатое поместье. Бедных продавцов кофе не бывает, даже если у них маленькое хозяйство. Каждый сантиметр земли плодоносит по максимуму. Это – департамент, который является символом кофе в Колумбии’) [Toro Arango 2013: 353]. В Киндио находится известный на всю страну Парк кофе, а кофейные ландшафты департамента в 2011 г. были признаны объектом всемирного наследия ЮНЕСКО.

В результате многочисленных реформ и народных выступлений к концу 1960^х гг. экономика Колумбии не только вышла из кризиса, но и стала одной из самых стабильных в Латинской Америке. Колумбия сравнительно легко перенесла

финансовый кризис 1980^x гг. и осталась единственной страной в регионе, которой не пришлось прибегать к реструктуризации внешнего долга. В последние десятилетия XX века роль сельского хозяйства постепенно начала снижаться, и к 1996 г. на его долю приходилось около 20% ВВП, включающего стоимость всех произведенных в стране товаров и услуг. Колумбийская промышленность, в основном, ориентирована на добычу и экспорт нефти, которая, начиная с 1950^x гг., была одной из основных статей экспорта. Главными районами нефтедобычи являются месторождения в долине р. Магдалена (около города Барранкабермеха).

Современная Колумбия – это динамично развивающаяся страна с четвертой по величине экономикой в Латинской Америке. С 2002 г. Колумбия демонстрировала значительный рост экономики, а в 2008 г. прямые иностранные инвестиции достигли рекордных \$10 млрд. В 2007 и 2011 гг. рост ВВП Колумбии, по данным Всемирного банка, превышал 6%¹. Правда, снижение цен на нефть в 2014 г. отразилось на экономической ситуации в стране не лучшим образом, однако государству удалось избежать серьезных потерь для бюджета, а значит – сохранить рабочие места и привлекательность страны для инвестиций. Последние 10 лет для Колумбии стали десятилетием роста и стабильности, в стране был создан принимающий политические решения аппарат, который помог ей стать более устойчивой по отношению к кризису сырьевых товаров.

На данный момент Колумбия налаживает долговременные отношения со странами ЕС. Так, одной из экспортных статей выступает экспорт авокадо. В 2015 г. экспорт колумбийского авокадо сорта «Hass» достиг максимума. В опубликованном в этом году пресс-релизе Министерства сельского хозяйства Колумбии² сообщается, что 99% грузов с авокадо было отправлено в ЕС, преимущественно в Нидерланды, Великобританию и Францию. Кроме того, сегодня Колумбия в значительных объемах экспортирует цветы, бананы и кофе, причем последняя статья является наиболее узнаваемым брендом Колумбии: колумбийский кофе считается одним из лучших в мире. Увеличение экспорта кофе

¹ URL: <http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.PP.CD>.

² URL: <https://www.minagricultura.gov.co>.

привлекает в этот район многих мигрантов из других регионов Колумбии и других стран. Мигранты «привносят» сюда свои языки и диалекты, которые «растворяются» в диалекте департамента Киндио.

Говоря о развитии экономики страны, невозможно не сказать о том, что Колумбия, наряду с экспортом товаров, прилагает большие усилия для развития туризма. Как известно, именно туризм выступает лучшим популяризатором страны в мире. Обеспечивая развитие этой отрасли, государство одновременно решает несколько задач, направленных на улучшение жизни простых граждан. Так, в 2015 г. Колумбия приняла 4 млн. 200 посетителей, генерируя доходы в размере 4 млрд. долларов. В стране проводится ежегодная туристическая ярмарка АНАТО¹, организуемая колумбийской Ассоциацией агентств путешествий и туризма.

В последнее десятилетие территория колумбийского департамента Киндио превратилась в зону «кофейного» туризма, которая славится удачным сочетанием сельскохозяйственного бизнеса местных фермеров с экологическим отдыхом для посетителей. По данным армянских туристических агентств, все больший интерес к экзотике колумбийской Армении проявляют соотечественники с исторической Родины, хотя проводить отпуск в Киндио любят и сами колумбийцы. Остановившись на гостеприимных фазендах, туристы добровольно участвуют «на подхвате» в процессах поливки, сбора или обработки кофейных бобов. В столице Киндио – Армении – находится и единственный в мире Музей кофе, где, благодаря экспонатам и экскурсиям, можно подробно узнать о полном цикле производства кофе, от посадки куста до упаковки готового продукта. «Кофейный туризм» также способствует повышению престижности колумбийского территориального диалекта испанского языка департамента Киндио.

IV. С вышеописанными историческим, этническим и социально-экономическим тесно связан **культурно-идеологический фактор**, который также оказал серьезное влияние на становление колумбийского национального варианта испанского языка. Самым важным явлением в данном контексте стало возникновение в передовой части общества серьезного идеологического движения,

¹ URL: <http://anato.org/>.

связанного с европейским Просвещением. В кругах интеллигенции и в учебных заведениях это выразилось прежде всего в активном наступлении на схоластическую систему преподавания и в пропаганде научных идей Декарта, Ньютона, Лейбница, французских энциклопедистов и других великих мыслителей XVIII века. Складывавшаяся с середины XVIII века национальная культура Колумбии впитала в себя наиболее передовые идеи европейской мысли.

Огромную роль в становлении национальной колумбийской культуры сыграл Х. С. Мутис, который «открыл» для Новой Гранады имя Н. Коперника. Усилиями Х. С. Мутиса в Боготе была сооружена первая в Латинской Америке астрономическая обсерватория. Наиболее ценным вкладом в культурное развитие Колумбии стало основание Х. С. Мутисом так называемой Ботанической экспедиции и его деятельность в качестве руководителя данного научного учреждения. Ботаническая экспедиция, работавшая в 1782–1790 гг. в городке Марикита, а с 1791 по 1812 гг. – в столице Новой Гранады, стала центром национальной культуры, с ней в той или иной степени были связаны все образованные люди страны [Arciniegas 1970: 340].

Говоря о подъеме научной жизни в Новой Гранаде в конце колониального периода колумбийской истории, нельзя не отметить деятельность ученика и сотрудника Х. С. Мутиса – Ф. Х. де Кальдаса (1770–1816). С его именем непосредственно связано и начало развития научной периодической печати в Колумбии. Ранее было предпринято несколько попыток наладить выпуск периодических изданий, однако издание «Еженедельника вице-королевства Новая Гранада» оказалось наиболее успешным. «Еженедельник» Ф. Х. де Кальдаса публиковал на своих страницах новейшие работы по проблемам торговли, ботаники, медицины, астрономии, географии и других наук по определенным вопросам, имевшим актуальное значение в жизни страны. «Еженедельник» существовал с 1808 по 1810 гг., до начала вооруженной освободительной борьбы латиноамериканских народов за независимость [Селиванов 1984: 155]. Интересно, что Ф. де Кальдас впоследствии был редактором первого в Колумбии политического периодического

издания «Диарио политико», информировавшего читателей о ходе освободительного движения в Америке.

Заметную роль в развитии культуры Колумбии второй половины XVIII – начала XIX века играли библиотеки. Первоначально это были частные коллекции, например, поэта А. Мутиса, политического деятеля А. Х. Нариньо и др., куда по различным каналам попадали новейшие европейские издания, а в 1777 г. была учреждена публичная библиотека в Боготе.

В 1903 г. был принят закон о государственном образовании, который заложил основы системы народного образования в Колумбии. В нем колумбийский «стандарт» испанского языка был закреплен в качестве официального языка преподавания в школах и университетах страны¹.

Еще одним культурно-идеологическим критерием для обозначения в системе полинационального языка его национального варианта является развитость литературного языка. Колумбия, с точки зрения культуры, имеет на протяжении многих лет репутацию страны гуманистов, писателей и поэтов. Считается также, что Колумбия – одна из стран, где наибольшую поддержку получил академический пуризм и лучше других говорят по-испански [Яковлева 2013: 64]. Литературный испанский язык Колумбии известен во всем мире благодаря творчеству писателей и поэтов Г. Гарсиа Маркеса, Х. Г. Васкеса, С. Гамбоа, А. Мутиса и др.

V. Территориальный фактор. Лингвогеографический подход к выделению того или иного диалекта связан с выявлением и разграничением его контуров. В одних случаях указанные контуры могут быть весьма расплывчатыми, так что в их рамках с трудом возможно определить ядро диалекта, в других – очерчивают его более определенно.

Как отмечает Н. Ф. Михеева, наиболее «расплывчатыми» пучками выступают лексические изоглоссы, наиболее «компактными» – фонетические. «Компактность» последних определяется тем, что «фонетические особенности обычно встречаются в определенном количестве слов, а также тем, что «закономерные» сдвиги артикуляции нередко одновременно охватывают целую

¹ URL: <http://colombia.su/kultura-i-eyo-proyavleniya/obrazovanie-i-nauka>.

серию однородных в артикуляционном отношении звуков» [Михеева 2003: 33 – 34]. При этом ареальный метод исследования, широко использованный Н. Ф. Михеевой, очерчивает не только границы диалекта, но и внутрдиалектное деление (дробление на поддиалекты или на говоры)¹.

Современные диалекты Колумбии являются результатом многовекового развития страны. Мнение Е.В. Карпиной о том, что расселение носителей языка на обширной территории влечет за собой ослабление контактов, в результате чего в регионах возникают новшества, которые закрепляются только на ограниченных территориях [Карпина 2014: 219], в полной мере справедливо и для колумбийского национального варианта испанского языка.

Территориальный фактор играет одну из наиболее существенных ролей для выделения и объяснения явлений языка. Во-первых, данный фактор объясняет наличие или отсутствие четких границ как между разными языками, так и между их национальными вариантами, чему способствуют явно выраженные «естественные» границы, например, водные или горные. Отсутствие таких границ, как отмечает С.А. Яковлева, способствует «возникновению диалектных континуумов, в которых соседствующие народы хорошо понимают язык друг друга, а отдаленные – не очень; поэтому, например, испанский язык Мексики и Гватемалы по лексическому составу намного ближе друг другу, чем испанский язык Мексики и Аргентины или Боливии» [Яковлева 2015: 29].

Во-вторых, с помощью географии исследователи (см., например, работы Н.Ф. Михеевой, Е.В. Карпиной, О.С. Чесноковой, С.А. Яковлевой) объясняют характер и скорость языковых изменений. Так, причиной «грамматического консерватизма» латиноамериканских национальных вариантов испанского языка (по сравнению с «пиренейским испанским») считается тот факт, что жители Латинской Америки долгое время существовали в условиях географически изолированного континента. При этом тесный контакт испанского языка с разными индейскими языками на американском континенте обусловил появление

¹ Более подробно об ареальном методе исследования см.: Михеева 2002, 2003, 2007, 2009.

национально-культурных особенностей на всех уровнях систем его национальных вариантов.

Таким образом, развитие диалектов на территории Колумбии стало результатом особенностей сложной географии страны, которая на западе омывается Тихим океаном, а на северо-западе – Карибским морем (вдоль побережий расположены низменности). В западной части страны с севера на юг протянулись Анды, разделенные долинами рек на три основных хребта – Западную, Центральную и Восточную Кордильеры. На севере Колумбии находится обособленный горный массив Сьерра-Невада-де-Санта-Марта, а на востоке – плоскогорье, пересекаемое притоками Амазонки. Горные хребты обусловили отсутствие доступа жителей разных регионов страны друг к другу и, как следствие, недостаток общения между ними и «передачу» друг другу своих языковых особенностей.

Проведенное нами исследование показало, что на синхронном срезе выбор той или иной ЯЕ в речи жителей колумбийского департамента Киндио зависит, прежде всего, от следующих экстралингвистических факторов: возраста, уровня образования и воспитанности (ниже среднего / средний / выше среднего), места жительства (город / сельская местность), обстановки (места) речевого акта, функционально-стилистического, формы языка.

Выводы по Главе 1

Одной из задач данной работы является исследование социально-коммуникативной роли испанского языка на территории колумбийского департамента Киндио, в связи с чем в Главе I были обозначены базовые параметры, определяющие языковую ситуацию в Колумбии и в ее регионах. В результате уточнения таких терминов, как «языковая ситуация», «национальный вариант языка», «социальный диалект» и «территориальный диалект» был сделан ряд выводов:

1) испанский язык Колумбии является национальным вариантом полинационального испанского языка;

2) языковая ситуация на территории колумбийского департамента Киндио может быть определена как экзогlossная несбалансированная;

3) форма существования испанского языка в колумбийском департаменте Киндио определяется нами как колумбийский территориальный диалект испанского языка департамента Киндио.

Для понимания языковой ситуации и особенностей диалектного членения на территории Колумбии важен учет экстралингвистических факторов: исторического, этнического, социально-экономического, культурно-идеологического и территориального. Рассмотрение указанных факторов в единстве позволило прийти к следующим заключениям:

1. История Колумбии делится на несколько ключевых для развития страны макропериодов: доколонизаторскую эпоху, когда на территории Колумбии процветала цивилизация чибча-муисков, одного из самых многочисленных племен Южной Америки, и эпоху колонизации Южной Америки испанскими конкистадорами, которая началась в середине 30^х гг. XVI века; период государства Новая Гранада (имевшего в разное время статус аудиенсии, вице-королевства и Республики) и существование Колумбии как независимого государства в современных границах с 1866 г.

2. Вторжение испанцев на территорию чибча-муисков уничтожило не только складывавшееся государство, его общественное устройство, но и культуру и язык. Геноцид испанцев по отношению к аборигенам, «завезенные» европейцами болезни значительно сократили численность коренного населения Америки. К концу XVII века новый приток переселенцев и смешанные с индейцами браки изменили демографическую ситуацию Королевства. Со временем культура местных обитателей оказалась в разной мере трансформированной как в материальных аспектах (пища, жилище, одежда, орудия труда, средства транспорта), так и духовных.

3. С 1866 г. по настоящее время Республика Колумбия, получив свое современное название и границы, пережила несколько гражданских войн и 30 государственных переворотов, однако в современный период экономическое

положение страны эксперты называют стабильным. Колумбия является одним из ведущих поставщиков нефти и кофе, которые выступают основным источником доходов бюджета Республики.

4. Поскольку жители Латинской Америки и, в частности, Колумбии долгое время существовали в условиях географически изолированного континента, их национальные варианты со временем приобретали все больше отличий от пиренейского национального варианта испанского языка. Что касается географических особенностей, повлиявших на развитие диалектных зон Колумбии, наиболее важную роль в их становлении сыграла обособленность прибрежных и горных регионов, разделенных тремя хребтами Анд, а также отдаленность группы регионов Амазонской низменности и ряда островов, входящих в состав страны, друг от друга.

Современное диалектное членение территории Колумбии опирается на две классификации 80^х гг. XX века: первая была предложена Х. Х. Монтесом Хиральдо и основывалась на выделении двух макрозон (супрадиалекты побережья и гор), внутри которых выделялись диалекты и субдиалекты (всего 12), вторая – Л. Флоресом в «Лингвоэтнографическом атласе Колумбии» ALEC (7 диалектных зон). Поскольку ученые не занимались исследованиями в долине реки Амазонки и на островах, указанные местности не были включены в перечень диалектных территорий, тогда как на сегодняшний день данная ситуация «исправлена» и территориальные диалекты (11) обозначены на всем пространстве страны.

Население Киндио во многом составляют потомки переселившихся из Испании басков, евреев и выходцев из Сирии и Ливана. Статус колумбийского территориального диалекта испанского языка департамента Киндио является одним из самых престижных среди территориальных диалектов страны.

Департамент Киндио находится на западе центральной части Колумбии и состоит из 12 муниципалитетов и 4 округов. Его экономика основана на выращивании и продаже кофе, с которым связана практически вся культурная и экономическая жизнь в департаменте. Уникальное положение региона, мягкий климат способствуют тому, что инвестиции в регион растут с каждым годом,

поэтому, помимо кофейного производства, местная экономика «базируется» на туризме.

На выбор ЯЕ на синхронном срезе влияют следующие экстралингвистические факторы: возраст, уровень образования и воспитанности (ниже среднего / средний / выше среднего), место жительства (город / сельская местность), обстановка (место) речевого акта, функционально-стилистический, форма языка.

Глава 2. ОСОБЕННОСТИ МЕНТАЛИТЕТА ЖИТЕЛЕЙ КОЛУМБИЙСКОГО ДЕПАРТАМЕНТА КИНДИО И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В ЯЗЫКЕ

§ 2.1. Место департамента Киндио в системе региональных обозначений этнокультурных групп колумбийцев. Рост престижности колумбийского территориального диалекта испанского языка департамента Киндио в стране

Департамент Киндио (Quindío), с административным центром в г. Армения, состоит из 12 муниципалитетов и 4 округов и располагается в западной части колумбийских Анд, что говорит о его принадлежности к горной макроне. Департамент известен как один из основных регионов выращивания кофе и входит в состав «Кофейного региона».

Испанский язык жителей Киндио, как и других департаментов «Кофейного региона» и Антиокии, относится нами к территориальному диалекту «пайса». Лексема *paisa* представляет собой «усечение» по типу апокопы от существительного *paisano* («земляк»). В речи жителей Киндио широко распространено замещение лексемы *la tierra* («земля») на *páis* («страна») – однокоренное существительное к *paisano*.

В узком смысле *paisa* – это разговорно-обиходный синоним лексемы *antioqueño* («антиокеньо»), от названия департамента *Antioquia* («Антиокия»).

Как известно, в процессе образования общности «пайса» участвовали многие этнические группы, в частности, – баски, а также крещеные евреи и выходцы из Сирии и Ливана [Народы и религии мира 1999: 249]. Интересно, что некоторые колумбийские исследователи, например, Х. Гутьеррес Агирре, считают антиокийский диалект фактическим продолжением сефардского языка (другие названия – еврейско-испанский язык, ладино, джудекко). Последний «вырос» из ранне-еврейско-кастильского диалекта и используется в условиях иноязычного окружения (в Израиле, отдельных районах Турции, Греции, Югославии, Румынии, Болгарии) на бытовом уровне, до сих пор сохраняя черты испанского языка конца XV века и проявляя признаки вымирания [Gutiérrez Aguirre 2010: 117].

Культурологический справочник *Así nos hemos entendido los paisas* под редакцией Ф. Торо Аранго приводит следующее выражение, которое, по словам ученого, емко определяет темперамент и характер жителей департамента Киндио и других департаментов общности «пайса»: *ahí vamos comiendo y tantiando* («так мы и живем: едим и считаем деньги») [Toro Arango 2013: 321]. В сознании колумбийцев «пайса» ассоциируются с практической смекалкой в бытовых вопросах, тягой к торговле, хитростью и изворотливостью, экспансивностью, а также богатым воображением [Чеснокова 2011: 43]. Об изворотливости и корыстности «пайса» свидетельствует поговорка *el paisa que se respete, pide rebaja* («пайса», который себя уважает, просит скидку»), а выражение *quiero morir en mi(s) pago(s)* (букв. «я хочу умереть, заплатив все долги») в рассматриваемом регионе чаще всего используется вместо привычного по всей стране *quiero morir en mi tierra* («я хочу умереть на своей земле»).

Речь жителей Антиокии, Киндио и других регионов «Кофейного треугольника» пользуется большим престижем, а в последнее десятилетие территория департамента Киндио превратилась в зону «кофейного» туризма. Устойчивый перифраз для Армении, столицы департамента Киндио – *La Ciudad Milagro de Colombia* («Колумбийский город-чудо»). Такое название город получил за невероятно стремительное развитие в секторе агропромышленной и туристической индустрии. Армению также называют «Кофейной столицей всех континентов», поскольку в окрестностях округа Армения-Малисалес-Переира выращивают лучшие сорта кофе. Указанные экстралингвистические факты сыграли значительную роль в укреплении позиций колумбийского территориального диалекта испанского языка департамента Киндио как одного из самых престижных территориальных диалектов страны.

К лингвистическим фактам роста престижности территориальных норм живой разговорной речи жителей Киндио можно отнести популяризацию городского молодежного жаргона *parlache* («парлаче»), изначально характерного для столицы Антиокии – города Медельин. Парлаче характеризуется сложившейся системой кодов и тропеических механизмов, проникающих в другие языковые

коллективы и регистры общения. Как справедливо отмечает испанист А.В. Кутькова, данный жаргон как социолингвистическое явление «становится заметным в 1980^х гг. и изначально представляет собой «тайный язык» маргинальных социальных слоев Медельина. В сравнительно краткие сроки парлаче превращается в средство эмоциональной экспрессии, образного, эвфемистического, игрового словоупотребления и становится неотъемлемой составляющей повседневной коммуникации современного Медельина, а отдельные его лексемы в ходу не только в других районах страны, но и за ее пределами» [Кутькова 2014: 243].

Действительно, многие из слов парлаче были популяризированы колумбийскими СМИ, использованы в книгах А. Салазара *Pablo Escobar, el patrón del mal (La parábola de Pablo)* (2001), *No Nacimos pa' Semilla* (1990), театральном шоу А. Лопеса *Letters – La Pelota de Letras* и т.п. [El Proyecto de Jergas de Habla Hispana]. Приведем отдельные лексемы из жаргона парлаче:

- *abrirse* ('открываться') – 'уехать';
- *caliente* ('горячий') – 'опасный';
- *guayabo* – 'похмелье' (в других частях Латинской Америки – *resaca*);
- *paquete* ('пакет') – 'один миллион колумбийских песо', также используется в качестве оскорбления;
- *sardino* ('сардина') – 'молодой человек';
- *sereno* (также *chiflón*) – 'легкая болезнь или недомогание'; 'связанный с холодными бризами' (*Me entró el sereno* – 'Я заболел');
- *vieja* ('старуха') – 'женщина, мама';
- *viejo* или *viejito* ('старик', 'старичок') – 'чувак, друг', 'папа' [Кутькова 2014: 243–253] и др.

Одной из главных характеристик жителей Киндио выступает любовь к комплиментам (*piropos*), причем под *piropo* понимается комплимент, адресуемый лицу женского пола и касающийся только его внешних данных. «Объект», как правило, не знаком адресанту, а комплимент обычно имеет шутливую форму преувеличенной и завышенной похвалы и реализуется в неофициальном регистре

общения с целью выразить восхищение или продемонстрировать ухаживание [Зверева 1995: 70].

Исследователи отмечают, что привычка местных жителей делать необычные, галантные и романтичные комплименты постепенно уходит в прошлое, принимая более спокойную форму европеизированных комплиментов. Тем не менее, именно на территории департамента Киндио все еще можно услышать довольно яркие варианты. Например, как показывает наш опыт, в Армении мужчина вполне может произнести на прощание: *¡Adiós, belleza!* ('До свидания, красота!'), *¡Adiós, reinita!* ('До свидания, королева!'). Часто на улицах Киндио можно услышать: *¡Uy, qué ojos!* *¡Ay, qué piernas!* *¡Qué ojazos tan bellos!* *¡Qué cara más linda!* ('Ух, какие глаза! Ай, какие ноги! Какие красивые глазки! Какое очаровательное лицо!').

Историческая самобытность, своеобразность среды обитания, особенности психического склада наций и этнокультурных общностей способствуют образованию выразительных обозначений «своих» и «чужих», из которых образуются этнические и региональные стереотипы и реалии страны [Чеснокова 2011]. Система региональных обозначений этнокультурных групп колумбийцев, выделяемых по территориальному принципу, включает целый ряд названий, каждое из которых несет печать исторических, географических и культурных особенностей. Остановимся подробнее на культуuroобразующих чертах обозначающих их лексем.

К примеру, лексема *cachaco* («качако») в узком смысле именуется жителей Боготы и является разговорно-обиходным синонимом прилагательного от одноименного топонима *bogotano*. Как синоним лексемы *cachaco*, для обозначения жителей Боготы, функционирует имя *rolo*, возникшее как звукоподражательное обозначение креолов, имевших особую манеру произнесения согласного [rr] [Diccionario de gentilicios de Colombia 2008: 157]. Словарь Испанской Королевской академии дает семантику лексемы *cachaco* с территориальными пометами трех латиноамериканских стран: Колумбии, Пуэрто-Рико и Перу. Колумбийские значения – 'элегантный' и 'хорошо воспитанный', перуанское – 'полицейский',

пуэрториканское – ‘испанец с высоким экономическим положением’ [URL:<http://www.rae.es>].

Существует мнение, что зарегистрированные Словарем Испанской Королевской академии «колумбийские значения» лексемы *cachaco* могут «происходить» от фонетически преобразованного существительного *casaca* (‘камзол’), принадлежности модников и щеголей [Diccionario de gentilicios de Colombia 2008: 57]. В обиходном сознании представления о моднике и щеголе могут переходить в отрицательную и даже презрительную характеристику, и в данном случае «колумбийское значение» лексемы *cachaco*, зафиксированное в словарях (‘для жителей прибрежных районов – житель столицы или внутренних районов страны’), сопровождает помета *despectivo* («пренебрежительное») [Richard 2006: 94].

Похожие дефиниции предлагает электронный словарь латиноамериканизмов *Asi hablamos*, однако, кроме уже упомянутых значений, здесь можно найти и другие: *En Colombia tiene muchos significados, para los bogotanos y gente del interior del país significa simpático, bien plantado. En la costa es un término despectivo que significa habitante del interior del país: campesino, sin gracia y poco ciudadano* (‘В Колумбии [данное слово] имеет множество значений, для жителей Боготы и «внутренних» регионов страны означает *симпатичный/приятный, хорошо/ладно сложенный*. Жители прибрежных территорий пренебрежительно именуют таким образом жителей внутренних районов страны, и означает оно *крестьянский, некультурный, малообразованный*’)¹.

Словарь *Asi hablamos* дает следующее значение лексемы *cachaco*, характерное именно для департамента Киндио и других регионов «Кофейной оси»: *En el Eje Cafetero se usa para referirse a alguien que está bien vestido* (‘В регионах «Кофейной оси» используется по отношению к хорошо / модно одетому человеку’) [Там же].

¹ Подробнее см.: URL: <http://www.asi hablamos.com/www/significado/palabra/cachaco>.

В качестве примера подобного употребления можно привести фрагмент разговора с жителем Армении – столицы департамента Киндио – и, соответственно, с носителем его диалекта:

–*Si vio ese muchacho cómo vino de cachaco a la fiesta con ese traje azul* (‘Да, он увидел, как этот юноша пришел разодетым на праздник в голубом костюме’) [Запись информантов].

Следует отметить, что в данном контексте сочетание *venir de cachaco* приобретает ироничный, даже негативный оттенок, и может быть переведено как ‘пришел разодетым’, ‘вырядился’ несмотря на то, что под определением «качако», использующимся жителями внутренних регионов в отношении самих себя, как правило, понимаются положительные характеристики человека.

Подчеркнем, что в широком смысле *cachacos* с негативной коннотацией называют всех жителей природно-географической зоны *Altiplano Cundiboyacense*, исконной территории чибча-муисков. Примером тому может послужить устойчивое выражение *más contento que cachaco en playa* (‘более довольный, чем «качако» на пляже’). Данный фразеологизм иронично апеллирует к негативному восприятию «качакос» со стороны «костеньос», живущих на Атлантическом (Карибском) побережье страны и имеющих доступ к пляжам, от которых жители внутренних территорий страны отрезаны географически.

Таким образом, лексема *costeños* («костеньос») используется для обозначения жителей Карибского побережья Колумбии. Значимость именно культурного своеобразия Карибского побережья для осознания идентичности его жителей подчеркивает Г. Гарсиа Маркес: *A propósito del Caribe, creo que su área está mal determinada, porque en realidad no debería ser geográfica sino cultural* (‘Что касается Карибов, то я думаю, что их пространство определено неверно, потому что, в действительности, речь должна была бы идти не о географии, а о культуре’) (Цит. по: [Чеснокова 2013: 80]).

Исторически сложилось так, что Колумбия имеет выход к Карибскому морю и Тихому океану, однако жители этих двух побережий осознают себя принадлежащими к различным общностям. Следующий пример, построенный на

омонимии прилагательных *Pacífico* ('тихоокеанский') и *pacífico* ('тихий', 'мирный', 'спокойный'), иллюстрирует именно такое восприятие:

– *Aunque Colombia tiene dos costas, se entiende por Costa la del Mar Caribe por ser la más rumbera. La otra Costa es más pacífica* ('Хотя Колумбия имеет два выхода к морю, под Побережьем понимается Карибское побережье, поскольку оно более «заводное». Другое побережье – более «тихое» ') [Чеснокова 2013: 78].

«Качакос» отвечают «костеньос» не менее пренебрежительным отношением, которое отражается в языке: обозначение «костеньо», с их стороны, как *corrunchó* (или *corrunchó*) имеет в речи колумбийцев значения 'грубый' и 'заурядный' [Breve diccionario de colombianismos 2009: 81]. Актуализация самой лексемы *costeño* в этом ракурсе также имеет ярко выраженную негативную коннотацию:

– *Cada verano cuando voy de vacaciones al pueblo me reúno con mi amigo. Es un poco extraño, a veces comporta como un costeño. Y eso me fastidia mucho.* ('Каждое лето, когда я езжу в отпуск в деревню, то встречаюсь со своим другом. Он немного странный, иногда ведет себя как настоящий «костеньо». И это меня сильно раздражает') [Запись информантов].

Рассказывая в своих мемуарах о времени учебы в одном из внутренних регионов – в департаменте Кундинамарка (г. Сипакира), Г. Гарсиа Маркес – «костеньо», родом из Аракатаки, мастерски в одном предложении объединяет восприятие жителей побережья представителями «качакос» и их отношение к себе подобным:

– *Los internos costeños, con nuestro prestigio merecidos de gritones y malcriados, teníamos la buena educación de bailar como artistas de música de moda y el buen gusto de enamorarnos a muerte* ('Мы – ученики-«костеньос», имея заслуженную репутацию крикунов и плохо воспитанных людей, прекрасно умели танцевать под модную музыку, как настоящие артисты, и были настоящими мастерами влюбляться по уши') [García Márquez 2002: 240].

Жители тихоокеанского побережья Колумбии традиционно именуется в зависимости от департамента, где они проживают. *Vallunos* / «вальюнос» – жители

департамента Валье-дель-Каука, на западе страны; *cáucanos* / «кауканос» – жители департамента Каука; *chocoanos* / «чокоанос» – жители департамента Чокó. По утверждению Дж. Липски, *en Colombia el habla del Caribe y el Pacífico tiene mucha diferencia, especialmente en los aspectos fonéticos* (Речь жителей Карибского и Тихоокеанского побережий Колумбии значительно различается, особенно это касается фонетических аспектов) [Lipski 1996: 234 – 236].

Жители региона Восточных Льянос называются *llaneros* («льянерос»). Данное название «происходит» от существительного *llano* («равнина»). В книге «Колумбия в мире испанского языка» (2011) О.С. Чеснокова приводит пример употребления слова *llanero* из словаря *Larousse*, в котором актуализируется основной этнокультурный тип «льянеро» – всадник и скотовод:

– *Los llaneros recorrían grandes distancias para trasladar al ganado* («Перегоняя скот, «льянерос» преодолевали огромные расстояния») [Чеснокова 2011: 45].

Манера разговора, кухня, музыка и даже внешний облик сразу отличают «льянерос» от других жителей страны. Они очень гордятся принадлежностью к своему народу и всегда подчеркивают это. Оригинален музыкальный фольклор «льянерос»: в качестве ведущего музыкального инструмента выступает арфа, что крайне необычно для американского континента.

Santandareanos («сантандареанос») – это жители двух расположенных на северо-востоке страны департаментов – Сантандер и Северный Сантандер, по этническому составу это – в своем большинстве – метисы. Земли департамента Северный Сантандер заселены многочисленными группами индейцев, обозначение которых также привязано к топонимике, например, «кукутас» (*cúcutas*) в районе Кúкута, «читарерос» в Памплоне (*chitareros en Pamplona*), «москитос» в районе Оканья (*mosquitos en Ocaña*) и др.

Жители Сантандера темпераментны, экспрессивны в речи, их темпераментность выражается и в том, что среди «сантандареанос» много отличных ораторов. В среде жителей Сантандера традиции играют важную роль, приверженность семейным ценностям отличает «сантандареанос» от других

колумбийцев, причем интересы семьи здесь преобладают над интересами одного члена семейного клана.

В работе нами были выделены такие этнонимы, как: *paisas* (жители Антиокии и департаментов «Кофейной оси»), *cachacos* (общее название для жителей высокогорных районов), *costeños* (общее наименование жителей побережья), *rolos* (жители Боготы), *vallunos* (жители департамента Валье-дель-Каука, на западе страны), *cáucanos* (жители департамента Каука), *chocoanos* (жители департамента Чокó), *llaneros* (жители равнин на востоке страны) и *santandereanos* (жители департаментов Сантандер и Северный Сантандер).

Причинами того, что названия жителей по месту их происхождения относятся к лексике с оценочным компонентом, О.С. Чеснокова называет «перипетиями истории, особенностями среды обитания, восприятия психического склада наций и этнических групп», которые «мотивируют экспрессивные обозначения «своих» и «чужих», образующие этнические и региональные реалии [Чеснокова 2011: 39].

Указанные факторы влияют и на статусность речи жителей того или иного региона страны, и на восприятие ими определенных категорий бытия, и становление культурных традиций.

§ 2.2. Отношение ко времени и основные средства актуализации концепта «время» в языковой и культурной традиции департамента Киндио

Время – сложное и многоаспектное явление, изучение которого требует комплексного анализа. Понятие времени отражено во всех языках и представлено предметом изучения как естественных, так и гуманитарных наук. Помимо изучения ритмов собственно природных систем, сегодня говорят о «социальном», «культурном» времени, «времени личности» и «времени поколений»¹.

Внутреннее ощущение времени присуще каждому человеку, к какому бы этносу он ни принадлежал, поэтому время является «бесспорным предметом анализа отношений между языком, говорящими, их мировоззрением и национальным

¹ Подробнее по данному вопросу см.: Домбровский 2000, Казарян 2005, 2008, Канке 2002, Потаенко 2006, Рябцева 1997, Савельева, Полетаев 2000, Штомпель 2006 и др.

характером» [Попова 2015: 212]. Концепт «время» относится к первичным, наиболее древним концептам, на которых, с одной стороны, основывается вся система мировоззрения человека, а с другой – уникальный концептологический рисунок той или иной культуры. В настоящем параграфе мы обращаемся к особенностям восприятия концепта «время» в колумбийской культуре в целом и его отражения в традициях департамента Киндио, что позволяет выявить его значимость внутри одной национальной концептосферы, а также проследить особенности его актуализации в колумбийском территориальном диалекте испанского языка департамента Киндио.

Поскольку коммуникация между людьми всегда затрагивает концепт «время», для эффективного диалога необходимо четко понимать, какими лексическими средствами выражается данное понятие и что оно обозначает для каждой отдельной нации. Неправильное истолкование национальных особенностей приводит к многочисленным недопониманиям и сбоям в общении, которые болезненно воспринимаются обеими сторонами коммуникации. Развитие экономических отношений, международные проекты обозначают четкую необходимость в адекватной интерпретации чужой культуры.

По степени вербальной представленности того или иного концепта в языке можно судить о его месте на шкале ценностей в данной культуре. Если концепт является значимым для культуры, язык (вернее, говорящая на нем нация) буквально «осаждают» его лексически и грамматически. Именно поэтому в каждом языке существуют определенные ключевые слова, в которых представлены ядерные ценности культуры, особенности менталитета нации. Для колумбийцев, по мнению известного польского исследователя А. Вежбицкой, словами, определяющими их менталитет, выступают 'Бог' (*Dios*) и 'дом/семья' (*casa/familia*) [Вежбицкая 1999]. Лингвисты-носители испанского языка, однако, подчеркивают их важность для испаноязычных культур в целом, а также относят к значимым концептам «пространство» и «время», отношение к которым емко выражается словами *здесь* и *сейчас* [Marcos-Marín, De Miguel 2009: 146].

Действительно, об испаноязычных культурах (особенно – о культурах стран Латинской Америки) можно сказать, что они в бóльшей степени ориентированы на настоящее. Основным фактором, определяющим такое отношение, считаются природные условия: согласно психолингвистическим исследованиям (см., напр., [Дмитрюк 2001], [Чугунова 2009], [Бородицки 2010]), а также работам в области межкультурной коммуникации ([Тер-Минасова 2008], [Попова 2015], [Hall 1981] и др.), в сознании жителей жарких стран преобладает циклическая модель времени. При этом даже на территории одной страны могут быть очевидными различия в отношении ко времени у жителей севера и юга, городов (линейное восприятие времени) и сельской местности (циклическое восприятие). Взаимозависимость природного фактора и моделей времени в культуре отражена в концепции «англо-европейского» и «арабского» времени и в теории Э. Холла об отнесенности культур к монохронному или полихронному типу.

«Арабское время» циклично, а образ человека, который живет как бы «внутри времени», статичен, поэтому для жителей «жарких» территорий (к которым относятся как европейские средиземноморские страны, включая Испанию, так и страны Латинской Америки) на первом плане находится жизнь в настоящем – здесь и сейчас. В нейролингвистическом программировании (НЛП) данная модель характеризуется образом «во времени», в противоположность модели западного темпорального мышления – «сквозь время»¹. Жители США и европейских стран с более холодным климатом воспринимают время как последовательность событий, помещая на линию времени все, что делается в течение дня и ориентируясь на будущее; ценятся планы и четкое расписание, а опоздание на встречу считается дурным тоном [Попова 2015: 72].

В культурах, живущих по «арабскому времени», непунктуальность считается нормой, поскольку идея настоящего охватывает целый день, причем для испаноязычных народов характерны опоздания даже на деловые встречи: «Если...кабальеро назначает другому деловое свидание в пять часов, он приходит к семи» [Эренбург 1964: 492]. Жители Испании и стран Латинской Америки

¹ Подробнее по данному вопросу см.: Олдер, Хэзер 2001.

отрицательно относятся к спешке и проводят время по принципу *carpe diem* – ‘живи настоящим’, ‘веселись сегодня, как только можешь’ [Marcos-Marín, De Miguel 2009: 156]. Данный принцип находит отражение в языке: словарь-тезаурус Х. Касареса фиксирует порядка 140 единиц (слов и словосочетаний) со значением праздника и более 10 глаголов – со значением «откладывать» [Casares 2007].

Как отмечают испанские социолингвисты Ф.А. Маркос-Марин и А. Де Мигель, в испаноязычных культурах спешка означает признание собственного подчиненного положения, отсюда – традиция ожидания на официальных мероприятиях тех, кто выше по статусу. В этом контексте примечателен случай опоздания президентской четы Аргентины на церемонию открытия в г. Росарио Конгресса по гуманитарным наукам. Поскольку президент с супругой заставили себя ждать королевскую чету Испании, а право заставлять ждать подчиненных имеет только высший по чину, данная ситуация вызвала бурное обсуждение в прессе [Marcos-Marín, De Miguel 2009: 153]. По правилам хорошего тона, в Испании и Латинской Америке прощание даже в бытовых ситуациях и на дружеских мероприятиях должно быть максимально долгим, а хозяева провожают гостей до дверей лифта или до выхода из дома.

Подобные традиции, по мнению исследователей, имеют целью показать отношение ко времени как к растяжимой категории, которую человек имеет в избытке и которой он способен распоряжаться по своему усмотрению: «когда захочу, тогда и приду», «завтра» – это не обязательно день после «сегодня», мое «завтра» наступит, когда мне это будет нужно» и т.д. [Попова 2015: 188]. Такое восприятие характерно для культур, в которых преобладает циклическая модель времени, что подтверждают психолингвистические исследования: так, С.В. Дмитриук на основе ассоциативных экспериментов делает вывод о том, что ассоциации, отражающие быстроту и стремительность течения времени, соответствуют его линейному «видению», а стабильность и растяжимость времени – циклическому [Дмитриук 2001].

Об этом же говорит в своем исследовании и американский ученый Э. Холл, один из основоположников теории межкультурной коммуникации: каждая

культура имеет свой «язык» времени, а ориентация во времени является культуурообразующей характеристикой. Согласно его теории, все культуры можно условно разделить на монокронные и полихронные, соответственно тому отношению ко времени, которое преобладает у их представителей [Hall 1981]. Первые ориентированы на линейное восприятие времени, делают одно дело в один промежуток времени и соблюдают все договоренности. Англия, США, Германия, страны Скандинавии относятся, по Э. Холлу, к монокронным культурам, где общение и поведение людей четко регламентируется временем. Монокронность скандинавских культур отмечал в своей работе и Р. Гестеланд на примере Норвегии: «Ханс с женой были приглашены, наряду с другими соотечественниками, в дом норвежских друзей в Сингапуре. Они все прибыли около семи, постояли возле дома, обмениваясь приветствиями, ровно до семи вечера, и тогда один из гостей-скандинавов нажал кнопку звонка. Монокронные норвежцы всегда являются точно вовремя на любое мероприятие, деловую встречу или личное свидание» [Гестеланд 2003: 45].

В культурах стран Латинской Америки, Ближнего Востока, государств Средиземноморья, а также России время полихронно. В этих культурах нормой считается одновременное выполнение нескольких дел, на первое место всегда выходят отношения между людьми, установление личностного контакта является неотъемлемой частью работы, а пунктуальность зависит от отношений с собеседником. Описывая языковые явления, указывающие на растяжимость времени в испаноязычных культурах, Е. А. Попова предлагает разграничить испанскую и латиноамериканские культуры по «степени полихронности»: «последние можно отнести к типично полихронным, что подтверждает прагмасемантика наречий времени и их диминутивных форм, характерных именно для латиноамериканских стран» [Попова 2013: 29].

Ф.А. Маркос-Марин и А. Де Мигель отмечают: *la lengua gusta de jugar con la duración del tiempo hasta comprimirla educadamente. Así, queda muy brusco decir que «vendré dentro de un rato», cuando el interlocutor está expectante o tiene prisa. En su lugar ese futuro se comprime en una especie de presente futurizo que casi anula la dimensión*

*temporal hasta dar una idea de inmediatez. Por tanto, la locución condescendiente es “ahora mismo vengo”. En México y en otras zonas iberoamericanas la cortesía se extrema con el recurso del diminutivo, de tal forma que el “ahora” se transforma en “ahorita”, por lo mismo que, como hemos visto, el “luego” se convierte en “lueguito”. Se puede decir también, extremando la urgencia, “ahoritita” (‘Языку нравится играть с длительностью времени, вплоть до того, чтобы вежливо сжать его. Так, очень резко звучит *vendré dentro de un rato* (‘я скоро приду’), если собеседник ждет или спешит. В данном случае будущее «сжимается» до настоящего в значении будущего, которое практически «сжимает» временные рамки до идеи немедленности. Таким образом, подходящим случаю выражением будет *ahora mismo vengo* (‘я уже (сейчас) иду’). В Мексике и других странах Латинской Америки вежливость достигает своего апогея с помощью диминутивов, так что *ahora* превращается в *ahorita*, а *luego*, как мы уже видели, в *lueguito*. Также, подчеркивая срочность, используют наречие *ahoritita*’) [Marcos Marín, De Miguel 2009: 137].*

Действительно, способность образовывать диминутивные формы с функцией срочности действия и «приближения» определенного момента времени относится к отличительным признакам наречий испанского языка [Martínez Álvarez Ángeles 2000]. Самым распространенным суффиксом, характерным для испанских наречий, обозначающих время в странах Латинской Америки, является диминутив *-ito*: *ahora – ahorita / horita / orita* (‘сейчас’), *luego – lueguito* (‘потом’, ‘затем’), *después – despuécito* (‘потом’, ‘затем’) и др.

Использование наречий, имеющих диминутивные формы, характерно для полихронных культур, «вольно» обращающихся со временем: *En la comunidad hispana de los Estados Unidos se aprende pronto que «ahora vengo» significa simplemente que quien lo dice volverá, en un tiempo impreciso y no necesariamente breve. «Ahorita vengo», en cambio, suele indicar que el retorno no se demorará tanto* (‘В испаноязычном сообществе США подразумевается, что *ahora vengo* (‘я сейчас приду’) означает лишь то, что говорящий вернется, но неизвестно, скоро или нет, и необязательно скоро. *Ahorita vengo* (‘прямо сейчас я приду’), наоборот, обычно

обозначает, что возвращение не будет столь долгим») [Marcos-Marín, De Miguel 2009: 135].

В странах Латинской Америки, однако, даже значение диминутивной формы *ahorita* демонстрирует растяжимость во времени. В учебнике Н. М. Фирсовой «Современный испанский язык в Испании и странах Латинской Америки» (2007) приводится следующий пример коммуникативного сбоя, связанного с неверным пониманием русскоязычной стороной актуализации данного слова в мексиканском национальном варианте испанского языка. Мексиканец-бизнесмен в конце разговора с переводчиком своего партнера сказал: «*Ahorita te hablo*». Переводчик понял, что он в скором времени перезвонит, чтобы продолжить общение, но звонок последовал через несколько дней. Коммуникативное поведение, обычное для мексиканцев, было расценено партнером как грубое нарушение этикетных норм поведения, и сделка сорвалась [Фирсова 2007: 186].

Таким образом, в рамках теории Э. Холла, латиноамериканские культуры можно считать более полихронными, чем испанскую, однако на основе изучения отечественных и зарубежных исследований можно выделить следующие общие взаимосвязанные черты восприятия времени в испаноязычных культурах:

- 1) отрицательное отношение к спешке, принцип *carpe diem*;
- 2) растяжимость во времени и желание подчинить себе его ход;
- 3) признание непунктуальности в межличностных отношениях.

При изучении восприятия времени жителями Колумбии можно проследить все три обозначенных характеристики, однако средства их выражения являются уникальными для каждого национального варианта испанского языка. Так, отрицательное отношение к спешке в колумбийской культуре выражается в специфическом переосмыслении паниспанской пословицы *Al que madruga, Dios lo ayuda*, в некотором роде являющейся культурной универсалией (ср. рус. *Кто рано встает, тому Бог подает*, англ. *An early bird catches the worm*). *El que de mañana se levanta, en su trabajo adelanta* («Кто встает утром, в своей работе достигает больших успехов»).

На сайте www.todacolombia.com нами было найдено более 50 пословиц и поговорок, характерных для колумбийской культуры и иллюстрирующих любовь их представителей к неспешности:

- *Del afán no queda sino el cansancio* ('От спешки остается только усталость');
- *Despacio voy, porque de prisa estoy* ('Я иду медленно, потому что спешу');
- *El que más hace, menos alcanza* ('Кто больше делает, у того меньше выходит');
- *El que menos corre, vuela* ('Кто меньше бежит, тот летает');
- *El que mucho corre, pronto para* ('Кто много бежит, быстро останавливается');
- *No hay curva mala pasándola despacio* ('Нет плохих поворотов, если едешь медленно');
- *Poco a poco se anda lejos* ('Понемногу, потихоньку – и уйдешь далеко');
- *Más vale perder un minuto en la vida que la vida en un minuto* ('Лучше потерять минуту в жизни, чем жизнь в минуту') и т.д.¹.

Первое, что бросается в глаза при общении с колумбийцами, это – небрежное отношение к потоку времени, ощущение, что они его абсолютно не ценят и у них сформировалась определенная матрица в голове: все сложно, бюрократично и медленно. Можно сказать, что большую роль в таком восприятии играет описанный выше территориальный фактор: в стране существует большое количество племен, которые живут обособленно от всех, да и в целом колумбийцы предпочитают проводить свободное время в контакте с природой, быть подальше от городской суматохи и абстрагироваться от влияния иных культур и прогресса. Как говорят жители департамента Киндио, *más se aprende en un día de soledad que en ciento de sociedad* ('за день одиночества можно научиться большему / постичь больше, чем за сто лет в обществе') и *oír, ver y callar, para en paz estar* ('чтобы быть в гармонии с собой, слушать, видеть и молчать').

Ощущение растяжимости во времени актуализируется в частотных для Киндио коммуникативных клише с использованием описанного выше наречия

¹ URL: <http://www.todacolombia.com/informacion-de-colombia/refranes-colombianos.html>.

ahora и его диминутивной формы *ahorita*: опыт общения с колумбийцами в Армении свидетельствует о том, что обещание *Nos vemos ahorita* ('мы сейчас увидимся') может означать встречу как через 5, так и через 45 минут или через несколько часов. Выражение *Sí, sí, ahorita* (букв. 'да, сейчас, сейчас') используется для того, чтобы потянуть время и, вполне возможно, никогда не выполнить обещанное. Выражение *Ahora, ahora* ('сейчас, сейчас') настолько распространено среди колумбийцев, что повсеместно используется и государственными служащими, и журналистами, и политиками. Частотно и обещание *quizás lo hago* ('возможно, я это сделаю'), воспринимаемое в колумбийском обществе как норма.

Как отмечает составитель авторитетного словаря латиноамериканизмов Р. Ришар, типичными именно для колумбийского национального варианта испанского языка выступают значения 'a veces, de vez en cuando' ('иногда, время от времени') для наречия *luego* (в пиренейском испанском – 'потом', 'затем') и 'acaso, a lo mejor, posiblemente' ('возможно, может быть') для наречия *pronto* (в пиренейском испанском – 'скоро'). При этом диминутивные формы *lueguito* и *prontecito* по аналогии с наречием *ahorita* «приближают» момент времени в будущем и означают 'en seguida' ('тотчас') и 'muuy pronto' ('очень скоро') соответственно [Richard 2006]. Некоторое время прожив в Киндио и путешествуя по его территории, мы с уверенностью можем сказать, что приведенная в словаре семантика для обозначенных слов характерна и для данного департамента.

Растяжимость во времени отражается и в пословичном фонде языка: *Del dicho al hecho, hay mucho trecho* ('От сказанного до сделанного – долгий путь'); *Nunca es tarde si la dicha es buena* ('Никогда не поздно [что-то сделать], если оно того стоит'). Язык фиксирует и отрицательное отношение к пунктуальности, о чем свидетельствует узуальный в Армении фразеологизм *más puntual que novia/o fea/o* (букв. 'пунктуальнее страшного жениха / страшной невесты'). Как без малейшего стеснения объясняют сами колумбийцы, некрасивые девушки и парни всегда будут приходить вовремя, чтобы не было лишней причины разорвать с ними отношения.

По словам колумбийцев в Киндио, их время – это жизненная сила, энергия (*vitalidad*), а не продуктивность (*productividad*), поэтому непременным условием

развития нации является поддержание хороших отношений между людьми. Время же нужно не для того, чтобы производить что-либо, а для того, чтобы отдохнуть и подумать. Характерно, что одна из самых распространённых концептуальных метафор времени «время – деньги», выраженная в испанском языке через сочетание *el tiempo es oro* («время – золото»), в испаноязычных культурах имеет иное значение. Время для колумбийцев ценно не потому, что позволяет что-то произвести, а потому, что его можно хорошо провести, пусть непродуктивно, но с наслаждением. Время – это процесс экспериментирования с жизнью. Есть время для работы, которого совсем немного, время для досуга и время для празднования. В Киндио существует шутка, что если время – это золото, то тогда колумбийцы не понимают значения золота, или в горах его все еще много.

Языковым подтверждением этому, в первую очередь, является фонд пословиц и поговорок: *Disfruta, come y bebe: que la vida es breve* («Наслаждайся, ешь и пей, потому что жизнь коротка»); *gozamos de la vida* («мы наслаждаемся жизнью»)¹. О деньгах, как и других материальных атрибутах жизни, колумбийцы говорят: *¿Qué es esto comparado con la eternidad?* («Что это по сравнению с вечностью?»). Такой риторический вопрос актуализирует еще одну черту отношения ко времени, связывая в сознании колумбийцев концепт «время» с концептом «Бог» (который, как отмечалось выше, является ядерным для колумбийской культуры). Человек не в силах удержать время (*Tiempo y hora no se atan con sogá* – «время и час не свяжешь веревкой»), оно находится «в руках Бога» (*Dios provera*), поэтому не стоит за ним гнаться: *Agua que no has de beber, déjala correr* («Позволь течь воде, которую ты не собираешься пить»).

Кроме ключевых концептов, свойственных испаноязычным культурам в целом, для Колумбии характерно существование уникальных не только для страны, но и для каждого региона кодовых слов-ключей. Для регионов «Кофейной оси» одним из главных выступает «кофе» (*tinto, café*), причем особенностью менталитета их жителей выступает очевидная взаимосвязь между концептами «кофе» и «время», «жизнь»: *El café me hace invencible. Sin embargo, cuando la taza está vacía,*

¹ URL: www.todacolombia.com/informacion-de-colombia/refranes-colombianos.html.

vuelvo a ser un simple mortal ('Кофе делает меня непобедимым. Однако когда чашка пуста, я превращаюсь в обычного смертного') [Запись информантов].

По словам многих колумбийцев, с которыми нам довелось общаться в Киндио, привычка пить кофе означает умышленно тратить время – проводить его с друзьями, наслаждаться, думать и рассуждать о жизни. Если для носителей западноевропейских и североамериканской культур перерыв на кофе – это краткосрочный перерыв на отдых, то для колумбийцев выпить чашечку кофе означает провести время с друзьями, родными, обсудить текущие вопросы. В Армении выпить с кем-либо кофе значит поговорить и отдохнуть, кофе никогда не будут пить с врагом. Это – особый ритуал, таинство, которое отодвигает все проблемы на второй план, поэтому такие коммуникативные клише, как *¿Tomamos un tinto / café?* ('Выпьем кофе?'), *¿Tinto o qué?* ('Ну, что, кофе?') – это, прежде всего, приглашение к неспешной, приятной беседе.

В отличие от английской привычки пить чай в 5 вечера, для колумбийцев не существует определенного времени для того, чтобы выпить кофе. Кофе «разрешает» быть экспрессивным и взрывным по характеру, доза кофеина преобразует человека. Зачастую от колумбийцев можно услышать фразу, что жизнь ничего не стоит без хорошего кофе: *El café es un bálsamo para el corazón y el espíritu* ('Кофе – это бальзам для сердца и души').

В Колумбии крепкий черный кофе в маленьких чашечках называют *tinto*, в отличие от кофе с молоком, который обозначается по-разному, в зависимости от региона: *perico* (букв. 'попугай') – в Кундинамарке и Бойяке [Breve diccionario de colombianismos 2009: 166] или *pintado* (букв. 'окрашенный') на территории Льянос [Montoya 2006: 24]. В Киндио в данном значении зачастую можно услышать слово *café*, хотя таким образом называют и черный кофе в большой чашке.

Вышеприведенные примеры позволяют сделать вывод о том, что яркой отличительной чертой восприятия времени в департаменте Киндио выступает тесная связь между концептами «время» и «кофе» в сознании его жителей. Нахождение на территории знаменитого «Кофейного треугольника» и традиции, связанные с территориальным фактором, накладывают отпечаток на язык, в

котором данная связь выражается через многочисленные коммуникативные клише. В остальном общеколумбийские черты отношения ко времени характерны и для исследуемого региона.

Отдельно отметим, что исследование концепта «время» в испаноязычных культурах представляет для ученых благодатную почву. Национальная концептосфера каждого испаноязычного народа включает сочетание общеиспанских принципов и уникальных характеристик, основанных на территориальных, исторических, этнографических и других особенностях и условиях. Знание и трансляция отличительных черт отношения ко времени в разных культурах и их отражение в языке способствуют предупреждению и преодолению трудностей и неудач в межкультурном общении.

§ 2.3. Особенности алиментарного кода жителей Киндио и его отражение в колумбийском территориальном диалекте испанского языка департамента Киндио

Пища является одной из фундаментальных областей материальной культуры, формирующей представления народа о мире, поскольку специфика питания оказывает существенное воздействие на физиологию и психологию человека. Исследователи-антропологи, в результате анализа представлений разных народов о еде, делают вывод о том, что, являясь изначально частью природы, пища превращается в продукт человеческой деятельности [Levy-Strauss 1969, Маковский 1996, Топоров 1992]. Таким образом происходит переход от природы к культуре: еда и ритуалы приема пищи становятся носителями семантики и превращаются в национальный алиментарный код, поддержание стабильности которого служит гарантией самосохранения этноса.

Как справедливо отмечает отечественный лингвист Е.М. Кирсанова (2009), несмотря на универсальность биологической основы алиментарного кода, его окончательное становление как социокультурного феномена контролируется обществом: помимо определенных климатических условий, на формирование иерархии пищевых предпочтений в той или иной культуре оказывают существенное влияние религиозные, классовые и национальные факторы. Так, например, каждый

ритуал приема пищи занимает строго определенное место в системе социокультурных отношений.

Если представитель британского среднего класса считает допустимым в кругу незнакомых людей или коллег «пропустить стаканчик», то совместный прием пищи для него – привилегия семьи, близких друзей и почетных гостей [Кирсанова 2009: 19 – 20]. Если носители североамериканской и многих западноевропейских культур воспринимают перерыв на кофе как краткосрочную паузу, то для колумбийцев, в особенности – для жителей регионов «Кофейной оси», – выпить чашечку кофе означает провести время с друзьями или родными, в непринужденной беседе обсудить текущие вопросы. По этой причине кофе никогда не будут пить с врагом.

Хотя национальные кухни принадлежат к наименее изолированным областям национальной культуры, более других подверженным инокультурному влиянию, данный факт, как отмечают антропологи Ю. М. Новоженев и Л. Н. Сопина, не исключает стойкости национальных кулинарных традиций – каждый народ придает любым кушаньям, в том числе, заимствованным, свой особый вкус [Новоженев, Сопина 1990: 26]. В итоге формируется уникальная «матрица» жизнедеятельности народа, его особое национальное мировосприятие, что, в свою очередь, «определяет социально прогнозируемое поведение индивида, служит средством его идентификации: «ешь то, что предписано, становишься похожим на своих». Изменение же системы питания социума в конечном результате может привести к значительным экономическим и социальным перестройкам, изменению ценностных ориентиров как у отдельных индивидов, так и у общества в целом» [Кирсанова 2009: 13].

Каждый регион страны, помимо общих алиментарных характеристик, имеет собственные давние традиции питания, что не могло не найти отражения в его территориальных диалектах. Необходимо учитывать и тот факт, что глобализация в стране происходит достаточно медленно, люди не спешат расставаться со своими обычаями, и это, безусловно, влияет на язык и специфику местной речи.

Известный английский писатель Дж. Б. Шоу писал: *There is no love sincerer than the love of food* ('Нет любви более искренней, чем любовь к еде')¹. Рассматривая департамент Киндио, можно заметить, что тема еды в речи его жителей выходит на одно из первых мест. Обед всегда занимает не менее часа и не будет отменен ни при каких обстоятельствах. Важность концепта «пища» отражена и в кулинарном словаре Л. Морено Бланко, который относит первое представление о вкусе того или иного блюда и первые семейные ужины к базовым воспоминаниям человека, которые останутся с ним навсегда [Moreno Blanco 2008: 105].

Выявление особенностей любого языка в целом и его диалектов, в частности, невозможно без анализа фразеологии. Фразеологические единицы (далее – ФЕ) разных типов придают каждому варианту уникальные, неповторимые черты и оттенки. Во фразеологии легко проследить наиболее яркие характеристики народа, его быта и культуры. Наибольший интерес представляет образность ФЕ, которая передает различие лексических компонентов и иллюстрирует, насколько отличается способ передачи реалий и мыслей разных наций или этнических общностей одного народа.

Рассмотрим более подробно семантические особенности ФЕ с алиментарным компонентом в колумбийском департаменте Киндио.

В целом в алиментарной фразеологии колумбийского национального варианта испанского языка доминируют названия бобовых – кукуруза/маис (*maíz*), бобы (*frijoles*), а также – картофеля (*papa*), сладкого картофеля (*batata*), риса (*arroz*), авокадо (*aguacate*) и разновидности банана (*plátano*). Указанные продукты присутствуют во многих национальных блюдах. По мнению Н. М. Фирсовой, лексема *maíz* является наиболее ярким национально-специфическим кодом, поскольку раскрывает специфику колумбийского национального варианта испанского языка, отражает менталитет и особенности картины мира колумбийцев [Фирсова 2012: 78]. Именно маис выступает основным ингредиентом кукурузного супа-пюре «мачоррусьо» (*machorrucio*) – визитной карточки департамента Киндио.

¹ URL: <http://tsitaty.org/aforizmy-o-yede/>.

Что касается фразеологизмов с указанным компонентом, приведем несколько примеров наиболее частотных ФЕ, встречающихся в разговорной речи колумбийцев:

- *darle a uno maíz tostado* (букв. ‘дать кому-либо поджаренный маис’) – воздать кому-л. по заслугам, поквитаться с кем-л;
- *echarle maíz a la pava* (букв. ‘бросить маис индюку’) – хвастаться, выхваляться;
- *salir del maíz picado* (букв. ‘выйти из измельченной кукурузы’) – выйти из трудного положения¹.

Стоит отметить, что некоторые из указанных фразеологизмов употребительны и в других латиноамериканских странах. Так, в Гондурасе встречается функционирование ФЕ *salir del maíz picado* в приведенном значении. В других случаях ФЕ, типичная для Колумбии, является частью более сложного фразеологизма (поговорки или поговорки) и приобретает совершенно иное значение. Например, материалы Форума лингвистического сайта www.wordreference.com свидетельствуют о том, что ФЕ *echarle maíz a la pava* в Гватемале означает ‘добиваться упорным трудом’ и, следовательно, в отличие от испанского языка Колумбии, где обозначает ‘хвастаться, выхваляться’, имеет положительную коннотацию.

Другим основным продуктом для Киндио и других департаментов «Кофейного треугольника» считается рис, в изобилии выращиваемый в данном регионе. Рис, наряду с бобами (*frijoles*), входит в состав типичного для региона сытного завтрака «калентадо» (*calentado*). Культурологический словарь-справочник диалекта «пайса» называет его частью приема пищи настоящего «мясника» или «хищника», что в контексте вызывает ассоциации с брутальным, сильным мужчиной:

- *A la hora de un desayuno trancado, se revolvían los frijoles de la vispera con arroz, para deleite de paisamenta. En el desayuno de los carniceros, es sacramental el calentado* (‘Для «мощного» завтрака и услаждения вкуса «пайса» обжаривали

¹ Примеры взяты из словаря С.М. Монроя «Фразеологический лексикон испанского языка в Колумбии» (1996).

замоченные накануне бобы вместе с рисом. Калентадо – неотъемлемая часть завтрака «настоящего мясника») [Vélez Uribe 1998: 43].

В связи с тем, что рис является сытным продуктом и используется во многих блюдах региона, неудивительно, что ФЕ, в состав которых входит лексема *arroz* ('рис'), несут в себе семантику множественности, большого количества:

– *Plover como arroz* (букв. 'льет как рис') – лить как из ведра (о сильном дожде);

– *haber comido arroz con penguin* (букв. 'съесть рис с попугаем') – разговориться, разболтаться¹.

В ряду «базовых» продуктов алиментарного кода колумбийцев большое значение имеет картофель, который на данной территории впервые стал употребляться в пищу индейцами около 4 тысяч лет назад. Одно из первых письменных упоминаний о картофеле обнаружено в трактате «Краткое изложение завоевания Нового Королевства Гранада» конкистадора Гонсало Хименеса де Кесады². Сегодня такие блюда, как *patas chorreadas* (целый отварной картофель в сырном соусе с поджаренным луком и томатами), *patas rellenadas* (картофель, фаршированный мясом и рисом), *patas en chupe* (дольки отварного картофеля, окрашенные куркумой, в сливочно-сырном соусе), в Колумбии – неотъемлемая часть стола, а ФЕ с «картофельным» компонентом – неотъемлемая часть «словаря» колумбийцев.

В Киндио человек, попавший в сложную ситуацию, скажет, что у него 'подгорает картошка' (*las patas quemadas*), большую проблему жители департамента называют *patas calientes* (букв. 'горячая картошка'), а доброго, отзывчивого человека – *buena patas* (букв. 'хорошая картошка') [Monroy 1996: 186], хотя для актуализации последней характеристики используется и сравнительный оборот *más bueno que el pan* (букв. 'лучше, чем хлеб').

Приведем несколько примеров использования ФЕ с лексемой *pan* 'хлеб' в испанском языке Колумбии, например: *pan para hoy y hambre para mañana* (букв.

¹ Примеры приводятся из словаря С.М. Монроя «Фразеологический лексикон испанского языка в Колумбии» (1996).

² Подробнее по данному вопросу см.: Freide 1960.

‘хлеб на сегодня, голод на завтра’) характеризует философию жизни; а призыв «хлеба и зрелищ», «перешедший» во многие культуры из латыни, здесь звучит как *al pueblo pan y circo* (букв. ‘хлеба и цирка народу’). Однако отметим, что лексема *pan* и фразеологизмы, в составе которых она употребляется, здесь не узуальна и характерна лишь для языка прессы, в большей степени – для заголовков газетных статей.

Подчеркнем, что привычного для европейцев хлеба в Колумбии почти нет. Его заменяют пресные (чаще – кукурузные) лепешки. К примеру, такое распространенное в Испании выражение, как *ganar el pan* (‘зарабатывать на хлеб’) в Колумбии звучит как *ganar la arepa* (букв. ‘зарабатывать на лепешку’). Призывая человека быть благоразумным и предостерегая его от необдуманных шагов, особенно если дело касается денег, колумбийцы используют поговорку *Arepa que no se voltea, se quema* (букв. ‘лепешка, которую не переворачивают, подгорает’).

Особое распространение «арепас» получили в колумбийском департаменте Антиокия, однако и в «Кофейном треугольнике» повсеместно продаются лепешки, которые можно есть с сосисками, сыром, маслом или мясом (хотя коренные жители предпочитают есть их без всяких добавок). Существует несколько видов лепешки «арепа» – *arepa delgadita* (белая, плоская лепешка с темными вкраплениями), *arepa redonda* (круглая лепешка), *arepa de chόcolo* (лепешка желтого цвета) и др. Также существуют лепешки из разных видов круп и огромное количество методов их приготовления и начинок. Наиболее популярные – *arepa de chόcolo* (со сладкой кукурузой), *arepa de huevo* (с яйцом), *arepa paisa* (из белой кукурузы с мясом или маслом).

Жители Киндио и других департаментов «пайса» дорожат своим хлебом, что находит отражение в известной присказке: *Donde hay trabajo, hay un paisa. Donde hay un paisa, hay amor. Donde hay amor, está Dios y donde está Dios, nunca faltará una arepa* (‘Там, где есть работа, есть и пайса. Где есть пайса – есть любовь. Где любовь – там Бог, а где есть Бог, всегда будет кукурузная лепешка’). Чтобы не пропала даже черствая лепешка, «пайсас» придумали необычное блюдо – булочки «мигас» (*migas de arepas*).

Словарь Дж. Велес Урибе дает следующее определение «мигас де арепас» (букв. ‘мякиши’): *Migas de arepas – uno de los platos paisas más exquisitos, que se hace a partir de las arepas viejas, deshechas y remojadas en leche, con hogao y huevos pericos* (‘«Мигас де арепас» – одно из наиболее изысканных блюд, которое делается из старых лепешек; лепешки крошатся и размачиваются в смеси из молока, взбитого с яйцами и «огао» – масле на основе растительного или животного жира с луком и томатами’) [Vélez Uribe 1998: 91].

При этом важно четко представлять разницу между видами лепешек. Так, например, характеризуя пухлого ребенка, житель региона может назвать его лицо «лепешечкой», однако лексема *arepa* для этого не используется:

– *A los muchachitos muy carirredondos se les dice “Qué carepanocha tan avisgado”. Y aquí el aderezo que nunca falta: “Cómo está de grande este muchaho!!”* (‘Круглолицым мальчикам говорят: «Какой умненький пухлячок (букв. «лепешечка»)». И добавляют (что никогда не бывает лишним): «Как же вырос этот парень!»’) [Vélez Uribe 1998: 98].

Как видно из данного примера, в значении ‘лепешка’ актуализирована лексема *panocha*, которая в колумбийском территориальном диалекте испанского языка департамента Киндио существует для обозначения большой и толстой сладкой лепешки из кукурузной муки, обжаренной во фритюре. Использование данного слова (здесь – с приставкой со значением усиления) имеет явную положительную коннотацию. Необходимо также отметить, что лексема *panocha* может иметь и обценное значение, которое актуализируется в большинстве стран Латинской Америки, включая Колумбию¹, и, следовательно, требует осторожности в употреблении.

Многозначна в колумбийском национальном варианте испанского языка и лексема *sancocho*. В первую очередь, это – суп с картофелем, южкой (растение семейства агавовых), кукурузой и другими овощами на мясном или рыбном бульоне (традиция зависит от региона). Так, в Антиокии популярен «двойной» или «тройной» бульон. Первый включает мясо говядины и свинины, второй – говядину,

¹ URL: <http://www.asihablamos.com/www/significado/palabra/panocha>.

свинину и курицу плюс бычьи хвосты и имеет название *sancocho trifásico*. В Киндио, Валье-дель-Каука и Нариньо бульон для санкочо готовят из курицы (часто суп так и называют – *sancocho de gallina*). Жители Бойяки и Боготы готовят густой санкочо с обязательным добавлением бобовых (фасоли, турецкого гороха и др.). В зоне Льянос основу для супа составляет бульон на мясе утки, курицы или броненосца, а на территориях «костеньос» типичный санкочо готовится на рыбном бульоне.

Второе значение данного слова – ‘встреча, на которой подается этот суп’ – основано на метонимическом переносе, а остальные – на метафорическом: ‘путаница, беспорядок’ [Richard 2006: 496] и ‘смесь наркотиков’ [Diccionario de parlache 2006: 190]. Последнее значение пришло в язык из вышеупомянутого медельинского жаргона парлаче и используется в молодежном сленге. Поскольку суп санкочо готовится из простых продуктов, всегда находящихся под рукой, соответствующая лексема стала основой для образования таких слов, как *sancochería* – ‘недорогое кафе, в котором предлагают незамысловатую еду’ [Montoya 2006: 204] и *sancochar* – ‘готовить простую пищу’ [Breve diccionario de colombianismos 2009: 184].

Знание разницы между видами того или иного продукта для понимания смысла ФЕ важно и в случае с овощами и фруктами. Почему, например, полного человека скорее назовут *banana* или *batatón* (*tener bananas* (букв. ‘иметь бананы’) и *ser batatón* (букв. ‘быть бататом / сладким картофелем’) означает ‘быть толстым’), а не *plátano* и *papa*? Все дело – в размерах и формах.

Многие названия овощей и фруктов, произрастающих в Колумбии, являются для русского языка безэквивалентной или малоупотребительной лексикой, ввиду отсутствия соответствующих культурных реалий. Тем временем авокадо (*aguacate*), папайя (*papaia*), гуанабана (*guanabana*), гуава (*guayaba*) – неотъемлемая часть многих колумбийских фразеологизмов, представляющих трудности для понимания носителями других культур:

- *dar papaia* (букв. ‘дать папайю’) – ‘попасть впросак’;
- *no dar papaia* (букв. ‘не давать папайю’) – ‘быть начеку’;

– *ser una guanabana* (букв. ‘быть гуанабаной’) – ‘быть хорошим человеком; быть отличным (о фильме, вещи) и т.д.’;

– *tener más tetas que una guanabana* (букв. ‘иметь больше грудей, чем гуанабана’) – ‘иметь большую грудь’;

– *ser pelea de toche con guayaba madura* (букв. ‘представлять из себя борьбу птицы точе со спелой гуавой’) – ‘неравный бой’;

– *tener el alma empavonada de aguacate* (букв. ‘иметь душу, покрытую авокадо’) – ‘быть высокоморальным, правильным до мозга костей’;

– *no sea tan aguacate* (букв. ‘не будь таким авокадо’) – 1) ‘не трусь’; 2) ‘не тупи’ и т.д. [Monroy 1996].

Мы неоднократно отмечали, что одно из центральных мест в колумбийской культуре питания в целом и особенно – в «Кофейном треугольнике» – занимает кофе. В Колумбии выпить с кем-либо кофе значит неспешно поговорить и отдохнуть. Добавим лишь, что, кроме вышеупомянутых слов *tinto* (крепкий черный кофе в маленьких чашечках) и *café* (кофе с молоком), в территориальном диалекте департамента Киндио существует лексема *tragos*, обозначающая чашку кофе с неочищенным сахаром (*un café endulzado con panela*), которую можно выпить сразу после пробуждения, до завтрака. Существительное *tragos* в диминутивной форме выступает частью фразеологизма *tomarse sus traguitos* – ‘заморить червячка’, также характерного для изучаемого диалекта [Vélez Uribe 1998: 118].

Таким образом, можно утверждать, что пища имеет свойство формировать определенный психологический, социальный, культурный контекст вокруг себя. Как справедливо отмечает американский психолог Р. Барт, с развитием общества пища становится составным элементом все большего числа ситуаций, а пищевая ценность продуктов питания в современном обществе отходит на второй план: *food has lost in substance, but gained in meaning* (‘еда теряет свое биологическое, но приобретает культурное содержание’). Современный человек, покупая продукты, используя их в пищу или подавая на стол, не просто производит манипуляции с некими объектами: эти продукты заключают в себе и передают определенную информацию. Нельзя не согласиться с утверждением О.С. Чесноковой о том, что «изучение

гастрономической терминологии и гастрономической символики в речи колумбийцев обогащает культурологическое и филологическое представление о формах существования испанского языка [Чеснокова 2011: 88].

Выводы по Главе 2

Историческая самобытность, своеобразность среды обитания, особенности психического склада наций и этнокультурных общностей способствуют образованию выразительных обозначений «своих» и «чужих», из которых образуются этнические и региональные стереотипы и реалии страны. Система региональных обозначений этнокультурных групп колумбийцев, выделяемых по территориальному принципу, включает целый ряд названий, каждое из которых несет печать исторических, географических и культурных особенностей.

В работе нами были выделены такие этнонимы, как: *paisas* (жители Антиокии и департаментов «Кофейной оси»), *cachacos* (общее название для жителей высокогорных районов), *costeños* (общее наименование жителей побережья), *rolos* (жители Боготы), *vallunos* (жители департамента Валье-дель-Каука, на западе страны), *cáucanos* (жители департамента Каука), *chocoanos* (жители департамента Чокó), *llaneros* (жители равнин на востоке страны) и *santandereanos* (жители департаментов Сантандер и Северный Сантандер).

Речь жителей департамента Киндио пользуется большим престижем, рост которого обусловлен рядом экстралингвистических факторов:

1) Киндио – один из богатейших департаментов страны за счет выращивания и продажи кофе, а его столица – Армения – славится лучшими его сортами, в связи с чем носит название «кофейной столицы всех континентов»;

2) в последнее десятилетие территория Киндио является зоной «кофейного» туризма, которая отличается сочетанием сельскохозяйственного бизнеса местных фермеров с экологическим отдыхом для посетителей;

3) происходит популяризация городского молодежного жаргона *parlache* («парлаче»), зародившегося в столице Антиокии – городе Медельин; парлаче превращается в средство эмоциональной экспрессии и неотъемлемую часть

повседневной коммуникации в современной Антиокии, а отдельные его лексемы – в других районах страны и за ее пределами.

Для понимания языковых реалий необходимо изучать традиции и нравы народа. Процесс коммуникации всегда затрагивает концепт «время». В Латинской Америке время полихронно: отношения между людьми выходят на первое место и самое важное в процессе коммуникации – это установление личностных отношений. В рамках теории Э. Холла латиноамериканские культуры можно считать более полихронными, чем испанская, однако на основе изучения отечественных и зарубежных исследований можно выделить общие черты восприятия времени в испаноязычных культурах (при изучении восприятия времени в Колумбии видны все выделенные черты), но средства их выражения уникальны для каждого национального варианта испанского языка:

- 1) отрицательное отношение к спешке, принцип *carpe diem*;
- 2) растяжимость во времени и желание подчинить себе его ход;
- 3) признание непунктуальности в межличностных отношениях.

Основную роль в колумбийском восприятии времени (небрежное отношение к потоку времени, отсутствие ощущения его ценности, медлительность и бюрократизм) играет территориальный фактор: в стране много этногрупп, живущих обособленно от всех, и в целом колумбийцы предпочитают проводить свободное время в контакте с природой и абстрагироваться от влияния иных культур. Ощущение растяжимости во времени актуализируется в частотных для Киндио коммуникативных клише с использованием наречия *ahora* и его диминутивной формы *ahorita*. Отрицательное отношение к спешке и пунктуальности отражается и в пословичном фонде языка (нами найдено более 50 пословиц и поговорок на указанную тему).

Для Колумбии характерно существование уникальных не только для страны, но и для каждого региона кодовых слов-ключей. Для регионов «Кофейной оси», к которым относится Киндио, одним из главных является ‘кофе’ (*tinto, café*), а отличительной чертой восприятия времени в департаменте Киндио – тесная связь между концептами «кофе» и «время» в сознании его жителей. Традиции, связанные с

территориальным фактором, накладывают отпечаток на язык, в котором данная связь выражается через коммуникативные клише и диминутивные формы лексем со значением кофе (*tintico* – ‘кофеек’, *dedito de tinto* – ‘чутьочку кофе’). В остальном общеколумбийские черты отношения ко времени характерны и для исследуемого региона.

Выявление особенностей любого национального варианта языка и его диалектов невозможно без анализа фразеологии. Нами была выбрана тема национальной кухни и ее отражения через ФЕ, поскольку символика пищи помогает постигать культуру. Каждый регион страны, помимо общих алиментарных характеристик, имеет собственные традиции питания. В алиментарной фразеологии «пайса» доминируют рис (*arroz*), кукуруза (*maíz*), бобы (*frijoles*), картофель (*papa*), авокадо (*aguacate*) и разновидность банана (*plátano*). Пресные (чаще – кукурузные) лепешки «арепас» (*arepas*) заменяют хлеб. Чтобы понять ассоциативное мышление «пайса» и смысл многих ФЕ, важно четко представлять разницу между видами лепешек, овощей и фруктов. Многие названия овощей и фруктов Колумбии являются для русского языка безэквивалентной лексикой ввиду отсутствия соответствующих реалий: папайя (*papaya*), гуанабана (*guanabana*), гуава (*guayaba*) – неотъемлемая часть многих колумбийских фразеологизмов, представляющих трудности для понимания носителями других культур.

Глава 3. НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ФОНЕТИЧЕСКИХ И ГРАММАТИЧЕСКИХ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ В КОЛУМБИЙСКОМ ТЕРРИТОРИАЛЬНОМ ДИАЛЕКТЕ ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА ДЕПАРТАМЕНТА КИНДИО

§ 3.1. Особенности функционирования фонетических языковых единиц в колумбийском территориальном диалекте испанского языка департамента Киндио

Данные проведенного нами исследования позволяют утверждать, что на фонетическом уровне отличительные черты произношения в департаменте Киндио охватывают систему гласных (вокализм) и систему согласных (консонантизм). Остановимся более подробно на их характеристиках.

В колумбийском территориальном диалекте испанского языка департамента Киндио, как в пиренейском, колумбийском и других национальных вариантах испанского языка, отмечается сохранение артикуляционно-акустических характеристик 5 гласных фонем: /i/, /e/, /a/, /o/, /u/.

Отметим, что в разговорной речи жителей Киндио систематично происходит редукция безударных гласных, главным образом, в конце слова: *burro* [búrr(o)] – ‘осел’; *paquete* [pakét(e)] – ‘пакет’; ‘миллион колумбийских песо’; *bufanda* [bufánd(a)] – ‘шарф’. Как правило, наибольшей редукции «подвергается» гласный [o].

При этом в 70^х гг. XX века известный колумбийский ученый Л. Флорес писал: «En cuanto al vocalismo, por ejemplo, es de advertir el fenómeno de la cerrazón de las finales -o y -e en -u e -i respectivamente, tanto más interesante cuanto se encuentra inclusive en personas cultas» ‘Что касается вокализма, к примеру, отмечается четкое произношение финальных -o и -e как -u и -i соответственно, особо представляет интерес, когда это происходит и в речи образованных людей’ [Flórez 1973: 17–20].

Однако в 2015 г., в ходе научной стажировки, в речи жителей сельской местности департамента Киндио нами было обнаружено явление замены гласного [i] на [e] и традиционного [o] на [u] в безударной позиции: *diligencia* (‘старание’, ‘усердие’) – [delixénsia], *disimular* (‘скрывать’) – [desimulá.ɫ], *militar* (‘военный’) – [melitá.ɫ], *principal* (‘основной’) – [prensipál]; *columpio* (‘качели’) – [kulúmpio], *mochila* (‘рюкзак’) – [mutfíla], *monumento* (‘памятник’) – [munuménto] и др.

При этом в спонтанной речи жителей Киндио нами также были отмечены явления:

1) монофтонгизации: *arrendo* вместо *arriendo* ('аренда'), *emergendo* взамен *emergiendo* ('появляясь') и т.д.;

2) дифтонгизации синалефы: к примеру, *¿Qué hubo?* ('Как дела?') заменяется на *¿Quiubo?*

Обратимся к анализу системы консонатизма в испанском языке департамента Киндио, где, как в Испании и странах Латинской Америки, присутствуют 17 фонем: звонкие взрывные /b/, /d/, /g/, глухие взрывные согласные /p/, /t/, /k/, аффрикативная согласная /tʃ/, глухие фрикативные /ʃ/, /s/, /j/, /x/, носовые /m/, /n/, /r/, боковая /l/, звонкая фрикативная /y/, дрожащие согласные /r/, /r:/.

Как в пиренейском и колумбийском национальных вариантах испанского языка, в анализируемом регионе отмечается отчетливое произношение согласных. Вариативность реализации согласных в речи жителей департамента Киндио обусловлена процессами соноризации и ассимиляции в некоторых позициях.

В департаменте Киндио, как и в колумбийском национальном варианте испанского языка в целом, присутствуют следующие отличия от пиренейской нормы:

1) отсутствие противопоставления фонем /s/ и /θ/. Если в литературном кастильском произношении различаются апикоальвеолярный [s] и межзубный [θ], то на всей территории Колумбии на их месте произносятся различные варианты зубного сибиланта (явление *seseo*);

2) отсутствие аспирации согласных звуков;

3) произнесение придыхательного звука [x] для буквы *h*: *haber* ('иметься') [xaβé.ɫ];

4) отсутствие различий в произнесении звуков [b] и [v];

5) фрикативизация и аппроксимация смычных звонких согласных только в интервокальной позиции (например, *el burro* ('осел') произносится как [el'βúr:o] в Колумбии, но [el'βúr:o] – в остальной Латинской Америке и Испании)¹.

¹ О колумбийской произносительной норме см. также: Фирсова 2002.

Отдельно подчеркнем, что основной фонетической особенностью системы консонантизма в колумбийском территориальном диалекте испанского языка департамента Киндио выступает эллипсис первой согласной в звукосочетаниях, состоящих из межгубных, межзубных и небных.

Подобные явления возникают в связи с тем, что некоторые фонетические изменения, касающиеся определенных групп согласных, не всегда присущи «узкой» местности, в которой проживает испаноязычное население, но наблюдаются как внутри, так и вне системы. Так, испанский лингвист А. Хуан де Вальдес, приводя в качестве примера латинскую букву *x*, передаваемую при произношении звукосочетанием [ks], утверждает: *en tales palabras como “excelencia” y “experiencia” se podría excluir el “x” del prefijo latino, porque la mayoría de castellanohablantes las pronuncian como [eselénsia] y [esperiénsia]* («в таких словах, как, например, *excelencia* («совершенство») и *experiencia* («опыт»), можно было бы убрать из латинского префикса *ex-* букву *x*, т.к. все равно большинство носителей кастильского (т.е. испанского) языка эти слова произносят как [eselénsia] и [esperiénsia]») [Valdés 1988: 47].

Другой испанский лингвист Д. Сампер Писано говорил о похожей особенности буквы *g*: *Se llamaba Magdaleno pero le decían [madaléno], porque los españoles no pueden pronunciar la gé antes de consonante. Era [anóstiko], [pramátiko], [domátiko] e [inoránte]* («Мужчину звали Магдалено, но все вокруг называли его «Магдалено», потому что испанцы не могут произнести [г] перед согласным. Звучит: «аностико», «праматико», «доматико», «иноранте») [Samper Pizano 1986: 33]. При этом Л. Флорес доказал, что эллипсис первой согласной при таких сочетаниях согласных, как [pt], [bs], [gn], [gm], [ct] считается фонетической нормой испанского языка в Колумбии [Flórez 1978: 52 – 53].

Согласно нашим наблюдениям, представителям сельской местности в департаменте Киндио, наоборот, присуще добавление «лишних» согласных: произнесение *erudito* («начитанный»), *sucinto* («краткий, лаконичный») и *esencial* («значимый») как [erudíkto], [sussín̄to] и [essensjál]; *extradición* и *asfixia* – как

[*estradiksjón*] и [*aksfisiá*]), а *conducta* (‘поведение’) и *arquitecto* (‘архитектор’) – как [*kondútta*] и [*arkitétto*] соответственно.

В Таблице № 1 приводим подробные данные о фонетических особенностях испанского языка департамента Киндио.

Таблица № 1

Фонетические особенности испанского языка на территории колумбийского департамента Киндио

Лексема	Сочетания фонем	Транскрипция	Произнесение звукосочетаний информантами, в зависимости от уровня их образования		
			ниже среднего	среднее	высшее
<i>Группа согласных фонем /pt/, /ps/, /pc/</i>					
<i>captura</i> (‘арест’)	/pt/	[pt]	[katúra]	[kaktúra]	[kaptúra]
<i>concepto</i> (‘концепт’)			[kõnséto]	[kõnsékto]	[kõnsépto]
<i>cápsula</i> (‘капсула’)	/ps/	[ps]	[kásula]	[káksula]	[kápsula]
<i>eclipse</i> (‘затмение’)	/pc/	[ps]	[eklise]	[eklitse]	[eklípse]
<i>corrupción</i> (‘коррупция’)		[ps]	[koʀusiõn]	[koʀuksiõn]	[koʀupsiõn]
<i>Группа согласных фонем /ct/</i>					
<i>conductor</i> (‘водитель’)	/ct/	[kt]	[kõndutóɫ]	[kõnduttóɫ]	[kõnduktóɫ]
<i>doctor</i> (‘врач’)			[dotóɫ]	[doptóɫ]	[doktóɫ]
<i>Группа согласных фонем /bs/, /bj/</i>					
<i>absoluto</i> (‘абсолютный’)	/bs/	[βs]	[assolúto]	[atsolúto]	[aβsolúto]
<i>subsidio</i> (‘субсидия’)			[susidjo]	[supsidjo]	[suβsidjo]
<i>objetivo</i> (‘объективный’)	/bj/	[βx]	[odxetiβo]	[odxetiβo]	[oβxetiβo]
<i>objeción</i> (‘протест’)			[oxesiõn]	[oxeksiõn]	[oβxesiõn]
<i>Группа согласных фонем /gn/, /gm/</i>					
<i>consignar</i> (‘назначить’)	/gn/	[gn]	[konsináɫ]	[konsipnáɫ]	[konsignáɫ]
<i>digno</i> (‘достойный’)			[dino]	[ditno]	[dígnɔ]
<i>diafragma</i> (‘диафрагма’)	/gm/	[gm]	[diãfrãma]	[diãfrãkma]	[diãfrãgma]
<i>dogma</i> (‘догма’)			[dõma]	[dókma]	[dõgma]
<i>Группа согласных фонем /ks/</i>					
<i>acción</i> (‘действие’)	/cc/	[ks]	[asiõn]	[atsiõn]	[aksiõn]
<i>accidente</i> (‘случай’)			[asidénte]	[assidénte]	[aksidénte]
<i>excelente</i> (‘отличный’)	/xc/	[ks]	[eselénte]	[esselénte]	[ekselénte]
<i>exceso</i> (‘излишек’)			[esésɔ]	[essésɔ]	[eksésɔ]
<i>asfixia</i> (‘удушье’)	/x/	[ks]	[asfisiã]	[aksfisiã]	[asfiksiã]
<i>examen</i> (‘экзамен’)			[esãmen]	[essãmen]	[eksãmen]

По выражению колумбийского писателя и поэта Т. Карраскилья, *donde no hay velos que encubran, fórmulas que confundan, ni apariencias que engañen, no puede dificultarse el conocimiento* (‘в случаях, когда нет скрывающих завес, путающих

формул и обманчивого вида, познание не затрудняется») [URL: <http://www.tomascarrasquilla.net/book/export/html/148>]. В этом смысле территория департамента Киндио – благодатный регион для исследований испанского языка, в том числе, в области фонетики и грамматики.

§ 3.2. Особенности функционирования грамматических языковых единиц в колумбийском территориальном диалекте испанского языка департамента Киндио

Известно, что наибольшее количество отличительных особенностей национальных вариантов полинациональных языков обнаруживается на уровне лексики и фонетики. Грамматика не так сильно подвержена изменениям.

Одной из наиболее распространенных и часто рассматриваемых грамматических особенностей колумбийского национального варианта испанского языка, как и других латиноамериканских национальных вариантов, выступает реализация личных местоимений.

В колумбийском национальном варианте испанского языка, и в департаменте Киндио, в том числе, сохранилось явление *voseo*, которое исчезло из пиренейского национального варианта в XVIII веке. Использование *vos* имеет длинную историю. Изначально форма пришла из латыни и выражала вежливое обращение на «Вы». При этом форма *vos* употреблялась представителями высших сословий. Впоследствии она превратилась в форму обращения к близким людям.

В настоящее время *vos* активно используется в речи жителей Киндио, Антиокии, Кауки, Нариньо и Сантадера, что, на наш взгляд, связано прежде всего с географической труднодоступностью указанных регионов.

Как отмечает колумбийский лингвист А. Родас, сегодня идет тенденция к исчезновению *voseo* в Колумбии так же, как это произошло в Испании в XVIII веке, когда стала распространяться форма *tú*, а *vos* осталась формой, которую «употреблял» только низший класс. В связи с этим *voseo* стало звучать невежественно и грубо [Rodas 2014: www.pasaportecolombiano.wordpress.com/2014/08/14/voseo-colombiano/].

А. Родас выделяет 2 сферы применения формы *vos*: *Se utiliza siempre de manera confidencial, entre personas de la misma edad o condición. Incluso los hijos sienten que tratar de vos a los padres es una falta grave de respeto. En un discurso en donde se utiliza el vos, quien lo hace tiene una cierta autoridad sobre quien le escucha, especialmente si son jóvenes y denota una gran cercanía: «Joven, sé que la vida espera mucho de vos»* («Она всегда используется **при доверительном общении**, между людьми одного возраста или статуса. Даже дети понимают, что употребление *vos* при общении с родителями – это жест крайнего неуважения. В речи, когда применяется *vos*, тот, кто использует эту форму, является большим авторитетом для слушающего, особенно среди молодежи, и обозначает особую степень духовной близости: «Ты знаешь, жизнь ждет от тебя многого»») [Rodas 2014: <https://pasaportecolombiano.wordpress.com/2014/08/14/voseo-colombiano/>].

Перечислим еще некоторые отличительные черты национально-культурного своеобразия функционирования грамматических ЯЕ в колумбийском территориальном диалекте испанского языка департамента Киндио, где наблюдаются:

- 1) упрощение системы глагольных времен;
- 2) повсеместное употребление диминутивов;
- 3) особое функционирование имен собственных, которые чаще всего заменяются личными местоимениями или повсеместно реализуются в уменьшительно-ласкательной форме (*Anita, Carlitos, Juanito*), что сразу придает речи эмоциональность.

Остановимся на рассмотрении вышеперечисленных особенностей.

К примеру, в обиходно-разговорной речи жителей департамента Киндио отмечается транспозиция претерита в сферу реализации перфекта. Приводим диалог между преподавателями Университета г. Киндио:

- *Qué hubo, pues? ¿Por qué tan triste?*
- *Ahorita vengo del hospital.*
- *¿Y qué? ¿Te ayudaron o qué?*

– ¡Na! Se me declaró una diabetis tan grande que parezco con un trapiche en la vejiga...

(‘– Ну, как дела? Почему ты такой грустный?

– Да, вот, только что из больницы.

– И? Тебе помогли или нет?

– Да, ну! Мне поставили такую серьезную стадию диабета, будто у меня целый сахарный завод в мочевом пузыре...’) [Запись информантов].

Повсеместное употребление диминутивов выступает еще одной важной морфологической особенностью колумбийского территориального диалекта испанского языка департамента Киндио¹. Использование уменьшительно-ласкательных суффиксов характерно, главным образом, для устной формы общения. «За океан были вывезены не только готовые слова с «этимологическим» суффиксом уменьшительности, но и живые модели форм уменьшительности и словообразования», – констатирует Г.В. Степанов в своем труде «Испанский язык в странах Латинской Америки». Здесь же, ссылаясь на работы А. Алонсо, вышеуказанный ученый утверждает: «Эмоциональные формы выражения возникли на территории Латинской Америки из-за отсутствия письменно-литературной нормы, которая, в свою очередь, была намного интенсивнее, чем в пиренейском национальном варианте испанского языка» [Степанов 1966: 202].

Отметим, что постепенно в письменно-литературный язык стали проникать формы эмоциональной оценки, что раньше являлось характеристикой только устной формы общения.

Согласно нашим наблюдениям, в Киндио уменьшительно-ласкательные суффиксы употребляются со следующими частями речи:

¹ Существует точка зрения, что чрезмерное применение диминутивов в Киндио связано с влиянием индейских языков. Сторонники идеи влияния индейских языков на широкое использование диминутивных суффиксов в испанском языке стран Латинской Америки (Х. Давила Гариби, У. Хименес Морено и др.) утверждают, что общеиспанский суффикс *-ito* выступает эквивалентом уменьшительного суффикса из науатль *-tzin (-tli)*, «перенявшим» его функции: *Su primera función es entregar el significado diminutivo, y la segunda – una variedad de matices que muestran tal actitud al oyente como benevolencia o respeto* (‘Во-первых, его первая функция – это передача значения уменьшительности, вторая – оттенков значения, которые демонстрируют такое отношение к собеседнику, как проявление благосклонности или уважения’) [Jiménez Moreno 1965: 40].

1) наречиями: *apenitas* ('чуток'), *ahorita* ('сейчас же'), *cerquita* ('близехонько'), *rapidito* ('быстренько'), *tardecito* ('поздненько'), *asinita* ('сию секундочку'):

– *Anda a lavar el carro, pero ahorita* ('Помой машину, только сейчас же');

– *Está bien, ahorita voy* ('Хорошо, я уже иду') [Запись информантов];

2) неопределенными местоимениями: *cualquierita* ('какой угодненько'); *alguito* ('хоть какой-нибудь'); *(por) ningunita (parte)* ('вообще нигде'):

– *¿Pepito, cuál de los dos zapatos te gusta más, los verdes o los azules?* ('Пепито, какие из этих двух пар ботинок тебе больше нравятся – зеленые или синие?');

– *Cualquierita de los dos* ('Да хоть какие') [Запись информантов];

– *¿Deseas tomar o comer algo?* ('Ты хочешь что-нибудь выпить или поесть?');

– *Alguito* ('Да, что-нибудь можно') [Запись информантов];

– *Ve y búscame este documento* ('Иди, найди мне этот документ');

– *Disculpe pero no lo encontré por ningunita parte* ('Извините, но я вообще нигде не могу его найти') [Запись информантов];

3) притяжательными местоимениями:

– *Reyna era una mujer guapa, no era del tipo de mujeres que me gustan, pero tenía su gracia... tenía lo "suyito", para describirla de alguna manera* ('Рейна была красивой женщиной, она не принадлежала к тому типу женщин, которые мне нравятся, но в ней была своя изысканность ... у нее было что-то «свое», как-то так ее можно описать') [Toro Arango 2013: 407].

Н. М. Фирсова в своем труде «Испанский язык и культура в испаноязычных странах» (2012) обратила внимание на то, что обилие уменьшительно-ласкательных суффиксов присутствует в речи преимущественно низших слоев населения. «В этом случае в коммуникативном поведении данной прослойки населения наблюдается стремление к гипокористичности высказывания. Подобный узус в ряде коммуникативных ситуаций как бы подчеркивает чувство приниженности, неполноценности говорящего, заискивания перед лицами, вышестоящими на социальной лестнице» [Фирсова 2012: 176].

Подчеркнем, что уменьшительно-ласкательные суффиксы зачастую используются в качестве риторического механизма, часто – для того, чтобы назвать непроизносимое вслух с иронией, ведь не всегда шутка может быть уместна.

Стоит обратить внимание на то, что диминутивы не обязательно имеют отношение к размеру и, например, *pedir un favorcito* ('попросить одолженьице') в реальности может означать намного большее одолжение, нежели в *favor* ('одолжение'). Или, услышав фразу *esperemos un segundito* ('давайте подождем секундочку'), собеседник отдает себе отчет в том, что ждать придется не одну секунду.

Еще одной характерной чертой грамматики колумбийского национального варианта испанского языка в целом и колумбийского территориального диалекта испанского языка департамента Киндио, в частности, выступает отличное от пиренейского национального варианта использование предлогов.

Колумбийцы употребляют предлог *de* в препозиции к союзу *que* – *de que*. Л. Флорес выступает с критикой данного явления, называя предлог *de* «паразитом» [Flórez 1975: 48].

На территории Киндио нами также были выявлены следующие особенности в употреблении предлогов:

- вместо *a consecuencia* ('вследствие') – *como consecuencia*;
- *a nivel* ('на уровне') – *el mismo nivel*;
- *en base de* ('на основании чего-либо') – *con base de*.

Необходимо обратить внимание на использование в департаменте Киндио имен собственных. Безусловно, в данном случае многое зависит от ситуации и говорящих. Имена собственные, как правило, заменяются личными местоимениями. Имена собственные также часто используются в уменьшительно-ласкательной форме (*Anita*, *Carlitos*, *Juanito*), что сразу придает речи эмоциональность. Если обращаются к человеку определенной профессии, то имя можно опустить и заменить титулом (*doctor* – 'доктор', *jefe* – 'шеф', *don* – 'дон', *señor* – 'сеньор'). Узуально обращение по наименованию родственников или иных

межличностных отношений (*hermano* – ‘брат’, *chico* – ‘парень’, *compadre*, *compañero* – ‘товарищ’, *amigo* – ‘друг’, *paisano* – ‘земляк’).

В разговорной речи молодежи рассматриваемого региона можно отметить использование уменьшительно-ласкательного суффикса *-is* (*Dianis*, *Claris*, *Sandris*). Когда у человека – двойное имя, например, *Juan Carlos*, *Juan Pablo*, *Juan Manuel*, *Juan Guillermo*, *Juan Daniel*, *Luis Miguel*, *Luz Marina*, *Luz Patricia*, происходит сращение двух имен в одно, при этом второе имя сокращается: *Juanpa*, *Juanma*, *Juanca*, *Juanguí*, *Luzpa*, *Luzma*, *Luismi*. Опрос информантов также показал, что второе имя часто «отбрасывается» при обращении: *Juan*, *Carlos*, *Felipe*.

Выводы по Главе 3

Основной локально-специфической характеристикой системы гласных колумбийского территориального диалекта испанского языка департамента Киндио является редукция безударных гласных в разговорной речи, главным образом, в конце слова (*burro* [búr:(o)] – ‘осел’). Наибольшей редукции «подвергается» гласный [o]. В спонтанной речи нами также были отмечены явления монофтонгизации и дифтонгизации синалефы.

Главной отличительной чертой системы согласных в испанском языке департамента Киндио выступает эллипсис первой согласной в звукосочетаниях, состоящих из межгубных, небных и межзубных. Эллипсис первой согласной при таких сочетаниях согласных, как [pt], [bs], [gn], [gm], [ct] традиционно считается фонетической нормой колумбийского территориального диалекта испанского языка департамента Киндио.

Грамматика не так сильно подвержена изменениям, как фонетика и лексический состав языка, однако при изучении колумбийского территориального диалекта испанского языка департамента Киндио в данной области также был выявлен ряд отличительных черт:

- 1) упрощение системы глагольных времен;
- 2) широкое распространение *voseo* при доверительном общении между людьми одного возраста или статуса (дети не используют *vos* при общении с

родителями); общением с человеком, для которого Вы являетесь авторитетом (например, при разговоре взрослого с подростком или ребенком). При этом форма *vos* подчеркивает доверительные отношения между говорящими;

3) повсеместное употребление диминутивов: *un tintico, un cafecito* ('кофеек'), *una damita* ('дамочка'); *ahorita* ('сейчас же'), *cerquita* ('близехонько'); *alguito* ('хоть какой-нибудь'); *suyito / tuyito* ('Ваш' / 'твой');

4) особое функционирование имен собственных: чаще всего имена собственные заменяются личными местоимениями или используются в уменьшительно-ласкательной форме (*Anita, Carlitos, Juanito*), что сразу придает речи эмоциональность; обращаясь к человеку определенной профессии, имя можно заменить титулом (*doctor* – 'доктор', *jefe* – 'шеф'); частотным выступает обращение по наименованию межличностных отношений (*hermano* – 'брат', *compadre* – 'товарищ', *amigo* – 'друг', *paisano* – 'земляк').

**Глава 4. НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ
ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В КОЛУМБИЙСКОМ
ТЕРРИТОРИАЛЬНОМ ДИАЛЕКТЕ ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА
ДЕПАРТАМЕНТА КИНДИО**

§ 4.1. Лексические особенности диалектизмов в испанском языке на территории колумбийского департамента Киндио

Лексические расхождения между пиренейским национальным вариантом испанского языка и колумбийским национальным вариантом испанского языка весьма значительны, что, в свою очередь, приводит к недопониманию, а иногда – к конфликтам. Так, например, во время дипломатических дискуссий атташе по культурным вопросам ЕС К. Кунс (Kamilla Koons) порекомендовала колумбийцам, которые приезжают в Испанию по работе или путешествовать, перестать просить дарить им вещи, когда на самом деле они хотят их купить. По ее словам, европейцы предпочитают язык без эвфемизмов, и «неправильное» использование глагола *regalar* (в пиренейском варианте – ‘дарить’, в колумбийском – ‘давать’, ‘приносить’, ‘продавать’) приводит к искажению образа колумбийцев, которые воспринимаются не как покупатели, а как попрошайки. В конечном счете, это негативно сказывается на образе страны в целом. Знаменитая фраза *¿Me regala un café?* (‘Не принесете ли мне чашечку кофе?’) приводит каждый раз к недопониманию, а иногда – и к конфронтации. По мнению К. Кунс, это – одна из главных причин дискриминации колумбийцев за границей¹.

В. С. Виноградов в своей работе «Введение в переводоведение» (2004) выделил несколько типов диалектизмов:

- 1) *собственно лексические диалектизмы*, которые являются синонимами литературного языка;
- 2) *этнографические диалектизмы*, которые называют определенные реалии, характерные только для данной местности;
- 3) *семантические диалектизмы*, которые отображают диалектное значение общеупотребительных слов [Виноградов 2004: 224].

¹ URL: <http://www.actualidadpanamericana.com/union-europea-pide-a-colombianos-dejar-de-pedir-que-les-regalen-cosas>.

Обратимся к примерам.

1. Собственно лексические диалектизмы. Таблица № 2 приводит собственно лексические диалектизмы в испанском языке департамента Киндио, аналогами которых на территории Латинской Америки выступают исконно испанские ЛЕ.

Таблица № 2

Перечень собственно лексических диалектизмов, употребляемых в испанском языке департаментов «Кофейной оси»

<i>Общеиспанская лексическая единица</i>	<i>Лексический синоним в испанском языке департаментов «Кофейной Оси»</i>	<i>Перевод на русский язык</i>
bonito	pispo	красивый
cerdito	runcho	поросенок
campesino	ñuco	крестьянин
comelón	galgo	обжора
cortado	perico	кофе с молоком
equivocarse	descacharse	ошибаться
fácil	mamey	легкий, простой
fiesta	pachanga	праздник
golpe	guarapazo	удар
joven	volantón	молодой
llorar	berrinar	плакать
palomitas	crispetas	попкорн
pobre	arrancado	бедный
preocupación	pensión	беспокойство
remordimiento	tusa	угрызения совести
tranquilo	orondo	спокойный
talón	jarrete	пятка

2. Этнографические диалектизмы. Самая традиционная семантическая классификация заимствований из индейских языков – слов-реалий, которые отражают национальное своеобразие жизни и быта индейских племен: названия национальных блюд, напитков, флоры, фауны, предметов быта. Остановимся на

данной классификации подробнее применительно к испанскому языку департаментов «Кофейной оси».

Названия национальных блюд, напитков: *charqui* – ‘чарки’ – ‘вяленое на солнце мясо’; *uchu* – ‘учу’ – ‘маленький острый перец’, используется во многих национальных блюдах Киндио; *mote* – ‘моте’ – ‘очищенная вареная кукуруза’; *panocha* – ‘паноча’ – ‘толстая сладкая лепешка из кукурузной муки’; *cacheo* – ‘качео’ – ‘фарш из свиных внутренностей, жареный со специями’; *refajo* – ‘рефахо’ – ‘прохладительный напиток, «коктейль» из пива со сладкой газированной водой’.

Названия реалий флоры: *ichu* – ‘ичу’ – ‘травы в горной местности’; *quinua* – ‘кинуа’ – ‘однолетнее маревое растение’; *cantuta* – ‘кантута’ – ‘священный цветок инков’; *choclo* – ‘чокло’ – ‘кукурузный початок’; *macuilis* – ‘макуилис’ – ‘дерево, листья и кора которого являются лекарственными’; *escanlol* – ‘эсканлол’ – ‘лечебное растение с очень пахучими желтыми цветами’; *olluco* – ‘уллюко’ – ‘(растение, клубни которого напоминают картофель и употребляются в пищу)’.

Названия реалий фауны: *quirquincho* – ‘киркинчо’ – ‘вид броненосца’; *musa* – ‘мука’ – ‘вид опоссума’; *anás* – ‘анас’ – ‘вид скунса’; *pejelagarto* – ‘пехелагартто’ – ‘вид морской рыбы’.

Названия предметов быта: *carpa* – ‘карпа’ – ‘тент, палатка’; *quincha* – ‘кинча’ – ‘забор или частокол’; *vicuña* – ‘бикунья’ – ‘тонкая шерстяная ткань’; *sancha* – ‘канча’ – ‘пространство, ограниченное забором из прутьев’; *antara* – ‘антара’ – ‘панфлейта – класс деревянных духовых инструментов, многоствольная флейта’.

3. Семантические диалектизмы. В Таблице № 3 приводятся исконно испанские ЛЕ, практически полностью изменившие свои значения в испанском языке департаментов «Кофейной оси».

Перечень исконно испанских ЛЕ, практически полностью изменивших свои значения в испанском языке департаментов «Кофейной оси»

<i>Лексическая единица</i>	<i>Общеиспанское лексическое значение</i>	<i>Лексическое значение в испанском языке департаментов «Кофейной оси»</i>
cabrearse	irritarse, enfadarse (‘раздразниться, сердиться, беситься’)	1) cabriar ilícitas (‘проводить незаконные операции’); 2) ponerse temeroso (‘пугаться’)
cagado	aseo, retrete (‘туалет’)	1) lugar desagradable (‘неприятное место’); 2) aburridor, de poco valor (‘наводящий скуку’, ‘незначительный’)
cascado	estropeado (‘сломанный, испорченный’)	1) muerto, asesinado (‘мертвый, убитый’); 2) cárcel (‘тюрьма’); 3) comida que luego se calienta para otra ocasión (‘пища на потом’)
chamba	suerte, casualidad (‘удача’, ‘случайность’)	1) trabajo, ocupación remunerada (‘работа, оплачиваемая деятельность’); 2) herida, perforación o desgarramiento en alguna parte del cuerpo (‘рана – порез или прокол любой части тела’)
baboso	bobo, tonto, simple (‘глупый’, ‘простак’)	hablador (‘разговорчивый’, ‘болтун’)
caña	tallo de las plantas gramíneas (‘сахарный тростник’)	mentira (‘ложь’)
coloca	resultado de poner algo en su debido lugar (‘расположение’)	trabajo (‘работа’)
corotos	cacharro de cocina o de la vajilla (‘домашняя утварь’)	cachivaches (‘хлам’)
chicanero	dicho de personas que hacen chicanas (‘человек, который зло подшучивает’)	alardoso y listo (‘хвастливый / хитрый’)
dar golpe	golpear (‘ударить’)	estar a gusto (‘нравиться, быть приятным’)
espeso	que tiene mucha densidad (‘густой’)	sucio, desaseado y grasiento (‘грязный, сальный’)
fundamentoso	fundamental (‘основательный’; ‘действительный’)	amable (‘милый, приятный в общении’)
horrible	horrible – ‘ужасный’	horrible de... (‘ужасно + признак’)
muchacha	chica (‘девочка’, ‘девушка’)	«девочка» (о женщинах любого возраста)
naiades	от nadie – ‘никто’	rosa cosa (‘ничтожество’)
pilas	un montón de cosas (‘куча’; ‘изобилие’, ‘чрезмерность’)	para expresar cualquier emoción (‘для выражения любых эмоций’) – используется в эмпатической функции
pues	entonces (‘ну, итак’)	показывает принадлежность говорящего к жителям регионов «пайса»
repuesto(s)	pieza para sustituir a otra igual (‘запчасти’)	bien nutrido y de mejillas rosadas (‘упитанный и розовощекий’)

Отдельно остановимся на национально-культурном своеобразии употребления ЛЕ *pues* ('ну, итак', 'к тому же') в департаментах «Кофейной оси». В Киндио междометие *pues* добавляют почти к каждому выражению, это – одна из основных отличительных особенностей в лексике изучаемого диалекта: ¡*Avemaría, pues!* ('Боже мой!'), ¡*Hasta después, pues!* ('До скорого!'), ¿*Quiúbo, pues?* ('Ну, что, как ты?').

Использование слова *pues* представляет собой множество трудностей. Жители Киндио без труда могут вычислить человека из другого региона только по произношению одного этого слова или же по положению слова в предложении. Правила применения достаточно строги. Как утверждает Д. Велес Урибе, *pues* можно не поставить в конце предложения всего лишь *una vez por cada cien* ('один раз из ста') [Vélez Uribe 1998: 10]. Для департамента Киндио именно междометие *pues* является главной отличительной особенностью разговорной речи его жителей, которая не присутствует в других частях «Кофейного региона». К примеру, в департаменте Валье-дель-Каука (Valle del Cauca) в речи всегда прибавляют глагол *ver*: *Mira, ve* ('смотри'), *Claro, ve* ('понятно') и т.д.

Жители Киндио используют *pues* для эмпазы – усиления высказывания, это – не просто слово-«паразит». Стоит отметить, что в департаменте Киндио охотно употребляют ЛЕ, присущие именно их региону, подчеркивая тем самым принадлежность к одному из самых богатых департаментов Колумбии. Обратимся к более подробному рассмотрению особенностей семантики наиболее часто используемых ЛЕ на территории департамента Киндио (список составлен по данным словаря Дж. Велеса Урибе и опроса информантов).

1. *Baboso* – человек, который любит много говорить ни о чем. С одной стороны – синоним к лексеме *charlatán*, однако имеет положительную коннотацию. Это – человек, придумывающий истории, остряк, шутник. Синоним к словам *hablador, pajudo, hablantinoso, bulloso, guacharacoso, alharacoso* или *chismoso*. Довольно часто ЛЕ *baboso* можно услышать в разговорах о политиках как о людях, которые обладают самыми яркими коммуникативными навыками.

Aunque haya casos de corrupción en el partido, seguiré votando por ellos, porque los otros políticos son unos babosos (‘Хотя в партии встречаются случаи коррупции, я все равно буду за них голосовать, потому что политики там красиво говорят’) [Запись информантов].

2. *Caña* – существительное, означавшее «ложь», но утратившее первоначальное значение (за исключением речи крестьян) и ставшее частью восклицания-реакции в ответ на преувеличение:

– *¡Es tan gorda que en lugar de brassiere usa una hamaca con nudo en la mitad!* (‘Она – такая толстая, что вместо лифчика надевает гамак с узлом посередине!’)

– *¡Qué caña!* (‘Да, ладно!’) [Запись информантов].

3. *Coloca* – сокращение от *colocación* (‘трудоустройство’) – ‘работа’. В общеколумбийской лексике в данном значении используется существительное *camello* (в пиренейском испанском – ‘верблюд’):

– *En ninguna parte resulta coloca. Llevo casi un año buscando. ¡Es tan difícil!* (‘Нигде нет работы, я уже почти год ее ищу. Это так трудно!’).

– *Demás que sí...* (‘Да уж, это точно...’) [Запись информантов].

4. *Corotos* (общеколумбийское значение – ‘домашняя утварь’) – семантический диалектизм, на территории департамента Киндио относящийся к сниженной лексике и имеющий значение ‘хлам’, ‘барахло’. Вот пример из диалога – ссоры двух молодых людей:

– *¡Váyate con tus corotos para otra parte!* (‘Проваливай отсюда вместе со своим барахлом!’) [Запись информантов].

5. *Chicano* – ‘хвастливый’ или ‘хитрый’. Глагол *chicanear* означает ‘добиваться своего всевозможными уловками’:

– *Siempre va limpio, pero es tan chicano que todos piensan que tiene corona y cajas de oro* (‘У него никогда нет ни гроша за душой, но он такой хитрец и хвастун, что все думают, будто у него куча привилегий и горы золотые’) [Запись информантов].

6. *Dar golpe* (в «пиренейском испанском» – ‘ударить’, ‘нанести удар’) в Киндио имеет значение ‘нравиться’, ‘быть приятным’. Когда девушка представляет

своего молодого человека родителям, и он «*da golpe*», значит, он прошел проверку, он понравился. В данном случае словосочетание, имеющее в пиренейском национальном варианте испанского языка негативную коннотацию, в колумбийском территориальном диалекте испанского языка департамента Киндио приобретает ярко выраженную положительную семантику.

7. *Espeso* (в пиренейском испанском – ‘густой’): в диалекте департамента Киндио прилагательное имеет негативную коннотацию и означает ‘грязный’, ‘сальный’ (о волосах или одежде):

– *¿Por qué te cabrea tanto?* (‘Почему он тебя так бесит?’).

– *Come más que un bobo cuidando una casa y siempre tiene la camisa espesa* (‘Да он ест как не в себя, и рубашка у него все время грязная’) [Запись информантов].

8. *Fundamentoso* (‘основательный’, ‘действительный’): данное слово в Киндио используется как характеристика человека и имеет значение ‘милый, приятный в общении’. Прилагательное в женском роде (*fundamentosa*) субстантивируется и обозначает девочку, которую с раннего возраста готовят к будущей семейной жизни: *es aquella persona a la cual preparaban desde muy pequeña para su futura vida de casada* [Vélez Uribe 1998: 71].

9. *Horrible* (‘ужасный’): данное прилагательное часто можно услышать в выражении *horrible de bello* (‘ужасно красивый’). Жители Киндио любят сочетать несочетаемое для привлечения внимания или для того, чтобы сделать эмоциональный акцент на высказывании.

10. *Muchacha* (‘девушка’): изначально данное слово употреблялось по отношению к молодым девушкам, но в речи жителей Киндио это – обычное обращение к дамам любого возраста.

Из диалога с информантами: *No se me vaya, que ya vienen las muchachas, que tantas ganas tienen de conocerlo...* (‘Не уходи, сейчас придут «девочки», которые так хотят с тобой познакомиться’) – и в дом заходят пожилые дамы.

11. *Naides* – ‘никто’, произошло от слова *nadie* посредством перестановки фонем, имеет негативный и оскорбительный окрас: фраза *¡Es un naides!* означает ‘Ты – ничтожество!’.

12. *Pilas* ('изобилие', 'чрезмерность'): слово потеряло первоначальное значение и используется для эмоционального усиления в разговорной речи:

– *¿Tienes ganas de invitar a Juan?* ('Ты хочешь пригласить Хуана?')

– *¿Ganas? ¡Piiiiiiilas de ganas, mamá!* ('Хочу ли я? Оооочень хочу, мама!')

[Запись информантов].

13. *Repuestos* (в Колумбии – 'запчасти'): в диалекте департамента Киндио данное слово также относится к полным и румяным людям, пышущим здоровьем. Дж. Велес Урибе приводит следующий анекдот, основанный на игре слов: *Pasó un borrachito por un almacén de repuestos y leyó: «Eliás y Clímaco Uribe Villa. Repuestos». Y comentó con sorna: «Dizque repuestos este par de langarutos descoloridos!!!»* ('Один выпивший человек проходил мимо магазина запчастей и прочел: «Элиас и Климако Урибе Вилья. Запчасти (игра слов со значением «упитанные и румяные»)»). И язвительно заметил: «И эта парочка тощих и бледных говорит, что они – упитанные и румяные!») [Vélez Uribe 1998: 111].

Еще раз подчеркнем, что на территории Колумбии, через которую проходят три горные цепи Анд, исторически «осложнявшие» развитие транспортной системы и препятствовавшие распространению кастильского испанского языка почти до середины XX столетия, существуют значительные региональные отличия в лексике. В связи с этим в современной Колумбии каждый из 32 департаментов в лингвокультурологическом ракурсе должен рассматриваться отдельно.

§ 4.2. Сравнения-преувеличения как тип лексических диалектизмов в колумбийском территориальном диалекте испанского языка департамента Киндио

В связи с разницей в климатических и географических условиях, в ряде латиноамериканских государств, к которым относится и Колумбия, присутствует дробность в диалектологии. Большое количество труднодоступных территорий страны объясняет заметные различия в речи жителей каждого ее региона. Известный испанский лингвист Э. Бернардес писал: «... *un dialecto es un habla que niquiera es propia de una nación. Formas particulares que adopta una lengua en las diferentes regiones, zonas, áreas geográficas...*» ('...диалект – это говор, который не

принадлежит ни одной нации. Это – особые формы, которые принимает язык в различных регионах, зонах, географических районах...» [Bernárdez 2004: 27]. Данное утверждение в полной мере справедливо для колумбийского территориального диалекта испанского языка департамента Киндио.

В разговорной речи жителей Киндио можно услышать преувеличения, которые выражают большой спектр эмоций – обиду, сарказм, насмешку и т.д. При помощи данного приема говорят «завуалированную» правду, чтобы не обидеть собеседника или же, наоборот, оскорбить. Зачастую преувеличения могут звучать грубо и даже жестоко. Так как их можно встретить, в основном, в разговорной речи, стоит отметить, что преувеличения, как правило, носят спонтанный и естественный характер. Так, в ходе общения со студентами Университета Киндио в 2015 г., мы встретились со следующими примерами использования преувеличений во время разговоров о скучном занятии (первые два) и сложном экзамене (последние два):

– *más aburrido que un celador sin transistor* ('скучнее, чем сторож без радиоприемника');

– *más aburridor que una tía solterona* ('скучнее, чем старая дева');

– *más fácil coger un rayo de la cola* ('проще поймать тень от хвоста');

– *más complicado que la cagada de un tullido* ('сложнее, чем сходить в туалет для парализованного') [Запись информантов].

В словаре Н. Н. Романовой и А. В. Филиппова «Культура речевого общения: этика, прагматика, психология» преувеличение трактуется как «искаженно-завышенная передача чужих сведений (сознательно или незнательно) или передача в речи собственных субъективно-завышенных впечатлений». В обыденной же речи преувеличение – синоним обмана (*embuste*), лжи (*mentira*), абсолютной фальсификации правды [Романова, Филиппов 2009: 252].

В речи жителей департамента Киндио много тонкостей, и преувеличение – лишь одна из них. Представителя Киндио можно спровоцировать на серьезную ссору, если в ответ на преувеличение, вполне естественное для жителей этих мест, назвать их лжецами (*embusteros*). Преувеличение в разговоре и открытая ложь для жителей департаментов «Кофейной оси» – абсолютно разные понятия: они

постоянно преувеличивают, но, несмотря на это, считаются среди колумбийцев самыми общительными и дружелюбными. В Киндио преувеличение – это не обман, а определенное искажение реальности, причем его степень определяется каждым собеседником индивидуально. Рассмотрим лингвистические и экстралингвистические особенности, которые определяют использование преувеличений.

Во-первых, каждый язык имеет одинаковые инструменты и механизмы, при помощи которых приобретаются знания и происходит взаимодействие во внешнем (физическом) и социокультурном пространствах. В то же время каждый язык использует эти элементы по-своему, в зависимости от обстоятельств. Каждодневная деятельность человека, личностные и межличностные конфликты, экономические и политические разногласия – все они являются неисчерпаемыми темами и мотивами для развития фантазии и выражения своих мыслей фигуративно [Садохин 2008: 268].

Преувеличения представляют собой выражения, которые существовали в прошлом и продолжают жить в настоящем, тем самым формируя определенные лингвистические особенности колумбийского национального варианта испанского языка. Нет ни одной темы, которую бы не затрагивали преувеличения, будь то приветствия, оскорбления, заискивания, расспросы. Но прежде всего преувеличения используются при убеждениях.

В Киндио искусство убеждения, по словам местных жителей, рождается вместе с ребенком. Использование преувеличений – одна из главных особенностей разговорной речи жителей департаментов «Кофейного региона». Можно смело утверждать, что в каждом разговоре в большей или меньшей степени присутствует преувеличение. Спустя некоторое время, преувеличения преобразуются в пословицы, поговорки и крылатые выражения. Приведем примеры из записи информантов:

– *más encantado que una gallina criando patos* ('более довольный, чем курица, вскармливающая уток');

- *más contento que perro estrenando lazo* ('более довольный, чем собака, которой надевают ошейник');
- *estorba más que un marrano en la cocina* ('мешающий сильнее, чем бревно на кухне');
- *más derecho que un yarumo* ('прямее дерева ярубы');
- *más ordinario que una bacinilla con la agarradera por dentro* ('обычное тастика с ручкой').

Во-вторых, хотя многие преувеличения не вызывают проблем с пониманием и в наши дни, большинство из них требует знаний в области истории и культуры данной страны или региона. Многие преувеличения имеют древние истоки. К примеру, выражение *más entrador que nigua salamineña* ('более незванный, чем блоха') пришло из эпохи колонизации. Не было ничего страшнее блох, которые являлись источником многих болезней. Существуют 2 интерпретации данного преувеличения: чаще всего оно относится к человеку, который изо всех сил пытается понравиться и установить хорошие отношения в обществе, но применимо к тому, кто сам возлагает на себя невыполнимые обязательства.

В-третьих, жители Киндио известны на всю Колумбию своей амбициозностью и умением превосходно вести дела и торговлю. «Кофейный регион» всегда выгодно отличался от других территорий Колумбии развитой торговлей и агрокультурой. Именно торговля дала толчок для развития Киндио, она же стала и причиной возникновения такой отличительной черты его жителей, как преувеличение в речи. При торговых отношениях как нельзя лучше использовался дар убеждения для того, чтобы получить самую выгодную цену за продукты, плоды своего труда. В связи с этим необходимо было «преувеличивать» качество, размер, свежесть и, следовательно, стоимость юкки, бананов, кофе, кукурузы, мяса и других продуктов питания. Обратимся к отрывку из книги Ф. Торо Аранго «*Así nos hemos entendido los paisas*», который ярко иллюстрирует явление преувеличения качества продукта с целью его продажи с помощью языковых средств: *Y alisten la plata en la mano. La plata en la mano caballeros, que vamos a ver cuántos somos y cuántos quedamos. Soy fresco, soy sincero, nadie me*

la compre por lástima (la pomada), pero eso sí, cuando el dolor lo agarre descuidado no se ponga a quejarse por no haberme hecho caso. Hay únicamente estas dos docenas de cajitas y no hay más. Vea, señor, me puede escupir en la cara si hay más, se lo juro. Una cajita vale cinco pesos y las tres valen diez. Una acá para el señor, mil gracias caballero. Quedan los últimos señores. La reconocida y maravillosa pomada Indostánica con manteca de culebra, manteca del oso negro, aceite de dragonero, aceite de pescado y mil y un preparados secretos de la selva. Vamos a entregar únicamente dos docenas. Tres para la señora y muchas gracias. Vean la clase de gente que lleva mis productos, señores, nada menos que el doctor me lleva tres, gracias doctor. Esta es la maravillosa pomada Indostánica con manteca de oso negro, aceite de dragonero. Tres cajitas en diez pesos, del cielo hoy llovió maná, en Colombia la pomada Indostánica para toda la humanidad. Los ancianos la bendicen y los niños la veneran en Colombia, esta es una santa bendición del cielo. (‘Кладите деньги мне в руки. Деньги – в руки, господа. Так давайте же посмотрим, сколько нас и на сколько мы договоримся. Я свеж, я честен, никто не будет покупать у меня из жалости (мазь), но, да, когда боль неожиданно крепко вцепляется, не жалуйтесь на то, что не прислушались ко мне. Есть только эти две дюжины маленьких тюбиков – и все. Видите ли, сеньор, Вы можете плюнуть мне в лицо, если есть больше, клянусь. Тюбик стоит пять песо, а три стоят десять. Один – сюда для сеньора, большое спасибо, господин. Остались последние, господа. Известная и замечательная мазь «Индостаника» со змеиным маслом, жир черного медведя, драконье масло, рыбий жир, а также тысяча и одна тайна джунглей. Мы вручим последние 2 дюжины. Три – для сеньоры, большое спасибо. Посмотрите на людей, покупающих мои товары, господа, никто иной, как сам доктор берет у меня три, спасибо, доктор. Это – прекрасная мазь «Индостаника» с жиром черного медведя и драконьим маслом. Три тюбика за десять песо, это – прямо манна небесная, в Колумбии мазь «Индостаника» – для всего человечества. Старейшины благословляют ее, а дети в Колумбии чтят ее, это – благословение с небес’) [Toro Arango 2013: 249].

Наконец, немаловажную роль при характеристике источников преувеличений играет тот факт, что многие регионы Колумбии до сих пор

считаются опасными, будь то небольшие деревни, или города, такие, как: Перейра (*Pereira*), Санта Роса де Кабаль (*Santa Rosa de Cabal*), Ла Вирхиния (*La Virginia*), Доскебрадас (*Dosquebradas*) и др. Феномен насилия «пропитал» разговорную речь неблагоприятных районов и внес определенные изменения в традиции и обычаи. Больше всего различий можно наблюдать на лексическом уровне: преувеличения применяются все так же часто, но в них используются разные слова из «тюремного жаргона».

Подобные устойчивые выражения можно услышать и в городах, и в сельской местности от представителей разных социальных и возрастных групп.

Обратимся к примерам:

- *más ordinario que un ataúd* ('проще гроба для бедняков');
- *más peligroso que una puntilla en un tobogán* ('опаснее гвоздя на горке');
- *más peligroso que un tiroteo en un ascensor* ('опаснее перестрелки в лифте');
- *más serio que un tramposo* ('серьезнее, чем жулик');
- *no le doy la mano, porque me la devuelve con cuatro dedos* ('я не дам ему руки, иначе мне ее вернут только с четырьмя пальцами') и т.д.

Частотность употребления преувеличений зависит от региона. По словам Ф. Торо Аранго, в Перейре наиболее часто употребляют такие сравнения, как: *más cansón que unos calzoncillos de estropajo* ('утомительнее, чем носить кальсоны с начесом') или *más ordinario que una monja jugando tejo* ('зауряднее монахини, играющей с шайбой'), а в Ла Тебайде (*La Tebaida*) – *más empolvada que la cucaracha de panadería* ('размалеванная (букв. 'обсыпанная мукой') сильнее, чем таракан в булочной' – об излишках макияжа у женщин). Для Армении характерно сравнение *más saludable que agua de malva* ('приятнее, чем мальвовая вода' – о человеке) [Торо Аранго 2013: 264].

Развитие департаментов «Кофейной оси» тесно связано с деревнями и кофейной деятельностью, которая является неотъемлемой частью процветания торговли и экономики. Важно обратить внимание на временное переселение населения из деревень в города, происходящее из года в год. Дважды в год крестьяне находятся на плантациях и собирают кофе, а в остальное время

перебираются в город в поисках работы. Известно, что это приводит к демократизации языка и «размыванию» стандарта.

Один из самых плодотворных источников для формирования сравнений-преувеличений – это упоминание о событиях, местах и известных личностях. Многие сравнения служат «экскурсом» в историю и традиции Колумбии. Например, выражение *más templado que la guitarra de Gardel* («тверже гитары Гарделя») некогда было очень популярным, но со смертью аргентинского певца К. Гарделя танго стало звучать все реже, и сравнение потеряло свою значимость. На замену ему пришли выражения: *más templado que nalga de torero* («тверже ягодиц тореадора»), и *más templado que brazo de santo* («тверже руки Святого»). В настоящее время данные сравнения используют, когда говорят о неуступчивом человеке или твердом характере.

В истории «Кофейного региона» и всей страны надолго останется кризис в кофейной сфере, связанный не только с разрывом Международного пакта по торговле кофе, но и с болезнями кофейных деревьев, который привел к сокращению добычи кофе. Многие люди потеряли работу. В связи с этим в речи жителей Киндио возник фразеологизм *más sobregirado que un cafetero* («беднее продавца кофе»).

В идиоме *más pobre que el policía de Mistrato* («беднее полицейского из Мистрато»), часто используемой жителями города Мистрато, речь идет о временах, когда полицейским приходилось рисовать пистолет, лежащий в кармане, потому что денег на настоящий ни у кого не было. Фразеологизм *más buscado que Pablo Escobar* («разыскиваемый тщательнее, чем Пабло Эскобар») связан с поимкой, пожалуй, самого известного наркобарона XX века П. Эскобара, возглавлявшего Медельинский картель. Выражение *más entucador que el alcalde de Apía* («бóльший хитрец, чем мэр из Апии») появилось благодаря деятельности мэра города Апия, который перебрался в Перейру для того, чтобы найти там экономическую помощь и улучшить жизнь своих горожан¹.

¹ Подробнее по данному вопросу см.: Londoño 2000, 154–155.

Еще одним богатейшим источником появления преувеличений выступает сравнение с общеизвестными предметами или животными. Такие выражения используются при описании бытовых ситуаций или характеристике очевидных вещей:

– *interrumpe más que un bombillo en cine* (‘мешает больше, чем лампа в кинотеатре’);

– *está más quebrado que un bulto de canela* (‘сломанный сильнее, чем кусок прессованного тростникового сахара’);

– *más metido que mosco en leche* (‘влип сильнее, чем муха в молоке’);

– *hace más daño que un mico en un pesebre* (‘причиняет больше ущерба, чем обезьяна в яслях’);

– *más claro no canta un gallo* (‘петух яснее не пропоет’ – о чем-то очевидном) и т.д. [Toro Arango 2007, 264 – 265].

В заключение отметим, что при изучении сравнительных оборотов-преувеличений прослеживается четкая взаимосвязь между денотативным и коннотативным значениями слов. Вместе с изменениями, происходящими в жизни людей, преувеличения эволюционируют, изменяя свой внешний облик. Совершенствование транспортных связей, развитие экономических отношений между территориями страны, расширение границ общения, межкультурный обмен – все это и многое другое создает почву для видоизменения сравнений и адаптации их под новую реальность.

§ 4.3. Заимствования из автохтонных языков в колумбийском национальном варианте испанского языка

Словарь каждого языка – это живой организм, который подвижен, изменчив и постоянно развивается. Язык не живет изолированно, каждый контакт с другим языком несет изменения на лексическом, грамматическом и фонетическом уровнях. Лингвисты однозначно утверждают, что не существует ни одного уровня языка, который не был бы подвержен изменениям. Степень проницаемости на всех уровнях может быть различна. Можно с легкостью отследить пополнения в

лексики, которые происходят, в основном, за счет заимствований. Слово является самой подвижной минимальной единицей языка. Лексическое заимствование – это первый этап иноязычного влияния. Как только слово включается в определенную парадигму, оно начинает приобретать грамматические связи, зачастую характерные для исконного языка. Стоит отметить, что использование иностранного слова на уровне лексики не всегда приводит к изменениям на других уровнях.

Двуязычие – одно из главных условий процесса заимствования. Самые тесные языковые контакты происходят при этническом двуязычии, где народы живут бок о бок. Часто это приводит к смешению языков и наречий, в результате чего возникает новый язык. Если же народы не имеют прямого контакта и расположены далеко друг от друга, то происходит так называемое «культурное заимствование».

Носителем заимствований выступает отдельная группа людей, иноязычная лексика – это не только новые термины и понятия, не существующие в исходном языке, но и «подмены» уже устоявшихся ЛЕ. Многие ученые, такие как, например, О. Есперсен, отмечают, что заимствования происходят чаще из-за контактов в области культуры, нежели из-за смешения народов. Заимствование имеет место не только в результате устного общения, но и при чтении иноязычной литературы. Так иностранное слово сразу попадает в письменную речь, не проходя через стадию устной разговорной речи [Есперсен 2006].

Процесс языкового заимствования происходил почти на всех этапах человеческого развития. Каждый язык имеет определенного рода самостоятельность и взаимодействует с другими языками по-разному, в зависимости от степени их схожести. Ученые выделяют 2 главные причины заимствований: внутренние и внешние. К первым относятся тесные политические и экономические связи. Внутренние – это замена описательных обозначений односложными. Также к внутренним признакам относится потребность в синонимах и новых терминах [Виноградов 2003: 102].

В основном же заимствования имеют внешний характер, что обусловлено тесным контактом между различными нациями, развитием экономических, торговых и политических отношений. С расширением их международных контактов возникают новые понятия в различных областях жизнедеятельности человека, что и приводит к заимствованию новых реалий.

Остановимся на характеристике индихенизмов в колумбийском национальном варианте испанского языка в целом и колумбийском территориальном диалекте департамента Киндио, в частности.

Индихенизмы – лексический пласт, вошедший в испанский язык из индейских языков. Начав распространение своего языка на завоеванных южноамериканских территориях, испанские конкистадоры столкнулись с необходимостью номинации новых для них понятий мира флоры и фауны, неизвестных блюд и утвари, незнакомых традиций и верований. Таким образом, местные индейские языки существенно обогатили испанский словарный состав, а к лексико-семантическим группам индихенизмов относятся, прежде всего, слова, обозначающие предметы домашнего обихода, названия растений и животных, а также понятия, связанные с обычаями и верованиями индейских племен.

Проблеме заимствованных лингвистических элементов индейских языков на территории современной Колумбии на данный момент посвящено не много работ (См., например, [Castillo Mathieu 1977, Rodríguez de Montes 1984, Montes Giraldo 1986; Чеснокова 2011, Гайфутдинова 2015]). Ученые обращают внимание на тот факт, что значительное число индихенизмов в колумбийском национальном варианте испанского языка не получило активного развития и впоследствии архаизировалось. Кроме того, по утверждению отечественного исследователя-испаниста К. А. Гайфутдиновой, в колумбийском национальном варианте испанского языка роль индихенизмов невелика, поскольку большинство из них относится к области флоры и фауны и не используется в повседневной жизни [Гайфутдинова 2015: 112]. Тем не менее, стоит отметить, что, помимо специфических названий растений и животных, из индейских языков в колумбийский национальный вариант испанского языка пришел целый массив

лексики для обозначения географических названий и предметов быта, что не позволяет нам преуменьшать роль индихенизмов при формировании колумбийского национального варианта испанского языка.

Поскольку американский континент населяли различные индейские народы и племена, они говорили на множестве языков и наречий. В Южной и Центральной Америке насчитывается около 170 крупных и более 2000 мелких языков и диалектов [<https://prezi.com/k1dsl9kiwp1z/indigenismos-colombianos/>]. Несмотря на их неравномерную и недостаточную изученность, К.А. Гайфутдинова, взяв за основу классификацию П. Энрикеса Уреньи (1921), построенную на учете фактора территориального распределения основных языковых семей американских индейцев (во время становления латиноамериканских национальных вариантов испанского языка), предлагает следующую классификацию:

1) аравакские языки (распространены на территории современной Кубы, Гаити, Санто-Доминго, Коста-Рики), из которых были заимствованы многие слова, входящие в лексический запас всего испаноязычного ареала: *canoa* ('лодка'), *sábana* ('простыня'), *hamaca* ('гамак'), *batata* ('батат, сладкий картофель'), *barbacoa* ('барбекю'), *sacique* ('вождь; влиятельный человек'), *maíz* ('маис'), *tabaco* ('табак'), *tuna* ('смоковница; смоква'), *enagua* ('нижняя юбка');

2) карибские языки (в южной части Антильских островов, на территории Венесуэлы и Гвианы), из которых в общеиспанский фонд вошли такие слова, как, например: *loro* ('попугай'), *guayaba* ('гуава / гуайява (плод)'), *butaca* ('кресло'), *papaya* ('папайя'), *caribe* ('карибский'), *huracán* ('ураган'), *mico* ('самец уистити (порода обезьян)'), *piragua* ('пирога'), *caimán* ('кайман; аллигатор');

3) ацтекские языки (на территории современной Мексики, прежде всего – язык науатль), привнесший в испанский язык следующие лексемы: *galpón* ('сарай'), *jacal* ('хижина, крытая пальмовыми листьями или соломой'), *jícara* ('небольшой тыквенный сосуд; чашка для шоколада'), *petaca* ('сундук; чемодан'), *tiza* ('мел'), *petate* ('циновка; койка'), *chocolate* ('шоколад'), *chicle* ('жевательная резинка'), *quetzal* ('кетцаль (птица)'), *zopilote* ('лаура (разновидность ястреба)'), *ocelote* ('оцелот (порода обезьян)'), *tomate* ('томат'), *cacao* ('какао'), *cacahuete* ('земляной

орех, арахис’), *nopal* (‘нопаль / опунция (кактус, дающий плоды, похожие на смокву)’), *aguacate* (‘авокадо’);

4) языки тупи-гуарани (распространены в некоторых частях Парагвая, Боливии и Аргентины), к которым в испанском языке восходят, в первую очередь, названия фауны (*tapir* (‘тапир’), *yaguar* (‘ягуар’), *candú* (‘канду (птица)’), *tucán* (‘тукан (птица)’), *tiburón* (‘акула’), *ara* (‘ара (попугай)’)) и флоры (*maníoca* (‘маниока’), *ombú* (‘омбу (лекарственное растение)’), *ananás* (‘ананас’), *petunia* (‘петуния’);

5) арауканские языки (прежде всего – мапуче, встречаемый на территории современного Чили и части аргентинской Патагонии), обогатившие в достаточной степени чилийский вариант испанского языка, но не оказавшие заметного влияния на общеиспанскую лексику;

6) кечумаранские языки (главным образом – языки кечуа и аймара, распространенные на территориях нынешних Боливии и Перу, а также в некоторых андских зонах современных Колумбии, Эквадора, Аргентины и Чили), давшие широкое распространение в испаноязычном ареале названиям животных (*llama* (‘лама’), *vicuña* (‘вигонь (вид ламы)’), *puma* (‘пума’), *guanaco* (‘гваначо (вид ламы)’), *alpaca* (‘альпака (южноамериканская коза с длинной шерстью)’); растений (*papa* (‘картофель’), *coca* (‘кока (кустарник, из листьев которого добывается кокаин)’), *yuuyo* (‘лечебная трава; трава, являющаяся приправой’), *tatora* (‘камыш’); одежды и предметов быта (*chipa* (‘корзина для фруктов’), *ojota* (‘охота (вид сандалии у индейцев)’), *cusma* (‘рубашка’); музыкальных инструментов (*queña*, *fofuto* – разновидности индейской флейты);

7) языки чибчас / чибча-муисков (распространены на нынешних территориях Никарагуа, Коста-Рики, Колумбии, Панама, Эквадора) – группа, которая практически не внесла своего вклада в общеиспанский лексический фонд испанского языка и, по мнению ученых-испанистов, является мало исследованной с точки зрения заимствований в его национальных вариантах [Гайфутдинова 2015: 111]¹.

¹ По данному вопросу см. также: Михеева 2018: 53, [<https://lektsii.com/1-102606.html>].

Тем не менее, именно муискизмы оказали заметное влияние на испанский язык Колумбии с точки зрения топонимики. Как указывалось ранее (С. 36), на территории колумбийского штата Киндио существуют такие этнотопонимы и антропотопонимы чибчанского происхождения, как *Quimbaya*, *Pijao*, *Chagualá*, *Calarcá* [Los nombres originales de los territorios, sitios y accidentes geográficos de Colombia 1995: 230 – 232], а название столицы Колумбии Богота (*Bogotá*) восходит к муискизму *bacatá* (‘граница возделанного поля’). Автохтонные колумбийские топонимы в других областях можно «угадать» по определенным формантам, характерным для языка чибча: *Sua* – ‘солнце’, *ga/gua* – ‘гора’, *-quica/-quira* – ‘место, поселение’, *-ta* – ‘область’ [Espejo Olaya 1999: 1129 – 1131]. Большинство чибчанских топонимов имеют акцентную структуру с ударением на последнем слоге: *Bogotá*, *Boyacá*, *Chagualá*, *Calarcá*, *Raquirá Sotaquirá*, *Zipaquirá* [Чеснокова 2011: 54].

Как отмечает М. Родригес де Монтес, помимо топонимов, к индихенизмам-муискизмам в колумбийском национальном варианте испанского языка относятся слова, обозначающие растения и животных, например: *cunero* (‘бык, происхождение которого неизвестно’), *chusque* (‘растение семейства бамбуковых’), *guapuclia* (‘вид лекарственного растения’), *fique* (‘разновидность агавы’) [Rodríguez de Montes 1984: 299 – 353]. Большинство из них распространено на колумбийских территориях проживания народа муиска, к которым относятся Кундинамарка, Бойака и Сантандер.

Для обозначения флоры и фауны в Колумбии активно используются и кечуизмы, которые встречаются и в некоторых других латиноамериканских национальных вариантах испанского языка. К таким кечуизмам относятся наименования растений (*achira* ‘канна съедобная’, *arracacha* ‘сельдерей’, *cuchayuuo* ‘водоросли’, *guango* ‘гроздь бананов’, *viravira* ‘сушеница (растение)’) и животных (*cóndor* ‘кондор (птица)’, *chonta* ‘чонта (пальмовая змея)’, *guanaco* ‘гуанако (вид ламы)’). Кроме того, из языка кечуа в колумбийский национальный вариант испанского языка «вошли» названия предметов быта: *callana* – ‘посуда для поджаривания кукурузы’; *chipa* – ‘корзина для фруктов’; *chunche* – ‘безделушка’;

chócolo – ‘моток пряжи из волокна кукурузы’) и другие понятия повседневной жизни (*yara/ñaro* – ‘бонус при покупке’, *ñaña* – ‘няня’, *pucha* – ‘мера жидкости около стакана’, *ñoso* – ‘щепотка табака’).

Некоторые ученые-лингвисты, например, Х.Х. Монтес Хиральдо [Montes Giraldo 1986: 335 – 340] и Н. Кастильо Матиэу [Castillo Mathieu 1977: 544 – 652] находят среди колумбийских индихенизмов заимствования из карибской группы в регионе Картахены, однако представленность карибских языков в других частях страны требует отдельных исследований. Карибские индихенизмы в колумбийском национальном варианте испанского языка также по большей части относятся к явлениям природы, растительного и животного мира, повседневной жизни: *chipichipi* (‘морозящий дождь’), *calambuco* (‘фруктовое дерево’), *cariaco* (‘вид лекарственного растения’), *carricarri* (‘вид птицы’), *patoco* (‘вид ядовитой змеи’), *mareтира* (‘вид ткани’), *ponche* (‘пунш (прохладительный слабоалкогольный напиток)’) и др.

Что касается общеиспанских индихенизмов, используемых в Колумбии, следует отметить, что многие из них имеют основное или дополнительное значение, которые отличаются от семантики данных слов в других национальных вариантах испанского языка. Так, например, лексема *sanoa* (‘лодка’) в разных частях Колумбии обозначает, в первую очередь, сосуд определенного вида (корыто, чан или лохань), а слово *galpón* (исторически – ‘барак для невольников’, современное общеиспанское значение – ‘сарай’) в колумбийском национальном варианте испанского языка имеет значение «кирпичный завод». Ряд существительных, относящихся к лексико-семантической группе «пища, продукты питания» (*papa* – ‘картофель’, *aguacate* – ‘авокадо’, *guayaba* – ‘гуава / гуайява’, *guanabana* – ‘гуанабана’, *sacao* – ‘какао’, *chocolate* – ‘шоколад’, *chicha* – ‘кукурузная водка’ и др.) имеют дополнительные переносные значения, которые, как правило, актуализируются в колумбийской фразеологии. Приведем несколько примеров:

– *las papas queman* (букв. ‘подгорает картошка’) – о человеке, попавшем в сложную ситуацию;

- *papa caliente* (букв. ‘горячая картошка’) – ‘большая проблема’;
- *buena papa* (букв. ‘хорошая картошка’) – ‘добрый, отзывчивый человек’ и др. [Monroy 1996].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в процессе становления колумбийского национального варианта испанского языка индихенизмы сыграли достаточную роль, и, прежде всего, здесь речь идет о влиянии языков чибча-муисков и кечуа. Свой след в колумбийской лексике оставили и другие автохтонные языки, причем некоторые общеиспанские индихенизмы изменили свое первоначальное значение или приобрели дополнительную семантику, что отражено во фразеологическом фонде колумбийского национального варианта испанского языка.

§ 4.4. Англоязычные заимствования в колумбийском территориальном диалекте испанского языка департамента Киндио

Известно, что наиболее «весомый» пласт заимствований берет свое начало из страны, которая доминирует в экономическом и культурном планах. В случае с Колумбией доминатом выступают США. Поэтому в колумбийском национальном варианте испанского языка имеется большое количество англицизмов в разговорно-обиходной лексике, что связано с позитивным представлением о США и желанием отождествляться с американской культурой и образом жизни. Использование англицизмов в Колумбии стало своеобразной модой. Употребляя иностранное слово, человек автоматически представляет себя причастным к другой стране и пытается приобщиться к иному стилю жизни.

Подчеркнем, что в устной разговорной речи узупален английский аналог, в то время как в письменной речи чаще всего употребляется «кастильский» вариант.

Один из самых больших пластов заимствований – неологизмы, связанные с компьютерной техникой. Компьютеры становятся неотъемлемой частью существования современного человека. Техника, прочно войдя в нашу жизнь, привнесла множество новых заимствованных терминов. Повсеместное использование Интернета превратило английский язык в деловой язык во всем

мире, а также – в язык научных достижений и открытий. Испанский язык, напротив, с расширением использования Интернета постепенно теряет свое пространство, поскольку все большее количество испаноязычных пользователей Всемирной сети овладевает английским языком.

Приведем примеры наиболее часто используемых англицизмов из компьютерной сферы: *chip* ('чип'); *Internet* ('Интернет'); *mouse* ('мышка'), *link* ('ссылка'); *click* ('клик'); *dot* ('точка'); *database* ('база данных'); *laptop* ('ноутбук'); *notebook* ('ноутбук'); *tablet* ('планшет'); *smartphone* ('смартфон'); *software* ('программное обеспечение'); *hardware* ('аппаратное оборудование'); *modem* ('модем'); *blog* ('блог'); *navigator* ('навигатор'); *e-mail* ('электронная почта').

В Колумбии в разговорной речи также частотны англицизмы: *un pancake* ('блин'), *un sandwich* ('бутерброд'), *un hot dog* ('хот-дог'). К родителям современные колумбийские дети могут обратиться, используя английские *dad / daddy* ('папа / папочка') и *mum / mummy* ('мама/ мамочка'). Вот несколько примеров:

- *Voy de shopping* ('Я иду по магазинам').
- *¿Quieres un pancake?* ('Хочешь блин?').
- *¿Qué vas a comer?* ('Что ты хочешь съесть?') – *No sé, pues un sandwich. ¿Y tú?* ('Не знаю, может, сэндвич. А ты?') [Запись информантов].

При этом В. С. Виноградов выделяет следующие особенности адаптации англоязычных терминов. Во-первых, при графической ассимиляции заменяются буквы или буквенные сочетания, которые не свойственны испанскому языку (*beefsteak* > *bistec* – 'бифштекс'). Двойные согласные упрощаются. Слова, начинающиеся с «плавного» [s] (сочетания /s/ с согласными – /sp/, /st/, /sc/) «добавляют» перед собой гласную (*stress* > *estrés* – 'стресс'). Во-вторых, английские слова, попадающие в испанский язык, приобретают соответствующие грамматические категории, например – категорию рода и, следовательно, соотносящийся с родом артикль (*la T-shirt, un pancake, etc.*) [Виноградов 2003: 105–112].

Следует обратить внимание на формирование множественного числа у заимствованных слов из английского языка. Англицизмы, заканчивающиеся на такие же согласные, как и в испанском языке (/l/, /r/, /n/, /d/, /z/, /j/), образуют множественное число с помощью прибавления – *es* (*pixel* – *píxeles* – ‘пиксель’). Если англицизмы заканчиваются на согласные, «непривычные» для окончания испанских слов, то множественное число образуется путем прибавления –*s*: *esnob* – *esnobs* (‘сноб’), *cómic* – *cómics* (‘комикс’).

Язык – это живой организм, который развивается и постоянно подвергается изменениям. В XXI веке происходит расширение сфер проникновения заимствований в испанский язык из-за развития международных отношений, глобализации и внедрения новых технологий. Доминирующее распространение английского языка приводит к увеличению количества заимствований, которые в дальнейшем широко входят в обиходную речь. Поскольку язык регулируется обществом, появление или исчезновение многих слов происходит достаточно стихийно. Нельзя даже предположить, каким станет язык через несколько лет. Современные реалии и мода меняются, иноязычные слова так же быстро уходят из обихода, как и появляются в повседневном употреблении. Таким образом, для современной лингвистики актуально отслеживать использование слов – новых реалий и, анализируя заимствования, делать выводы об экономическом и социальном развитии страны.

Выводы по Главе 4

В ходе исследования лексического состава испанского языка на территории колумбийского департамента Киндио нами были выделены 4 пласта лексики.

В основу 1, самого обширного пласта, входят ЛЕ, общие для всех испаноязычных стран: *casa* – ‘дом’, *comer* – ‘есть’, *vivir* – ‘жить’.

Ко 2 пласту относятся собственно лексические диалектизмы, которые выступают в качестве синонимов литературного языка: *bonito* ‘красивый’ (Исп.) – *bonito*, *célebre* (Кол.) – *pispo* (Киндио); *sencillo* ‘простой’ (Исп.) – *guaso* (Кол.) – *tamey* (Киндио) и др.

В части лексики, характерной именно для испанского языка департамента Киндио, по результатам анализа 350 сравнений-преувеличений, нами был сделан вывод о наличии на данной территории большого пласта лексических диалектизмов-фразеологизмов.

В ходе исследования были выявлены следующие экстралингвистические факторы, выступающие источником появления сравнений-преувеличений на территории Киндио:

1) исторический (напр., выражение *más entrador que nigua salamineña* ('более незванный, чем блоха') пришло из эпохи колонизации, когда не было ничего страшнее блох – источника болезней; сейчас оно относится либо к человеку, который изо всех сил пытается понравиться, либо к тому, кто сам возлагает на себя невыполнимые обязанности);

2) территориальный (напр., выражение *más ordinario que una monja jugando tejo* (букв. 'зауряднее монахини, играющей с шайбой') характерно для Перейры, *más saludable que agua de malva* (букв. 'приятнее, чем мальвовая вода' – о человеке) – для Армении и т.д.);

3) социально-экономический (в связи с особенностями Кофейного региона, многие сравнения относятся к теме продажи кофе и торговли в целом: например, *más sobregirado que un cafetero* ('беднее продавца кофе') – выражение, возникшее во времена кофейного кризиса, сегодня используется в противоположном значении);

4) культурно-идеологический (сравнения, связанные с личностями, значимыми для культуры страны и отдельных ее регионов: к примеру, выражение *más buscado que Pablo Escobar* ('разыскиваемый сильнее, чем Пабло Эскобар') связано с поимкой известного наркобарона XX века П. Эскобара, возглавлявшего Медельинский картель.

К 3 пласту относятся этнографические диалектизмы, являющиеся названиями таких специфических предметов и явлений, которые характерны для департаментов «Кофейной оси»: названия национальных блюд и напитков (*charqui* – 'чарки' – 'вяленое на солнце мясо'; *panocha* – 'паноча' – 'толстая сладкая лепешка

из кукурузной муки»; *refajo* – ‘рефахо’ – ‘прохладительный напиток, «коктейль» из пива со сладкой газированной водой’); флоры (*ichu* – ‘ичу’ – ‘травы в горной местности’); *quinua* – ‘кинуа’ – ‘однолетнее маревое растение’; *cantuta* – ‘кантута’ – ‘священный цветок инков’); фауны (*сиу* – ‘куй’ – ‘морская свинка, которую употребляют в пищу’); *quirquincho* – ‘киркинчо’ – ‘вид броненосца’; *муса* – ‘мука’ – ‘вид опоссума’); предметов быта (*сарпа* – ‘карпа’ – ‘тент, палатка’; *кинча* – ‘кинча’ – ‘забор или частокол’; *висуйа* – ‘бикунья’ – ‘тонкая шерстяная ткань’).

К 4 пласту относятся семантические диалектизмы, которые представляют собой диалектное значение общеупотребительных слов и занимают значительное место в речи жителей департаментов «Кофейной оси». Наиболее интересны для изучения слова, изменившие коннотацию в колумбийском территориальном диалекте испанского языка департаментов «Кофейной оси»:

1) нейтральную на негативную (*nadie* (‘никто’) – *naides* (в департаментах «Кофейной оси» – ‘ничтожество, пустое место’);

2) негативную на положительную (напр., существительное *baboso* (‘болтун’) в департаментах «Кофейной оси» характеризует хорошего оратора, а выражение *dar golpe* (‘ударить’, ‘нанести удар’) имеет значение ‘нравиться’, ‘быть приятным’; когда девушка представляет своего молодого человека родителям, и он *da golpe*, это значит, что он ‘прошел проверку’, понравился им).

В Колумбии роль индихенизмов невелика: большинство из них относится к области флоры и фауны и не используется в повседневной жизни. Однако отметим, что, помимо специфических названий растений и животных, из индейских языков в колумбийский национальный вариант испанского языка пришел целый массив лексики для обозначения географических названий и предметов быта.

В испанском языке Колумбии имеется большое количество англицизмов, связанных, в первую очередь, с компьютерной техникой: *chip* (‘чип’), *Internet* (‘Интернет’), *tablet* (‘планшет’) и др. В разговорной речи встречаются: *un hot dog* (‘хот-дог’), *un sandwich* (‘бутерброд’) и т.д. С каждым годом влияние английского языка на испанский язык в Колумбии возрастает.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современные диалекты – результат многовекового развития. Изучение диалектов представляется продуктивным одновременно с позиций их исторического развития, лингвогеографической структуры, социально-экономического и культурно-идеологического факторов. Как отмечал один из основоположников отечественной диалектологии В. М. Жирмунский, «диалект представляет единство не исконно данное, а сложившееся исторически, в процессе общественно обусловленного взаимодействия с другими диалектами общенародного языка, как результат не только дифференциации, но и интеграции: единство развивающееся, динамическое, как о том свидетельствует характер изоглосс языковой карты, наглядно отражающей связь истории языка с историей народа» [Жирмунский 1954: 23]. На протяжении истории, в связи с изменением территориальных объединений, происходит дробление, объединение и перегруппировка диалектов.

В национальных вариантах испанского языка в странах Латинской Америки существует значительный массив лексических и фразеологических единиц, отличающихся от первоисточника – кастильского испанского языка, а также определенные отличия на уровне фонетики и грамматики. Однако и в самом поле национального языка существуют подобные отличия (особенно это касается этнографических и семантических диалектизмов), возникшие под влиянием регионального фактора. В Колумбии выделяется не менее 10 крупных диалектов с большим количеством местных говоров, на которых говорят свыше 47 миллионов человек в самой Колумбии, а также свыше 1 миллиона человек за ее пределами, в среде колумбийской диаспоры.

Лингвисты-диалектологи Колумбии разделились во мнении относительно концепции определения диалектных зон. Ведущий колумбийский диалектолог Х. Х. Монтес Хиральдо различает 2 супрадиалекта, присущих Колумбии: прибрежный (равнинный) и андский (высокогорный), на которых говорят жители в высокогорной зоне Анд и в прибрежной зоне Карибского бассейна.

Супрадиалект побережья (*costeño*) включает карибский (*costeño caribe*) и тихоокеанский (*costeño pacífico*) диалекты, которые, в свою очередь, подразделяются на субдиалекты: первый – на говор Картахены (*cartagenero*), Санта-Марты (*samarío*), департамента Гуахира (*guajiro*) и так называемый «внутренний карибский» (*costeño caribe interior*); второй – на северный (*septentrional*) и южный (*meridional*). Супрадиалект Анд (*andino*) разделяется на «центрально-западный» (*centro-occidental*), включающий субдиалекты нариньенсе-каукано и антиокеньо, и «центрально-восточный» (*centro-oriental*) с субдиалектами по названиям регионов Толима (*tolimense*) и Уила (*huilense*), а также кундибойсенсе и сантандереано [Montes Giraldo 1982: 49].

Известный колумбийский ученый Л. Флорес также выделяет 2 супрадиалекта – прибрежный в зонах Атлантики и Тихого океана и внутренний – во всех остальных зонах страны, которые включают 7 диалектных зон, с точки зрения этнической классификации:

1) *costeño* («костеньо») – диалекты жителей побережья, включающие «атлантический» (*atlántico* – «атлантико») и «тихоокеанский» (*pacífico* – «пасифико»);

2) *antioqueño* («антиокеньо») – диалект, распространенный на территории большей части департамента Антиокия, а также в регионах Кальдас, Рисаральда и Киндио;

3) *nariñense-caucano* («нариньенсе-каукано») – диалект части департаментов Нариньо и Каука;

4) *tolimense* – толимский диалект на территории регионов Уила и Толима;

5) *cundiboyacense* («кундибойсенсе») – диалект территории Центральных Анд;

6) *santandereano* («сantандереано») – диалект департаментов северо-востока страны – Сантандера и Северного Сантандера;

7) *llanero* («льянеро») – «равнинный» диалект жителей регионов Араука, Касанаре, Мета [Flórez 1981–1983: 104].

Департамент Киндио, находясь на западе центральной части Колумбии, относится к горным регионам, а его экономика основана на выращивании и продаже кофе, что делает территорию департамента богатейшей в стране. Данный фактор способствует росту престижности территориального диалекта департамента Киндио.

Форму существования испанского языка на территории колумбийского департамента Киндио мы определяем как территориальный диалект внутри колумбийского национального варианта испанского языка. Он обладает следующими признаками: распространен внутри страны, в которой социолингвистический статус испанского языка обозначен как национальный вариант; язык обладает определенной местной спецификой; отмечается становление своих территориальных норм на всех языковых уровнях; не имеет ранга официального (государственного); диалектными особенностями владеет абсолютное большинство населения штата.

На современное функционирование словоформ в испанском языке колумбийского департамента Киндио оказали воздействие (в плане диахронии) следующие экстралингвистические факторы: исторический, этнический, социально-экономический, культурно-идеологический, территориальный.

Реализация ЯЕ в разговорной речи жителей колумбийского департамента Киндио характеризуется своеобразием и вариативностью.

На фонетическом уровне в территориальном диалекте испанского языка в колумбийском департаменте Киндио следует выделить следующие особенности: редукцию безударных гласных в разговорной речи, главным образом, в конце слова; монофтонгизацию и дифтонгизацию синалефы в спонтанной речи; эллипсис первой согласной в звукосочетаниях, состоящих из межгубных, небных и межзубных; перестановку согласных в словах; удвоение согласных.

Грамматические (морфолого-синтаксические) особенности испанского языка на территории департамента Киндио включают: упрощение системы глагольных времен; широкое распространение *voseo* при доверительном общении между людьми одного возраста или статуса (дети не используют *vos* при общении с

родителями); общении с человеком, для которого Вы являетесь авторитетом (например, при разговоре взрослого с подростком или ребенком). При этом форма *vos* подчеркивает доверительные отношения между говорящими; повсеместное употребление диминутивов: *un cafecito* ('кофеек'), *una damita* ('дамочка'), *ahorita* ('сейчас же'), *cerquita* ('близехонько'), *alguito* ('хоть какой-нибудь'), *suyito / tuyito* ('Ваш' / 'твой'); особое функционирование имен собственных.

В лексическом составе испанского языка в колумбийском департаменте Киндио нами были выделены 4 пласта: ЛЕ, присутствующие в тезаурусе всех испаноязычных стран; собственно лексические диалектизмы; этнографические диалектизмы; семантические диалектизмы. В основу 1, самого обширного пласта, входят ЛЕ, общие для всех испаноязычных стран: *casa* ('дом'), *mesa* ('стол'), *comer* ('есть') и т.д.

Ко 2-му пласту относятся собственно лексические диалектизмы, выступающие в качестве синонимов литературного языка: *bonito* 'красивый' (Исп.) – *pispo* (Киндио); *sencillo* 'простой' (Исп.) – *tamey* (Киндио) и др. Среди лексических диалектизмов, характерных именно для испанского языка на территории департамента Киндио, особую группу представляют сравнения-преувеличения.

К 3-му пласту относятся этнографические диалектизмы – названия специфичных предметов и явлений, характерных для испанского языка колумбийских департаментов «Кофейной оси»: наименования национальных блюд и напитков, флоры и фауны, предметов быта. (*charqui* – 'чарки' – 'вяленое на солнце мясо'; *ichu* – 'ичу' – 'травы в горной местности'; *quincha* – 'кинча' – 'забор или частокол').

Наконец, 4-й пласт составляют семантические диалектизмы, в которых отражено диалектное значение общеупотребительных слов. Указанные ЛЕ занимают значительное место в речи жителей Киндио и представляют наибольший интерес для изучения, поскольку именно в этот пласт входят слова, изменившие коннотацию в колумбийском территориальном диалекте испанского языка департамента Киндио (*nadie* ('никто') – *naides* (в Киндио – 'ничтожество, пустое

место’); baboso (‘болтун’) в департаменте Киндио характеризует хорошего оратора и др.).

На синхронном уровне употребление ЯЕ в колумбийском территориальном диалекте департамента Киндио зависит от следующих экстралингвистических факторов:

- 1) возраста;
- 2) уровня образования и воспитанности (ниже среднего / средний / выше среднего);
- 3) места жительства (город vs. сельская местность);
- 4) формы языка;
- 5) места рождения;
- 6) обстановка (места) речевого акта;
- 7) функционально-стилистического фактора.

В свете полученных результатов просматриваются перспективы, которые открываются в плане продолжения исследования диалектов (как департамента Киндио, так и других департаментов) внутри колумбийского национального варианта испанского языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аванесов Р. И. Очерки русской диалектологии. – М.: Гос. учебно-педагогич. изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1949. – Ч. 1. – 340 с.
2. Аврорин В. А. Проблемы изучения функциональной стороны языка. К вопросу о предмете социолингвистики. – Л.: Наука, 1975. – 276 с.
3. Александренков Э. Г. Аборигены Колумбии и государство // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. – М., 2007. – № 197. – С. 5 – 23.
4. Амехина Н. Е. Андалузский и леонский диалекты в пиренейском национальном варианте испанского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05. – М., 2006 – 18 с.
5. Антонюк Е. В. Испанский язык на территории США: штат Флорида: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05. – М., 2007. – 150 с.
6. Барт Р. Мифология. – М., 1961. – 175 с.
7. Бородина М. А. Проблемы лингвистической географии. – М.-Л.: Наука, 1966. – 220 с.
8. Бородицки Л. Разные языки для мыслей о времени. – URL: <http://www.snob.ru/selected/entry/25711>.
9. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. – М.: Языки русской культуры, 1999. – I–XII. – 780 с.
10. Вершинина Е. Г. Влияние субстратных и адстратных факторов на формирование лексики национальных вариантов испанского языка Кубы, Пуэрто-Рико и Доминиканской Республики: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05. – М., 2002. – 194 с.
11. Виноградов В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. – М.: Высшая школа, 1963. – С. 20 – 171.
12. Виноградов В. С. Введение в переводоведение. – М.: ИОСО РАО, 2001. – 254 с.
13. Виноградов В. С. Лексикология испанского языка. – М.: Высшая школа, 2003. – 244 с.
14. Гавриков Ю. П. История изумрудной страны. – М.: Наука, 1985. – 125 с.

15. Гайфутдинова К.А. Индихенизмы в составе лексики испанского языка Колумбии // Актуальные вопросы иберо-романского языкознания: материалы российской конференции с международным участием. – Казань: КФУ, 2015. – С. 108 – 112.
16. Гак В. Г. Типология сходств и различий близкородственных языков. – Кишинев, 1976. – 349 с.
17. Гак В. Г. К типологии форм языковой политики // Вопросы языкознания. – 1989. – № 5. – С. 11 – 25.
18. Гестеланд Р. Р. Кросс-культурное поведение в бизнесе. Маркетинговые исследования, ведение переговоров, менеджмент в различных культурах. – Днепропетровск: Баланс-Клуб, 2003. – 189 с.
19. Григулевич И. Р. Крест и меч. Католическая церковь в Испанской Америке, XVI – XVIII вв. – М.: Наука, 1977. – 295 с.
20. Денисова А. П. Современный испанский жаргон: учебно-методическое пособие по разговорной практике. – М.: РУДН, 2007. – 104 с.
21. Дворецкая Е. В. Андалусские диалектизмы и регионализмы в художественной литературе Испании XX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05. – М., 2005. – 16 с.
22. Дмитрюк С. В. Этнокультурная специфика образа времени в языковом сознании русских, казахов и англичан: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19. – М., 2001. – 22 с.
23. Домбровский Б. Каким временем мы пользуемся? (Этическая концепция времени) // Логос. – М.: Дом интеллектуальной книги, 2000. – № 2 (23). – С. 75 – 97.
24. Есперсен О. Философия грамматики. – М.: URSS, 2006. – 410 с.
25. Жирмунский В. М. О некоторых проблемах лингвистической географии // Вопросы языкознания. – М., 1954. – № 4. – С. 17–25.
26. Жирмунский В. М. Немецкая диалектология. – М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1956. – 636 с.

27. Жирмунский В. М. Общее и германское языкознание. – М.: Наука, 1976. – 695 с.
28. Журавлева Е. В. Испанский газетный текст как источник национально-культурной информации (на материале пиренейского и колумбийского национальных вариантов): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05. – М., 2006. – 21 с.
29. Загрязкина Т.Ю. Процессы пространственной дифференциации и интеграции французского языка: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.05. – М., 1996. – 45 с.
30. Зверева Е. В. Коммуникативно-речевая ситуация «Комплимент»: На материале испанского языка: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05. – М., 1995. – 330с.
31. Казарян В. П. Темпоральность и естественные науки // Феномен и ноумен времени. – 2005. – Т. 2. – Вып. 2. – С. 22 – 50.
32. Казарян В. П. Тенденции в исследовании времени//Ломоносовские чтения. 17 апреля 2008. – М. 2008. – С. 30 – 39. – Режим доступа: http://www.chronos.msu.ru/old/RREPORTS/kazaryan_tendentsii.html.
33. Канке В.А. Формы времени. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 230 с.
34. Карпина Е.В. Современная языковая ситуация в Мексике как отражение дифференциации испанского языка // Вестник ИГЛУ. – Иркутск: ИГЛУ, 2014. – № 2 (27). – С. 219 – 225.
35. Карпина Е.В. К вопросу о межкультурном профессиональном дискурсе (на примере испанского языка) // Современный испанский язык в глобализированном мире: материалы докладов и сообщений Международной научно-практической конференции. – М.: Изд-во РУДН, 2015. – С. 110 – 114.
36. Карпина Е.В. К вопросу о вариативности испанского языка на территории мексиканского полуострова Юкатан // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований, 2016. – Т. 1. – № 11. – С. 19 – 29.
37. Карта диалектов Колумбии. – URL: obregon.wordpress.com/2011/02/13/mapa-dialectos-en-colombia/.

38. Кирсанова Е. М. «ПИЩА»: системный и функциональный аспекты: на материале русского и английского языков: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. – М., 2009. – 294 с.
39. Кожина М. Н. Стилистика русского языка: учеб. пособие для фак. рус. яз. – М.: Просвещение, 1977. – 220 с.
40. Котеняткина И. Б. Категория рода при номинации лиц по профессии, виду деятельности и занимаемой должности: на материале пиренейского и гватемальского национальных вариантов испанского языка: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05. – М., 2011. – 194 с.
41. Крысин Л. П. Слово в современных текстах и словарях. Очерки о русской лексике и лексикографии. – М.: Знак, 2008. – 320 с.
42. Кутькова А. В. Жаргон парлаче как социолингвистический феномен в испанском языке Колумбии // Древняя и Новая Романия. – 2014. – Т. 13. – №1 (13). – С. 243 – 253.
43. Лекции по лексикологии испанского языка. – <https://lektsii.com/1-102606.html>.
44. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Известия АН. Серия литературы и языка. – М., 1993. – Т. 52. – № 1. – С. 3 – 9.
45. Маковский М. М. Язык – миф – культура. Символы жизни и жизнь символов. – М.: Ленанд, 1996. – 330 с.
46. Мамсурова Е.Н. Диалектные различия в зоне франко-испанской государственной границы и методы их оценки (на материале лингвистического Атласа Восточных Пиренеев и лингвистического Атласа Иберийского полуострова) // Сопещение по общим вопросам диалектологии и истории языка. – М., 1975. – С. 10 – 11.
47. Мамсурова Е.Н. Исследование диалектного членения каталанского лингвистического ареала методами лингвогеографии и статистики (французский департамент Восточные Пиренеи). – М.: Изд-во МГУ, 1977. – 25 с.
48. Мамсурова Е.Н. О методе статистических изоглосс // Лингвистическая география и проблемы истории языка. – Нальчик, 1981. – Т. 1. – С. 144 – 150.

49. Мамсурова Е.Н. Некоторые проблемы диалектов «малых» романских языков. – М.: Изд-во МГУ, 1994. – С. 60 – 65.

50. Мамсурова Е.Н. О так называемых «малых» языках романской группы // Малые языки Евразии: социолингвистический аспект. – М.: Изд-во МГУ, 1997. – С. 116 – 125.

51. Мамсурова Е.Н. Проблемы «малых» языков Иберо-Романии // Иберо-романистика в современном мире: научная парадигма и актуальные задачи. – М.: Изд-во МАКС Пресс, 2003. – С. 40 – 42.

52. Мамсурова Е.Н. К проблеме лексических заимствований // Голоса молодых ученых: Сборник научных публикаций иностранных и российских аспирантов и докторантов-филологов. – М.: Изд-во МАКС Пресс, 2007. – Т. 20. – С. 146 – 149.

53. Мамсурова Е. Н. Некоторые проблемы северо-западных диалектов Испании // Романские языки и культуры: от античности до современности: V международная научная конференция романистов. – М.: МАКС Пресс, 2011. – С. 166 – 176.

54. Мандель Б.Р. Современный русский язык: история, теория, практика и культура речи: учебник. – М.: Директ-Медиа, 2014. – Т. 1. – 490 с.

55. Михеева Н.Ф. Местоименные формы обращения в аргентинском и кубинском национальных вариантах испанского языка: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05. – Мн., 1989а. – 186 с.

56. Михеева, Н. Ф. Местоименные формы обращения в аргентинском национальном варианте испанского языка // Структурно-семантические и коммуникативно-функциональные характеристики языковых единиц. – М.: Изд-во УДН, 1989б. – С. 82 – 91.

57. Михеева Н.Ф. Вариативность испанских грамматических средств в аспекте межкультурной коммуникации // Степановские чтения. Проблемы вариативности в романских и германских языках: тезисы докладов и сообщений Международной конференции. – М.: РУДН, 2001. – С. 58 – 61.

58. Михеева Н. Ф. Особенности функционирования испанского языка на территории США в аспекте межкультурной коммуникации // Изучение

латиноамериканистики в Российском университете дружбы народов: доклады и выступления ученых РУДН на X Всемирном конгрессе латиноамериканистов, 26–29 июня 2001 г. – М.: РУДН, 2002а. – С. 326 – 333.

59. Михеева Н. Ф. К вопросу о функционировании испанской лексики на юго-западе США // Сборник материалов конференции, посвященной 100-летию Д. Е. Михальчи: доклады, выступления и статьи ученых России и Молдовы. – М.: РУДН, 2002б. – С. 207 – 216.

60. Михеева Н. Ф. Факторы, влияющие на особенности реализации ЯЕ на территории юго-западных штатов Америки // Текст: восприятие, информация, интерпретация: сборник докладов I Международной научной конференции Российского нового университета. – М.: РосНОУ, 2002в. – С. 62 – 73.

61. Михеева Н. Ф. Об особенностях употребления испанской лексики на юго-западе США // Межкультурная коммуникация и перевод: материалы межвузовской конференции. – М.: МОСУ, 2002г. – С. 94 – 98.

62. Михеева Н. Ф. Испанский язык на территории юго-западных штатов Америки: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.05. – М., 2003. – 359 с.

63. Михеева Н.Ф. Межвариантная диалектология испанского языка. – М.: РУДН, 2007. – 117 с.

64. Михеева Н.Ф. Испанский язык и межкультурная коммуникация. – М.: УРСС, 2009. – 271 с.

65. Михеева Н.Ф. Перспективы развития языка // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – М: МГЛУ, 2015. – С. 135 – 140.

66. Михеева Н.Ф. Пересекая границы: диалекты испанского языка на территории юго-западных штатов США // Язык в глобальном контексте: Латинская Америка сегодня как культурно-языковой феномен. – М.: РУДН, 2016. – Т. 1. – № 1. – С. 53 – 67.

67. Михеева Н.Ф. Из истории обучения переводу в России // Centro de Lenguas y Culturas Ruso-Españolas. – М., 2017а. – Т. 1. – № 1. – С. 42 – 45.

68. Михеева Н.Ф. Испанский язык и межкультурная коммуникация: монография. – М.: Изд-во URSS, 2018. – 272с.

69. Михеева Н.Ф., Игнашина З.Н. Кубинский национальный вариант испанского языка сквозь призму национальной картины мира // Иберо-романистика в современном мире. Научная парадигма и актуальные задачи. – М.: Изд-во МГУ, 2016. – С. 67 – 72.

70. Моисенко Л.В. Отход от неконвенционального восприятия знака в современном испанском языке // Современный испанский язык в глобализированном мире: материалы докладов и сообщений международной научно-практической конференции. – М.: Изд-во РУДН, 2015. – С. 27 – 29.

71. Моисенко Л.В. Языковая норма и вариативность при обучении испанскому языку в России // Романистика в эпоху полилингвизма: материалы международной научно-практической конференции. – М.: Изд-во МГЛУ, 2017. – С. 360 – 365.

72. Нарумов Б.П. «Ладинский вопрос» в аспекте исторической и синхронной социолингвистики // Вестник ПСТГУ: Филология. – М.: ПСТГУ, 2007. – Вып. 3 (9). – С. 84 – 96.

73. Никольский Л.Б. Синхронная социолингвистика (Теория и проблемы). – М.: Наука, 1976. – 248 с.

74. Новоженев Ю.М., Сопина Л. Н. Советская национальная кухня: практ. пособие. – М.: Высшая школа, 1990. – 319 с.

75. Оболенская Ю.Л. Диалог культур и диалектика перевода. Судьбы произведений русских писателей XIX века в Испании и Латинской Америке. – М.: Изд-во МГУ, 1998. – 312 с.

76. Олдер Г., Хезер Б. НЛП. Полное практическое руководство. Вводный курс. – М.: Гелиос, 2001. – 384 с.

77. Официальный сайт Всемирного Банка. – URL: <http://data.worldbank.org>.

78. Официальный сайт колумбийской газеты Semana. – URL: <http://www.semana.com/>.

79. Официальный сайт Министерства сельского хозяйства Колумбии. – URL: <https://www.minagricultura.gov.co>.

80. Официальный сайт туристической ярмарки АНАТО. – URL: <http://anato.org/>.

81. Папченко А.Ю. Социолингвистические аспекты изучения андалузского диалекта: автореф. дис. ...канд. филол. наук: 10.02.05. – М., 2002. – 25 с.

82. Пенталь Д.В. Суточный цикл и неметрическое время в испанской языковой картине мира: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05. – М., 2007. – 198 с.

83. Писанова Т.В. Национально-культурные аспекты оценочной семантики. Эстетические и этнические оценки. – М.: ИКАР, 1997. – 320 с.

84. Плутницкая И.В. Социо- и прагмалингвистический анализ единиц испанского речевого этикета (на примере тематической группы речевого этикета «Приглашение»): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05. – М., 1993. – 24 с.

85. Попова Е.А. Прагмасемантика наречий времени в контексте межкультурной коммуникации // Функциональные проявления современных языков. Вестник МГЛУ. Серия: языкознание. – М.: МГЛУ, 2013. – Т. I. – Вып. 18 (678). – С. 27 – 47.

86. Попова Е.А. Семантическое поле ВРЕМЯ в межкультурной вербальной коммуникации (на материале испанского и русского языков): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. – М., 2015. – 283 с.

87. Потаенко Н.А. Время в индивидуальной картине // Проблема времени в культуре, философии и науке: сборник научных трудов. – Шахты: Изд-во ЮРГУЭС, 2006. – С. 68 – 79. – (Библиотека времени. – Вып. 3).

88. Раевская М.М. Колумбия и Чили: наука, мышление и коммуникация. – М.: Изд-во КДУ, 2016. – С. 46 – 98.

89. Рябцева Н.К. Аксиологические модели времени // Логический анализ языка. Язык и время. – М.: Изд-во Индрик, 1997. – С. 78 – 95.

90. Савельева И., Полетаев А. История как знание о прошлом // Логос. – М.: Изд-во Дом интеллектуальной книги, 2000. – № 2 (23). – С. 39 – 74.

91. Садохин А.П. Этнология: учебник – М.: Гардарики, 2008. – 287 с.

92. Селиванов В.Н. Латинская Америка: от конкистадоров до независимости. – М.: Наука, 1984. – 176 с.

93. Семантическое и формальное варьирование / под ред. В.Н. Ярцевой. – М.: Наука, 1979. – 305 с.
94. Семенюк Н.Н. Некоторые вопросы изучения вариативности // Вопросы языкознания. – 1965. – №1. – С. 33 – 55.
95. Семенюк Н.Н. Норма // Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка / отв. ред. Б. А. Серебренников. – М.: Наука, 1970. – С. 549 – 596.
96. Семенюк Н.Н. Формирование литературных норм и типы кодификационных процессов // Языковая норма. Типология нормализации процессов. – М.: Изд-во Института языкознания РАН, 1996. – С. 23 – 47.
97. Синявский А.В. Лексические особенности испанского языка Чили: дис. ... канд. филол. наук. – М., 1979. – 185 с.
98. Смирнова И.В. Испанский язык на территории мексиканского штата Табаско: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05. – М., 2006. – 123 с.
99. Созина С.А. Муиски. Еще одна цивилизация древней Америки. – М.: Институт Латинской Америки АН СССР, 1969. – 201 с.
100. Степанов Г.В. Проблема изучения испанского языка Латинской Америки // Вопросы языкознания. – 1957. – № 4. – С. 9 – 15.
101. Степанов Г.В. Испанский язык в странах Латинской Америки. – М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1966. – 202 с.
102. Степанов Г.В. Социально-географическая дифференциация испанского языка Америки на уровне национальных вариантов // Вопросы социальной лингвистики. – Л., 1969. – С. 284 – 308.
103. Степанов Г.В. Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи. – М.: Наука, 1976. – 224 с.
104. Степанов Г.В. Социально-функциональная дифференциация литературного языка Испании и Латинской Америки // Социальная и функциональная дифференциация литературных языков. – М.: Наука, 1977. – С. 27 – 40.

105. Степанов Г.В. К проблеме языкового варьирования: испанский язык Испании и Америки. – М.: Наука, 1979. – 327 с.
106. Стингл М. Индейцы без томагавков. – М.: Прогресс, 1984. – 454 с.
107. Тер-Минасова С.Г. Война и мир языков и культур: учеб. пособие. – М.: Изд-во Слово, 2008. – 344 с.
108. Топоров В.К. Еда // Мифы народов мира. Энциклопедия / гл. ред. С. А. Токарев. – М.: Советская энциклопедия, 1992. – Т. 1. – С. 427 – 429.
109. Филин Ф.П. Очерки по теории языкознания. – М.: Наука, 1982. – 336 с.
110. Фирсова Н.М. Современный испанский язык в Колумбии. Лексика. – М.: УДН, 1984. – 85 с.
111. Фирсова Н.М. Проблема вариативности морфолого-синтаксических средств (на материале испанского языка) // Функционирование языковых единиц в разных сферах коммуникации. – М.: УДН, 1986. – С. 11 – 19.
112. Фирсова Н.М. Проблемы форм обращения в современном испанском языке: национальное своеобразие и типы территориального варьирования // Коммуникативно-функциональная лексика и грамматика языковых единиц. – М.: Изд-во РУДН, 1987. – С. 1 – 13.
113. Фирсова Н.М. Некоторые проблемы типологии языковой вариативности испанского языка // Иностранные языки в аспекте лингвопрагматики. – М.: РУДН, 1991. – С. 11 – 17.
114. Фирсова Н.М. Языковая вариативность и национально-культурная специфика речевого общения в испанском языке. – М.: Изд-во РУДН, 2000. – 128с.
115. Фирсова Н.М. Вариативность испанского языка в испаноязычных государствах Латинской Америки // Степановские чтения: Проблемы вариативности в романских и германских языках: тезисы докладов. – М.: Изд-во РУДН, 2001. – С. 19 – 22.
116. Фирсова Н.М. Испанский язык в испаноязычных государствах Латинской Америки: Колумбия, Эквадор, Пуэрто-Рико. – М.: Муравей, 2002. – 168 с.
117. Фирсова Н.М. Испанский язык в аспекте межвариантной национально-культурной специфики: учеб. пособие. – М.: РУДН, 2003. – 132 с.

118. Фирсова Н.М. Современный испанский язык в Испании и странах Латинской Америки: учебное пособие. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. – 352 с.

119. Фирсова Н.М. Испанский язык и культура в испаноязычных странах. – М.: URSS, 2012. – 178 с.

120. Хабургаев Г.А. Основы диалектологического понятия в свете данных лингвистической географии (на материале русского языка) // Славянская филология. – М., 1973. – Вып. 9. – С. 13 – 33.

121. Чеснокова О.С. Разговорно-обиходный стиль // Функциональные типы речи современного испанского языка О.С. Чеснокова, Н.М. Фирсова, А.В. Синявский [и др.]. – М.: Изд-во УДН, 1988. – С. 35 – 46.

122. Чеснокова О.С. Мир испанского языка: Мексика. Учебно-методическое пособие. – М.: Изд-во РУДН, 1999. – 55 с.

123. Чеснокова О.С. Испанский язык в странах Латинской Америки. Мексика: учебное пособие. – М.: Изд-во РУДН, 2004. – 99 с.

124. Чеснокова О.С. Колумбия в мире испанского языка: монография. – М.: РУДН, 2011. – 118 с.

125. Чеснокова О.С. Этнические и региональные реалии Колумбии // Вестник МГОУ. Серия: лингвистика. – М.: Изд-во МГОУ, 2013. – № 4. – С. 77 – 84.

126. Чичина М.О. Сопоставительный анализ антропонимов-обращений в русском и испанском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. – М., 1995. – 37 с.

127. Чугунова С.А. Концептуализация времени в разных культурах: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. – М., 2009. – 393 с.

128. Швейцер А.Д. Литературный английский язык в США и Англии. – М.: Высшая школа, 1971. – 200 с.

129. Швейцер А.Д. Введение в социолингвистику: учебное пособие. – М.: Высшая школа, 1978. – 216 с.

130. Широкова А.В. От латыни к романским языкам: учебное пособие по истории романских языков. – М.: Изд-во РУДН, 1995. – 284 с.

131. Широкова А.В. Диалектное членение общероманского праязыка // Вопросы романского и общего языкознания: сб. научных трудов. – СПб: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2002. – С. 50 – 57.

132. Штомпель Л.А., Штомпель О.М. Собственность на время // Проблема времени в культуре, философии и науке: сб. научных трудов. – Шахты: Изд-во ЮРГУЭС, 2006. – С. 7 – 14.

133. Щербакова Е.В. Лингвокультурологические особенности никарагуанского национального варианта испанского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05. – М.: РУДН, 2008. – 25 с.

134. Эренбург И. Собрание сочинений. – М.: Художественная литература, 1962–1966. – Т. 3 (1964). – 512 с.

135. Яковлева С.А. Лингвистическая историография и геолингвистика испанского языка: монография. – М.: Тезаурус, 2013. – 204 с.

136. Яковлева С.А. Испанский язык как полинациональный: геолингвистический и лексико-семантический анализ языка Испаноамерики (на примере мексиканизмов): дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2015. – 386 с.

137. Ярцева В.Н. Проблема вариативности на морфологическом уровне // Семантическое и формальное варьирования. – М.: Наука, 1979. – С. 17 – 25.

138. Alvar M. Variedad y unidad del español: estudios lingüísticos desde la historia. – Madrid: Editorial Prensa Española, 1969. – 210 p.

139. Alvar M. Estructuralismo, geografía lingüística y dialectología actual. – Madrid: Gredos, 1973. – 266 p.

140. Alvar M. Proyecto de un atlas lingüístico de Hispanoamérica // Cuadernos Hispanoamericanos. – Madrid: Instituto de Cooperación Iberoamericana, 1984. – № 409. – Pp. 53 – 68.

141. Alvar M. Los Estados Unidos / M. Alvar (ed.) // Manual de dialectología hispánica. El español de América. – Barcelona: Editorial Ariel, S.A., 2000a. – Pp. 90 – 100.

142. Alvar M. Paraguay / M. Alvar (ed.) // Manual de dialectología hispánica. El español de América. – Barcelona: Editorial Ariel, S.A., 2000b. – Pp. 196 – 208.

143. Alvar M. Español de dos mundos. – Madrid : Ediciones Temas de hoy, S.A., 2002. – 254 p.
144. Arboleda Toro R. El “error” en lengua materna. Glotta. Órgano de difusión lingüística. – Bogotá, sept.-dec. 1989. – № 3. – Pp. 18 – 23.
145. Arciniegas G. Nueva imagen del Caribe. – Buenos Aires: Editorial Sudamericana, 1970. – 457 p.
146. Arrazola A.M. Memorando bibliográfico de gramática española. – Bogotá : Imprenta de F. Torres Amaya, 1879. – 356 p.
147. Bartes R. Toward a psychology of contemporary food consumption // Food and culture. A Reader / ed. by Carole Counihan and Penny Van Esterik. – N.Y.: Routledge, 1997. – Pp. 47 – 59.
148. Bernárdez E. ¿Qué son las lenguas? – Madrid : Alianza Editorial, 2004. – 327p.
149. Borges J.L. El idioma de los argentinos. – Buenos Aires, 1953. – 243 p.
150. Canfield L. La pronunciación del español en América. – Bogotá. Instituto Caro y Cuervo, 1962. – 157 p.
151. Canfield L. La identificación de dialectos del español americano a base de rasgos distintivos // Homenaje a Fernando Antonio Martínez. – Bogotá : Instituto Caro y Cuervo, 1979. – Pp. 168 – 174.
152. Canfield L. The Spanish Pronunciation in the Americas. – Chicago : University of Chicago Press, 1981. – 175 p.
153. Cano A., Castrillón C. Apuntes de coronimia antioqueña. – Armenia: Universidad del Quindío, 2011. – 118 p.
154. Carasquilla T. Ensayos. – URL: <http://www.tomascarrasquilla.net/book/export/html/148>.
155. Caravedo R. Perú // Manual de dialectología hispánica. El español de América / ed. M. Alvar. – Barcelona: Editorial Ariel, S.A., 2000. – Pp. 152 – 168.
156. Castillo Mathieu N. Léxico caribe en el caribe insular // Thesaurus. – Vol. XXXII, 1977. – Pp. 316 – 373, 544 – 652.
157. Córdova C.J. Ecuador // Manual de dialectología hispánica. El español de América / ed. M. Alvar. – Barcelona : Editorial Ariel, S.A., 2000. – Pp. 184 – 195.

158. Coseriu E. La geografía lingüística. – Montevideo : Instituto de Filología, Facultad de Humanidades y Ciencias, Universidad de la República, 1956. – 46 p.
159. Conducta de altura entre los aspirantes // La Prensa, 30.11.2009.– URL: <http://www.laprensa.hn/honduras/535843-97/conducta-de-altura-entre-los-aspirantes/>.
160. Creus S. Vocabulario samario o lexicografía de Santa Marta. – Bogotá: Editorial Cromos, 1933. – 36 p.
161. Cuervo R.J. Apuntaciones críticas sobre el lenguaje bogotano. – Chartres: Imprenta de Durand, 1885. – 256 p.
162. Dávila Gáribi J. Posible influencia del náuatl en el uso y abuso del diminutivo en el español de México // Estudios de cultura náuatl. – México, 1959. – Pp. 91 – 94.
163. Dauzat A. La Géographie linguistique. – 1-ere éd. – Paris: éd. Ernest Flammarion, coll. «Bibliothèque de culture générale», 1922. – 200 p.
164. Donni de Mirande N. Argentina – Uruguay // Manual de dialectología hispánica. El español de América / ed. M. Alvar. – Barcelona: Editorial Ariel, S.A., 2000. – Pp. 209 – 221.
165. Duquesne J.D. Disertación sobre el calendario de los muiskas, indios naturales de este Nuevo Reino de Granada, dedicada al Sr. D. D. José Celestino Mutis, Director General de la Expedición Botánica por S.M. // Acosta J. Compendio histórico del descubrimiento y conquista de La Nueva Granada en el siglo décimo sexto. – 1848. – P. 405 – 417.
166. Durán M.J. ¿Quién manda en la lengua? Política y gramática: un chiste // El País. – URL: http://cultura.elpais.com/cultura/2016/06/30/actualidad/1467296686_111410.html.
167. Espejo Olaya M.B. Notas sobre la toponimia en algunas coplas colombianas // Thesaurus. Centro Virtual Cervantes, 999. – T. LIV. – Núm. 3. – Pp. 1102 – 1156.
168. Flórez L. La pronunciación del español en Bogotá. – Bogotá: Instituto Caro y Cuervo, 1951. – 390 p.
169. Flórez L. Las «Apuntaciones Críticas» de Cuervo y el español bogotano: cien años después: pronunciación y fonética. – Bogotá: Instituto Caro y Cuervo, 1973. – 105p.
170. Flórez L. Del español hablado en Colombia. – Bogotá, 1975. – 354 p.

171. Flórez L. Apuntes de español. – Bogotá, 1977. – 205 p.
172. Flórez L. Sobre algunas formas de pronunciar muchos colombianos el español. – Bogotá: Instituto Caro y Cuervo, 1978. – Pp. 52 – 63.
173. Flórez L. Del español hablado en Colombia. Datos de morfología y habla informal bogotana. – Bogotá, 1980. – 343 p.
174. Flórez L. Atlas lingüístico-etnográfico de Colombia. – Bogotá: ICC, Departamento de Dialectología, 1981 – 1983. – Vol. I – VI.
175. Flórez L. Manual del Atlas lingüístico-etnográfico de Colombia. – Bogotá: ICC, 1983. – 117 p.
176. Friede J. Descubrimiento del Nuevo Reino de Granada y Fundación de Bogotá (1536–1539). – Bogotá: Imprenta del Banco de la República, 1960. – URL: www.banrepcultural.org/blaavirtual/historia/desnue/inicio.htm.
177. Friede J. La explotación indígena en Colombia bajo el gobierno de las misiones; el caso de los aruacos de la Sierra Nevada de Santa Marta. – Bogotá: Publicaciones Punta de Lanza, 1973. – 320 p.
178. García Márquez G. Vivir para contarla. – Barcelona: Mondadori, 2002. – 592 p.
179. Gutiérrez Aguirre J. Los judíos marranos en Colombia. Rostros sefardíes y rastros del ladino o chudesmo en las historias familiares antioqueñas. – Pereira: Universidad Tecnológica, 2010. – 187 p.
180. Hall E. T. Beyond Culture. – N.Y.: Doubleday, 1981. – 302 p.
181. Henao J.I. Investigaciones lingüísticas en Antioquia – Medellín: La Carreta Editores, 2008. – 91 p.
182. Henríquez Ureña P. Observaciones sobre el español de América // Revista de filología española. – Madrid, 1921. – № 8. – Pp. 357 – 390.
183. Indigenismos colombianos [Electronic Resource] URL: <https://prezi.com/k1dsl9kiwp1z/indigenismos-colombianos/>.
184. Jaramillo A. Testamento del Paisa. – Medellín, 1994. – Pp. 15 – 376.
185. Jiménez Moreno W. La transculturación lingüística hispanoindígena. – Santander, 1965. – 193 p.

186. Kárpina E.V., Antonyuk E.V. La dialectología intravariante de la lengua española: los estudios iberoamericanos en Rusia // *Испания и Россия: исторические судьбы и современная эпоха.* – Издательский Дом «Международные отношения», 2017. – Гл. 8. – С. 503 – 508.

187. Kárpina E.V., Antonyuk E.V. Algunas observaciones sobre el uso de los hipocorísticos en el ruso moderno y la variante mexicana del español // *Revista de Estudios Filológicos*, 2018. – No. 34. – Pp. 1 – 11.

188. Lamao M. E. Apuntaciones críticas sobre el idioma castellano. Provincialismos de Riohacha. Método filosófico para redactar un texto didáctico de enseñanza. Reglas fundamentales para aprender. Apellidos españoles que en Colombia sólo se encuentran en la costa Atlántica. – Santa Marta: Mogollón, 1920. – 95 p.

189. Levy-Strauss C. *The Raw and the Cooked.* – Chicago: The University of Chicago Press, 1969. – 387 p.

190. Lipski J.M. *Latin American Spanish.* – London: Longman, 1994. – 392 p.

191. Lipski J.M. *Spanish in the Pacific // Atlas of languages of intercultural communication in the Pacific, Asia, and the Americas / Stephen Wurm, Peter Mühlhäusler, Darrell Tryon, eds.* – Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1996. – Vol. 1. – Pp. 271 – 298.

192. Lipski J.M. *El español de América.* – Madrid: Ediciones Cátedra, 2002. – 2 ed. – 447 p.

193. Londoño R.A. *Así se habla en Pereira.* – Pereira, 2000. – 72 p.

194. Lope Blanch J.M. *Ensayos sobre el español de América.* – México: UNAM, 1993. – 290 p.

195. Lope Blanch J.M. *Español de México frente a español de España // Cuestiones de filología mexicana.* – México: UNAM, 2004. – Pp. 167 – 175.

196. Lope Blanch J.M. *Estudios de historia lingüística hispánica.* – Madrid: Arco/Libros, 1990. – 225 p.

197. Lope Blanch J.M. *Estudios sobre el español de México.* – México: UNAM, 1983. – 2 ed. – 256 p.

198. Lope Blanch J.M. México // Manual de dialectología hispánica. El español de América / ed. M. Alvar. – Barcelona: Editorial Ariel, S.A., 2000. – Pp. 81 – 89.
199. López de Mesa L. De cómo se ha formado la nación colombiana. – Bogotá: Editorial Bedout, 1970. – 284 p.
200. Los nombres originales de los territorios, sitios y accidentes geográficos de Colombia. – Bogotá: Instituto geográfico Agustín Codazzi, 1995. – Vol. 1. – 296 p.
201. Marcos-Marín F.A., De Miguel A. Se habla español. – Madrid: Biblioteca Nueva, 2009. – 284 p.
202. Martínez Álvarez Ángeles M. El adverbio. – Madrid: Arco Libros, S. L., 2000. – 62 p.
203. Mikheeva N.F. About the new direction in Spanish dialectology – interviant dialectology of the Spanish language // International Journal of Applied and Fundamental Research, 2014. – Issue 1. – Pp. 1 – 10.
204. Mikheeva N.F. Globalization and Multiculturalism in the European System of Education // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences, 2017b. – Vol. 10. – № 1. – Pp. 67 – 73.
205. Montes Giraldo J.J. Del español hablado en Bolívar, Colombia. Notas gramaticales // Boletín del Instituto Caro y Cuervo. – Bogotá, 1959. – T. XIV. – Pp. 82 – 110.
206. Montes Giraldo J.J. Contribución a una bibliografía sobre el español de // Boletín del Instituto Caro y Cuervo. – Bogotá: ICC, 1965. – No 20. – Pp. 425 – 465.
207. Montes Giraldo J.J. Un tipo de composición nominal y el español “atlántico” // Boletín del Instituto Caro y Cuervo. – Bogotá, 1977. – T. XXXII. – No. 3. – Pp. 658 – 669.
208. Montes Giraldo J.J. El español de Colombia. Propuesta de clasificación dialectal // Boletín del Instituto Caro y Cuervo. – Bogotá, 1982. – T. XXXVII. – Pp. 23 – 92.
209. Montes Giraldo J.J. Simplificación de grupos consonánticos y tendencias de la sílaba española en dos mapas del ALEC // Homenaje a Luís Flórez. Estudios de historia cultural, dialectología, geografía lingüística, sociolingüística, fonética, gramática y

lexicografía. – Bogotá: Instituto Caro y Cuervo, Thesaurus, 1984. – T. XXXIX. – Pp. 228 – 232.

210. Montes Giraldo J.J. Influjo indígena en el español de Colombia. Caracterización sumaria // Revista de Filología Románica. – Madrid: Editorial de la Universidad Complutense, 1986. – Vol. IV. – Pp. 335 – 340.

211. Montes Giraldo J.J. Dialectología general e hispanoamericana: Orientación teórica, metodológica y bibliográfica. – Bogotá: ICC, 1995. – 502 p.

212. Montes Giraldo J.J. Colombia // Manual de dialectología hispánica. El español de América / ed. M. Alvar. – Barcelona: Editorial Ariel, S.A., 2000a. – Pp. 134 – 145.

213. Montes Giraldo J.J. El palenquero // Manual de dialectología hispánica. El español de América / ed. M. Alvar. – Barcelona: Editorial Ariel, S.A., 2000b. – Pp. 146 – 151.

214. Navarro T. Diferencias de duración entre las consonantes españolas // Revista de filología española. – Madrid, 1918. – No 5. – Pp. 17 – 30.

215. Oroz R. La lengua castellana en Chile. – Santiago, 1966. – 107 p.

216. Prodretti de Bolón A. El idioma de los uruguayos: unidad y diversidad. – Montevideo, 1983. – 95 p.

217. Quesada Pacheco M.A. El español de América Central // Manual de dialectología hispánica. El español de América / ed. M. Alvar. – Barcelona: Editorial Ariel, S.A., 2000. – Pp. 101 – 114.

218. Restrepo R. Apuntaciones idiomáticas y correcciones de lenguaje. – Bogotá: Editorial Cromos, 1943. – 560 p.

219. Revollo P. M. Costeñismos colombianos o apuntamientos sobre lenguaje costeño de Colombia. – Barranquilla: Talleres Tipográficos de la Editorial Mejoras, 1942. – 320 p.

220. Rodas A. Voseo colombiano. – URL: <https://pasaportecolombiano.wordpress.com/2014/08/14/voseo-colombiano/>.

221. Rodríguez de Montes M. Muisquismos léxicos en el Atlas lingüístico-etnográfico de Colombia (AIEC) // Homenaje a Luís Flórez. – Bogotá: Instituto Caro y Cuervo, 1984. – Pp. 299 – 353.

222. Rona J.P. Geografía y morfología del voseo. – Porto Alegre: Pontificia Universidade Católica do Rio Grande do Sul, 1967. – 189 p.
223. Samper Pizano D. Postre de notas. – Bogotá: Editores Colombiana Ltda., 1987. – 137 p.
224. Sánchez R. Chicano Discourse: Socio-Historic Perspectives. – Houston: Newbury House Publishers, 1994. – 2 ed. – 183 p.
225. Sedano M., Bentivoglio P. Venezuela // Manual de dialectología hispánica. El español de América / ed. M. Alvar. – Barcelona: Editorial Ariel, S.A., 2000. – Pp. 116 – 133.
226. Sundaheim A. Vocabulario costeño o lexicografía de la región septentrional de la República de Colombia. – París: Librería Cervantes, 1922. – 656 p.
227. Tobón Betancourt P.J. Colombianismos y otras voces de uso general. – Medellín: Tip. Industrial, 1946. – 188 p.
228. Unión Europea pide a colombianos dejar de pedir que les regalen cosas // Actualidad Panamericana. – URL: <http://www.actualidadpanamericana.com/union-europea-pide-a-colombianos-dejar-de-pedir-que-les-regalen-cosas/>.
229. Valdés J. de. Alfabeto cristiano // A cura di Adriano Prosperi. – Istituto Storico Italiano per l'età moderna e contemporanea. L'editore Adempiuti I doveri eserciterà i diritti sanciti dalla legge. – Roma, 1988. – 144 p.
230. Vaquero M. Antillas // Manual de dialectología hispánica. El español de América / ed. M. Alvar. – Barcelona: Editorial Ariel, S.A., 2000. – Pp. 51 – 67.
231. Vergara y Vergara J.M. La lengua colombiana // El Mosaico. – Bogotá, 1871. – No 31. – Pp. 241 – 252.
232. Vicens Vives J. Historia social y económica de España y América. – Barcelona: Edit. Teide, 1957. – 557 p.
233. Vila C.C. Bolivia // Manual de dialectología hispánica. El español de América / ed. M. Alvar. – Barcelona: Editorial Ariel, S.A., 2000. – Pp. 169 – 183.
234. Zapata C. La exageración en el habla coloquial antioqueña. – Medellín: Hombre Nuevo Editores, 2002. – 29 p.

СЛОВАРИ И СПРАВОЧНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

235. Испанско-русский словарь. Латинская Америка / под. ред. Н. М. Фирсовой. – М.: Русский язык – Медиа, Дрофа, 2017. – 609 с.
236. Испанско-русский словарь современного употребления (более 100 000 слов и словосочетаний) / под ред. А. В. Садикова, Б. П. Нарумова. – М.: Русский язык – Медиа, Дрофа, 2007. – 832 с.
237. Лингвистический форум Wordreference. – URL: <https://forum.wordreference.com/threads/modismos-idioms.34796/>.
238. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 683 с.
239. Михальченко Ю.В. (ред.). Словарь социолингвистических терминов / под ред. Ю. В. Михальченко. – М.: Институт языкознания РАН, 2006. – 312 с.
240. Народы и религии мира. Энциклопедия. – М.: БРЭ, 1999. – 928 с.
241. Народы мира. Энциклопедия. – М.: Советская энциклопедия, 1988. – 640с.
242. Писарская Т.Р. Словарь аргентинизмов современного испанского языка. – М.: ВКН, 2016. – 160 с.
243. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь лингвистических терминов. – М.: Просвещение, 1985. – 399 с.
244. Романова Н.Н., Филиппов А.В. Словарь. Культура речевого общения: этика, прагматика, психология. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 304 с.
245. Русско-испанский словарь / под ред. Х. Ногейры, Г.Я. Туровера. – М.: Русский язык – Медиа, Дрофа, 2007. – 833 с.
246. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 824 с.
247. Страны мира: Справочник. – М.: Наука, 1999. – 547 с.
248. Фонд пословиц и поговорок колумбийского национального варианта испанского языка. – URL: <http://www.todacolombia.com/informacion-de-colombia/refranes-colombianos.html>.
249. Цитаты известных людей о кофе. – URL: <http://www.upsocl.com/mujer/un-buen-dia-comienza-con-un-saludo-un-beso-y-estas-30-increibles-citas-sobre-el-cafe/>.

250. Электронный словарь испанского языка в странах Латинской Америки Asihablamos. – URL: <http://www.asihablamos.com/www/significado/palabra/panocha>.
251. Языки мира. Романские языки. – М.: Academia, 2001. – 720 с.
252. Breve diccionario de colombianismos. – Bogotá: Academia Colombiana de la Lengua, 2012. – 124 p.
253. Casares J. Diccionario ideológico de la lengua española. – Barcelona: Editorial Gustavo Gili, S.L., 2007. – 891 p.
254. Díaz Collazos A. M. Desarrollo sociolingüístico del voseo en la región andina de Colombia (1555–1976). – Berlin: Gtuyter Mouton, 2015. – 329 p.
255. Diccionario de la Real Academia Española. – URL: <http://www.rae.es/>.
256. Diccionario del estudiante. – URL: <http://www.rae.es/obras-academicas/diccionarios/diccionario-del-estudiante>.
257. Diccionario de gentilicios de Colombia. – Bogotá: Imprenta Nacional de Colombia, 2008. – 176 p.
258. Diccionario enciclopédico ilustrado Sopeña. – 2 ed. – Barcelona: Sopeña, 1986. – T. 1 – 5. – 4583 p.
259. El Proyecto de Jergas de Habla Hispana. – URL: <http://www.jergasdehablahispana.org/proyecto2.htm>.
260. Flórez L. Atlas lingüístico-etnográfico de Colombia. – Bogotá: ICC, Departamento de Dialectología 1981 – 1983. – Vol. I–VI. – 232 p.
261. Flórez L. Manual del Atlas lingüístico-etnográfico de Colombia. – Bogotá: ICC, 1983. – 307 p.
262. Lalinde Botero L. Diccionario Jilosófico (filosófico) del paisa. – Medellín: Ediciones Triángulo, 1998. – 386 p.
263. Londoño R.A., Velásquez O.L. Así se habla en Pereira. Dichos y exageraciones. – Pereira: Colombia, 2000. – 155 p.
264. Moliner M.A. Diccionario de uso del español. – Madrid: Gredos, 2009. – 6 ed. – T. 1 – 2. – 1585 p.
265. Monroy S. M. Lexicón de fraseología del español de Colombia. – Bogotá: Instituto Caro y Cuervo, 1996. – 224 p.

266. Montoya R. Diccionario del español actual en Colombia. – Medellín, 2006. – 253 p.
267. Moreno Blanco L. Diccionario de voces culinarias. – Bogotá: Universidad Externado de Colombia, 2008. – 423 p.
268. Morínigo M. A. Diccionario del español de América. – México, 1993. – 7 ed. – 105 p.
269. Naranjo C. et. al. Diccionario de parlache. – Medellín, 2006. – 233 p.
270. Richard R. et. al. Diccionario de hispanoamericanismos no recogidos por la Real Academia (Formas homónimas, polisémicas y otras derivaciones morfosemánticas). – Madrid: Lavel, S.A., 2006. – 600 p.
271. Tobón Betancourt P.J. Diccionario de colombianismos. – Medellín: Universidad Autónoma Latinoamericana, 2013. – 386 p.
272. Toro Arango F. Así nos hemos entendido los paisas. – Medellín: MCA Editores Ltd, 2013. – 466 p.
273. Vélez Uribe J. Lenguaje Paisa. – Armenia: Universidad de Quindío, 1998. – 232 p.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение А

Перечень исконно испанских лексических единиц, практически полностью изменивших свои значения в испанском языке департаментов «Кофейной оси»

<i>Лексическая единица</i>	<i>Общеиспанское лексическое значение</i>	<i>Лексическое значение в испанском языке стран Латинской Америки</i>	<i>Лексическое значение в испанском языке департаментов «Кофейной оси»</i>
cabrearse	irritarse, enfadarse (‘раздражаться’, ‘сердиться’, ‘беситься’)	perder la oportunidad (‘упустить возможность’) (Perú)	1) cabriar ilícitas (‘проводить незаконные операции’); 2) asustarse. ponerse receloso, temeroso (‘пугаться’ – (переносное значение))
cagadero	aseo, retrete (‘туалет’)		1) lugar desagradable (‘неприятное место’); 2) aburridor, de poco valor (‘скучный, малозначительный’)
camello	1) traficante y vendedor de estupefacientes al por menor (‘розничный торговец наркотиками’); 2) (prisión) enfermero que reparte la medicación en las prisiones (‘медбрат в тюремной больнице, который разносит медицинские назначения’ – тюрем. жаргон)	trabajo, ocupación, profesión (‘работа, занятие, профессия’) (Ecuador, Colombia, EE.UU.)	trabajo, actividad laboral lícita o no (‘работа законная или незаконная’)
cascado	estropeado (‘сломанный’)	víctima de un asesinato (‘убитый’) (Colombia)	1) muerte, asesinato (‘мертвый, убитый’); 2) comida sobrante que luego secalienta para otra ocasión (‘пища, которую оставили на потом’)
chacho (a)	asistenta, empleada del hogar, criada (‘помощница, уборщица, домохозяйка, прислуга’)	chirle (‘сивуха’) (Ecuador)	(cultura juvenil) muchacho, persona joven y sobresaliente (‘молодой человек с выдающимися способностями’)
chamba	suerte, casualidad (‘удача, случайность’)	1) charca (‘лужа’) (Ecuador, Colombia); 2) vino sagrado, utilizado en ceremonias congas (‘вино для ритуальных’)	1) trabajo, ocupación remunerada (‘работа, оплачиваемая деятельность’); 2) herida, perforación o desgarramiento en alguna parte del cuerpo (‘рана – порез или прокол любой’)

		церемоний конго') (Cuba); 3) herida en la cabeza o cara ('рана на голове /лице') (Colombia); 4) trabajo ('работа') (EE.UU.)	части тела')
chucha	1) peseta ('песета'); 2) (prisión) amante de un preso ('любовник / любовница заключенного' – тюремный жаргон)	1) vulva de la mujer ('женский половой орган') (Ecuador, Chile, Bolivia, Argentina, Uruguay); 2) puta (в функции восклицания – 'вот, черт!') (Panamá, Perú, México, Honduras, Nicaragua)	1) (insulto) despreciable ('презренный, ничтожный' – оскорбление); 2) persona desagradable ('неприятный человек')
chutar	1) funcionar, desarrollarse bien en una actividad ('действовать, развиваться в какой-либо деятельности'); 2) inyectarse droga ('сделать наркотический укол')	atraer ('привлекать') (Ecuador)	enviar, ceder a otra persona algo o encargarla de realizar determinada acción ('передавать, уступать, поручать выполнение какого-либо действия')
chuzo	rene ('мужской половой орган')	1) criatura, nene ('ребенок') (Ecuador); 2) caballo corredor de muy buena calidad ('первоклассная скаковая лошадь') (Argentina); 3) (ironía) músico militar o callejero ('Военный или уличный музыкант' – иронич.) (Bolivia); 4) pelo lacio, largo y duro ('длинные, гладкие, густые волосы') (Costa Rica, Uruguay)	1) puñal ('кинжал'); 2) negocio, establecimiento comercial poco acreditado y pequeñito ('мелкий бизнес')
faltón	persona que ofende y falta al respeto ('человек, который оскорбляет и выказывает неуважение')		traidor, falso, persona traicionera o incumplida ('предатель, обманщик, человек, который не выполняет обещаний')
flete	1) coito ('половой акт'); 2) cliente de una prostituta ('клиент проститутки'); 3) servicio prestado por una prostituta ('услуги, оказываемые проституткой')	alquiler o préstamo ('заимствование, взятие чего-либо в долг') (Bolivia)	asalto a un cargo que transporta mercancías ('ограбление машины, которая перевозит товар')

fulero	persona embustera (‘обманщик’)	1) falso, difícil (‘ложный, трудный’) (Argentina, Uruguay); 2) feo, malo; cobarde (‘страшный, некрасивый; злой; трусливый’) (Argentina)	(cultura juvenil) engreído, vanidoso, muy pagado de sí mismo (‘человек, который считает себя самым лучшим, тщеславный человек’ – молодежный сленг)
levantar	1) quitar (‘забирать’); 2) hurtar (‘воровать’)	1) conseguir dinero o cualquier otra cosa valiéndose de ciertas habilidades (‘добыть деньги или что-либо, используя смекалку или сноровку’) (Venezuela); 2) mantener y criar a los niños hasta que lleguen a ser adultos (‘растить детей, пока они не вырастут’) (Honduras, Venezuela)	1) aporrear, golpear a una persona (‘ударить кого- либо’); 2) asesinar (‘убить’); 3) (cultura juvenil) conquistar, entablar relaciones amorosas (‘завоевывать, устанавливать любовные отношения’ – молодежный сленг)
ligar	1) conquistar a una persona, emprender relaciones amorosas con alguien (‘завоевывать, устанавливать любовные отношения’); 2) detener, apresar (‘задерживать, арестовывать’); 3) hurtar (‘воровать’); 4) (juventud) conseguir droga, bebida (‘доставать наркотики или выпивку’ – молодежный сленг); 5) (juventud) pisar un excremento; ligarla (‘наступить на экскременты’; вляпаться’ (перен.) – молодежный сленг’)	1) observar lo que no se debe (‘смотреть на то, что нельзя’) (Puerto Rico); 2) tomar algún licor (‘пить ликер’) (Uruguay); 3) hacer entrar en un empleo (‘заставить устроиться на работу’) (Guatemala); 4) embrujar una mujer a un hombre para que no la abandone (‘приворожить мужчину (о женщине), чтобы он ее не бросил’) (Ecuador)	donar, dar a una persona dinero para motivarla o convertirla en cómplice (‘давать кому-либо денег, чтобы сделать его сообщником’)
loro/-a	1) mujer fea y muy maquillada (‘некрасивая, сильно накрашенная женщина’); 2) persona que habla en exceso (‘болтун’); 3) radiocasete (‘касетник (магнитофон)’)	1) llaga de mal aspecto y difícil curación (‘язва, которая плохо выглядит и трудно лечится’) (Ecuador, Puerto Rico, Venezuela); 2) cierta tortuga marina (‘вид морских черепах’) (Costa Rica)	1) radio, aparato receptor de ondas hertzianas (‘радиоприемник’); 2) delator, persona que denuncia o acusa a otra (‘предатель, человек, который выдает или обвиняет другого’); 3) perico, base de cocaína en polvo (‘наркотик, основа порошкового кокаина’)

zanahoria	1) nariz ('нос'); 2) pene ('мужской половой орган')	docente, formal que no consume drogas ni tiene malas pasiones; conservador, tímido, juicioso ('скромный, вежливый, не употребляющий наркотиков и не имеющий пристрастий; консервативный, скромный, рассудительный') (Colombia, Venezuela)	(cultura juvenil) 1) temeroso, tímido ('боязливый, робкий'); 2) una persona que no comete actos delincuenciales ni consume drogas ('человек, который не принимает наркотиков и не совершает преступлений')
zorra	1) zorra ('лисица, лиса'); 2) zorro, fox ('лисий мех'); 3) pícaro, ladrón ('плут, хитрый лис')	1) remolque ('буксировка; буксир') (Colombia, Uruguay); 2) vagoneta, carro de transporte ferroviario ('вагонетка для транспортировки по рельсам') (Argentina, Uruguay); 3) sexo femenino, vulva ('женский половой орган') (Perú)	1) mujer de vida promiscua ('нимфоманка'); 2) prostituta ('проститутка'); 3) borrachera ('алкоголичка')

Приложение Б

Перечень сравнений-преувеличений, частотных для департамента Киндио

1. *Aburre más que un día de fiesta* ('надоедает больше, чем день празднования').
2. *Acabarse como los canastos viejos* ('развалиться как старые корзины').
3. *Acosa más que novia fea* ('преследует сильнее, чем страшная невеста').
4. *Acosa más que un purgante triple* ('преследует сильнее, чем тройная доза слабительного').
5. *Agarrado como garrapata a ubre de novilla mona* ('как клещ сжимает вымя телки').
6. *Aguanta hambre hasta la cocinera* ('терпеть голод, как кухарка').
7. *Aguanta más garrote que perro de limosnero* ('терпеть дубину дольше, чем собака нищего').
8. *Aguanta más hambre que ratón de iglesia* ('терпеть голод дольше, чем мышь в церкви').
9. *Alimenta más que una paja en ayunas* ('питается лучше, чем соломинка в пост').
10. *Anda más que una mala noticia* ('распространяется быстрее, чем плохая новость').
11. *Baila más que un cajón bocabajo* ('танцевать больше перевернутого ящика').
12. *Baila más que una mesa coja* ('танцевать больше, чем кривой стол').
13. *Bebe como un verraco* ('пьет как дикий кабан').
14. *Beber como caballos asoleados* ('пить как лошади на солнцепеке').
15. *Blanco como la nieve* ('белый как снег').
16. *Bravo como una pitorá* ('смелый как ядовитая змея').
17. *Brinca más que sapo en tomatera* ('скачет как жаба в томатном кусте').
18. *Bueno como el pan* ('хорош как хлеб').
19. *Caer como un baldado (baldazo) de agua fría* ('пролиться как ведро ледяной воды').
20. *Caer como un baldado de agua helada* ('пролиться как ведро ледяной воды').
21. *Caer como una piedra* ('упасть как камень').

22. *Cambia más que un semáforo* ('меняться чаще, чем светофор').
23. *Camina porque Dios es muy grande* ('ходить по милости Божьей').
24. *Canta más que la boca del estómago* ('поет громче, чем урчит в животе').
25. *Canta más que un pollo al horno* ('издает больше звуков, чем курица в духовке').
26. *Canta más que un tarro* ('поет больше, чем земляная утка').
27. *Come más que una mujer en dieta* ('ест больше женщины на диете').
28. *Como alma que lleva al diablo* ('как душа, отданная дьяволу').
29. *Como anillo al dedo* ('как кольцо на пальце').
30. *Como caído del cielo* ('как с неба упал').
31. *Como cigarillo en paquete* ('как сигарета в пачке').
32. *Como el perrito de La Victor* ('как пес на эмблеме компании RCA Victor').
33. *Como un cura sin parroquia* ('как поп без прихода').
34. *Como un diablo* ('как дьявол').
35. *Como una cabra con balaca en las tetas* ('как коза с лентой на вымени').
36. *Comulga desde el atrio* ('причащается с паперти').
37. *Conocer como la palma de la mano* ('знать как свои 5 пальцев').
38. *Crecer como una bola de nieve* ('расти как снежный ком').
39. *Creer como en los santos evangelios y en los rejos de las campanas* ('верить, как во святых мучеников').
40. *Cuando mi Dios lo hizo, se sentó a reírse* ('когда Бог это сделал, он сел и рассмеялся').
41. *Cuelgan hasta el ángel de la Guarda* ('на милость Ангела-Хранителя').
42. *Da más tiro que un cirigüelo* ('стрелять больше, чем пират').
43. *Da más vueltas que un mico entre una caneca* ('вертеться сильнее, чем обезьяна в бутылке).
44. *Da más vueltas que un perro pa echase* ('вертеться сильнее, чем бешеный пес').
45. *Defender como gato panza arriba* ('защищаться как кот, лежащий пузом кверху').

46. *Dejar mamando como el ternero* ('сосать как теленок').
47. *Duele más que la sacada de una muela* ('болит сильнее, чем место вырванного зуба').
48. *Duele más que una destetata* ('болит сильнее, чем набухшие груди').
49. *Dura más que un bizcochuelo a la entrada de una iglesia* ('хранится дольше, чем просфора у входа в церковь').
50. *Dura más que un pan de queso a la salida de un colegio* ('хранится дольше, чем сырная лепешка около выхода из школы').
51. *Dura más que una despedida de viejas* ('длится дольше прощания старух').
52. *Echa más lengua que un perro tomando leche* ('высунуть язык сильнее, чем пьющая молоко собака').
53. *Echarle más flores que a un cementerio* ('принести больше цветов, чем на кладбище').
54. *El aguardiente es tan bueno, que si uno se muere se va para el cielo* ('этот крепкий алкоголь настолько хорош, что если умрешь, то попадешь сразу в рай').
55. *El que tenga rabo de paja, que no se arrime a la candela* ('тот, у кого хвост из соломы, не приближается к свече').
56. *El remedio es peor que la enfermedad* ('лекарство хуже самой болезни').
57. *En menos de lo que canta un gallo* ('скорее, чем запоет петух').
58. *En menos que suspira una solterona* ('скорее, чем вздохнет старая дева').
59. *En vez de pecho, le va a dar la espalda a ese muchachito* ('вместо груди показать юноше спину').
60. *Engaña un duende* ('обмануть домового').
61. *Entrar como pedro por su casa* ('войти как к себе домой').
62. *Era tan brava que había que ponerle anestesia para poder hacerle el amor* ('он был таким смелым, что занимался любовью с анестезией').
63. *Era tan flaco, tan flaco, que parecía parado en la misericordia de Dios* ('он был таким слабым, что казался оставленным на божью милость').
64. *Era tan espantoso que servía hasta pa curar el hipo* ('он был таким страшным, что его вид был способен вылечить икоту').

65. *Era un pueblo tan frío, pero tan frío, que le daba reumatismo a un sapo* ('там было так холодно, что у жабы начался ревматизм').

66. *Es capaz de correr un edificio* ('он может проходить сквозь стены').

67. *Es como el corazón: pegao y brincando* ('он как сердце – разбитое и трепещущее').

68. *Es como quitarle un pelo a una vaca* ('как побрить корову').

69. *Es como ver pasar plata para el banco* ('как смотреть на деньги, уходящие банку').

70. *Es más emocionante una luna de miel con Teresa Gutiérrez* ('волнительнее, чем медовый месяц с Терезой Гутьеррес').

71. *Es más fácil agarrar un rayo de la cola* ('легче ухватить молнию за хвост').

72. *Es más fácil ajustar un millón de pesos vendiéndole corozos a un muelco* ('проще заработать миллион песо, продав соски беззубому').

73. *Es más fácil arrancarle la mantilla a una beata* ('легче, чем сорвать мантилью с монахини').

74. *Es más fácil atajar un novillo bravo que a solterona con gana de marido* ('легче связать молодого бычка, чем старую деву, отчаянно желающую выйти замуж').

75. *Es más fácil conseguir una moza al gusto que la mujer* ('легче найти служанку, которая бы понравилась женщине').

76. *Es más fácil encontrar un gato bañando ratones* ('легче найти кота, купающего мышей').

77. *Es más fácil enfilear cien micos para un retrato* ('легче заставить 100 обезьян позировать для портрета').

78. *Es más fácil engordar un mico a punta de limonada* ('проще обезьяну отпоить лимонадом').

79. *Es más fácil enlazar un aguacero* ('легче связать ливень').

80. *Es más fácil entrar con la moza al cielo* ('легче попасть на небеса со служанкой').

81. *Es más fácil meter una gelatina en una alcancía* ('легче засунуть желе в копилку').

82. *Es más fácil morderse un codo* ('легче укусить себя за локоть').
83. *Es más fácil organizar un partido de fútbol amistoso entre la guerrilla y los paras* ('легче организовать дружеский футбольный матч между партизанами и военными').
84. *Es más fácil parar un muñeco de mantequilla en una plancha caliente* ('легче растопить куклу из масла на горячей сковороде').
85. *Es más fácil sacar un condenado del infierno con unas tenazas de sebo* ('легче вытащить грешника из ада сальными щипцами').
86. *Es más fácil sacarle punta a un lápiz con un sacapuntas de goma* ('проще наточить карандаш резиновой точилкой').
87. *Es más fácil sacarle sangre a una estatua de yeso* ('легче пустить кровь у гипсовой статуи').
88. *Es más fácil sacarse los piojos con un ventilador* ('легче избавиться от вшей при помощи вентилятора').
89. *Es más fácil seguirle la sombra al Ave Fénix* ('легче следовать за тенью птицы феникс').
90. *Es más fácil silbar el Himno Nacional comiendo pandero* ('проще просвистеть национальный гимн, поедая бубен').
91. *Es más fácil silbar por un oído* ('проще насвистывать ухом').
92. *Es más fácil ver al Papa subiendo escaleras* ('проще увидеть, как Папа Римский поднимается по лестнице').
93. *Es más fácil ver un gato arrullando ratones* ('проще увидеть, как кот любезничает с мышами').
94. *Es más fácil ver un mico dictando clases de violín* ('проще увидеть, как обезьяна дает уроки музыки').
95. *Es más fácil ver un pescado tomando el sol* ('проще увидеть рыбу, лежащую на солнце').
96. *Es más fácil verle el ombligo a una monja* ('проще увидеть пупок монашки').
97. *Es más fácil verle la cédula a una solterona* ('проще старой деве получить свидетельство о браке').

98. *Es más fácil volver a ver Samper en la presidencia* ('проще Самперу снова стать президентом').

99. *Es más torcida que la carretera al mar* ('извилистее прибрежной дороги').

100. *Es mejor llegar a tiempo que ser invitado* ('проще прийти вовремя, чем быть приглашенным').

101. *Es mejor prevenir que curar* ('лучше профилактика, чем лечение').

102. *Es mejor vestir santos que desvestir borrachos* ('лучше наряжать святых, чем раздевать пьяниц' = 'лучше быть одному, чем с кем попало').

103. *Es tan bravo que come soldadura eléctrica* ('такой задиристый, что искры сварки готов проглотить').

104. *Es tan buena esa tierra que allá uno engorda chupando dedo* ('там земли такие плодородные, что можно растолстеть, лишь посасывая палец').

105. *Es tan chismosa que cuando se baña, se seca los pies con la lengua* ('она такая сплетница, что, когда моется, вытирает ноги своим языком').

106. *Es tan de malas que si se pone a hacer sombreros, nacen los hombres sin cabeza* ('они такие неумелые, что, когда берутся за создание шляп, рождаются люди без головы').

107. *Es tan débil que no quiebra un huevo a martillazos* ('он такой слабый, что не может разбить яйцо молотком').

108. *Es tan estrecho ese cuarto que hay que salir para que entre el sol por la ventana* ('эта комната настолько узкая, что приходится выходить, чтобы впустить солнце через окно').

109. *Es tan falduda esa finca, que le falta un grado para ser pared* ('это здание настолько маленькое, что еще чуть-чуть – и его можно считать стеной').

110. *Es tan feo que no nació sino que lo vomitaron* ('он настолько страшный, что его не родили, а вытошнишили').

111. *Es tan gorda que en lugar de brasier usa una hamaca con nudo en la mitad* ('она настолько толстая, что вместо бюстгальтера использует гамак с узлом посередине').

112. *Es tan hambrienta que le dan en el codo y aprieta la mano* ('она такая голодная, что, если ей дадут локоть, она откусит руку').

113. *Es tan jugador como un gato chiquito en una estera rota* ('игривый, как молодой кот на рваной циновке').

114. *Es tan lento que se demora tres días pa morir de repente* ('настолько медлительный, что скоропостижно умирал в течение трех дней').

115. *Es tan mal abogado que primero saca un borracho del infierno con una tenaza de sebo* ('он настолько плохой адвокат, что вначале вытаскивает пьяницу из ада при помощи сальных клещей').

116. *Es tan mal médico que cuando va a ver un enfermo ahí mismo hace la visita de pésame* ('он настолько плохой врач, что одновременно с приемом больного соболезнует об утрате').

117. *Es tan tuceso que hay que darle el agua molida* ('он настолько беззубый, что пьет талую воду').

118. *Es tan ñato que muerde un espejo* ('у него такой огромный нос, что кусает зеркало').

119. *Es tan pícaro que se roba un hueso y vuelve por lo que queda* ('он такой плут, что готов украсть дырку от бублика и вернуться за оставшимся').

120. *Es tan pipero que lo llaman Aladino* ('он такой хороший бондарь, что его кличут Аладдином').

121. *Es tan pobre que la única porcelana que hay es la taza del baño* ('он такой бедный, что все, что у него есть из фарфора – это унита́з').

122. *Es un pueblo tan inseguro que los ladrones andan con guardaespaldas* ('тут так небезопасно, что воры ходят с телохранителями').

123. *Es una casa tan pequeña que hay que salirse pa que entre el sol* ('это такой крошечный дом, что приходится выходить, чтобы впустить солнце').

124. *Es una montaña tan falduda, que hay que sembrar el maíz con escopeta* ('настолько крутая гора, что кукурузу приходится сеять ружьем').

125. *Es una pensión tan de mala muerte que el dueño sale a comer a otra parte* ('настолько захудалый пансион, что его хозяин ест на стороне').

126. *Está tan afilada que capa moscos en el aire* ('он настолько быстрый, что может ловить мошек на лету').

127. *Está tan bien embalsamada que parece que estuviera viva* ('насколько хорошо забальзамирована, что выглядит, как живая').

128. *Está tan flaco que cuando se duerme lo velan* ('он настолько слаб, что, когда засыпает, его отпевают').

129. *Estar como perro suelto* ('как бродячий пес').

130. *Estar como una tatacoa* ('как пустыня Татакоа').

131. *Estar hecho una tatacoa* ('стать пустыней Татакоа').

132. *Estar pálido como un muerto* ('бледный как покойник').

133. *Estar que baila en una sola pata* ('танцует, словно ему ногу отдавили').

134. *Estar que parten un confite* ('растекаться как варенье').

135. *Estar que se lo hace tamar de un cocodrilo* ('заставить крокодила сосать грудь').

136. *Estorba más que un loco en la oficina* ('он мешает сильнее, чем дурак в конторе').

137. *Estorba más que un marrano en la cocina* ('он мешает сильнее, чем бревно на кухне').

138. *Flaquito como perro de gitano* ('слабый словно цыганский пес').

139. *Fuma más que un marido esperando el resultado de un parto difícil* ('курит больше, чем муж во время сложных родов жены').

140. *Fuma más que una copera detenida* ('курит сильнее, чем задержанный').

141. *Fuma peor que lavandera mueta* ('курит больше, чем прачка').

142. *Gasta más que el Papa en metro* ('тратит больше, чем Папа Римский в метро').

143. *Goza más que tomando mazamorra con pitillo* ('наслаждается больше, чем когда ест кукурузную кашу с соломинкой').

144. *Habla más que un perdido cuando lo encuentran* ('он говорит больше, чем найденный пропавший').

145. *Habla más que un lor mojado* ('он говорит больше мокрого попугая').

146. *Habla tanto que si le tapan la boca, le salen letreros en los ojos* ('он говорит столько, что, если ему заткнуть рот, слова полезут из ушей').
147. *Habla como un loro* ('он болтает как попугай').
148. *Hace más daños que un mico en un pesebre* ('он наносит больший вред, чем обезьяна в хлеву').
149. *Irle como a los perros en misa* ('обращаться как с собаками на мессе').
150. *Irle más mal que el diablo* ('обращаться хуже, чем дьявол').
151. *Juega más que un gato chiquito en una estera* ('игривый как котенок на циновке').
152. *La lengua que tiene tan larga, que comulga desde el atrio* ('у него такой длинный язык, что он может причащаться с паперти').
153. *Ladra de noche por economizar perro* ('лает в ночи, экономя на собаке').
154. *Las suegras son como las yucas: no son buenas sino enterradas* ('свекровь как семена юкки – хороша мертвой').
155. *Le tocó ver el Arco Iris en blanco y negro* ('он видел черно-белую радугу').
156. *Lo empujan el lunes y cae el jueves* ('его толкнули в понедельник, а упал он в четверг').
157. *Loco como una cabra* ('сумасшедший как коза').
158. *Manda a la mamá por unas gafas pa quedarse hablando de ella* ('посылает маму за очками, чтобы поговорить о ней').
159. *Manda más que una cucaracha en un gallinero* ('командует больше, чем таракан в курятнике').
160. *Más abiertos que dos huevos fritos* ('проще жареных яиц').
161. *Más aburrido que un celador sin transistor* ('скучнее, чем сторож без радиоприемника').
162. *Más aburrido que un caballo en un balcón* ('скучнее коня в стойле').
163. *Más aburrido que un mico recién cogido* ('скучнее только что пойманной обезьяны').
164. *Más aburrido que un sapo entre un tetero* ('скучнее жабы с соской').
165. *Más aburridor que una tía solterona* ('скучнее, чем старая дева').

166. *Más acabada que la honradez* ('закончившийся быстрее, чем честность / порядочность').

167. *Más acabao que la honradez en Colombia* ('меньше, чем честность / порядочность в Колумбии').

168. *Más acorralado que un barco en una botella* ('в более затруднительном положении, чем корабль в бутылке').

169. *Más agarrada que una monja en moto* ('нелепее монашки на мотоцикле').

170. *Más alegre que una pandereta* ('веселее бубна').

171. *Más apretado que un tornillo de trapiche viejo* ('привинчен сильнее, чем болт на старом прессе для тростника').

172. *Más arriesga la pava que el que le tira* ('больше рискует индейка, чем тот, кто в нее стреляет').

173. *Más arrugado que un acordeón* ('более морщинистый, чем аккордеон').

174. *Más besado que el anillo del Papa* ('его целуют больше, чем перстень Папы Римского').

175. *Más bravo que humo de tusa* ('задиристее кукурузного дыма').

176. *Más bravo que mico recién cogido* ('задиристее недавно пойманной обезьяны').

177. *Más bruto que un policía* ('грубее полицейского').

178. *Más bueno que agua de malva* ('добрее мальвовой воды').

179. *Más bueno que bocadillo con quesito* ('вкуснее бутерброда с сыром').

180. *Más bueno que el pan con leche* ('вкуснее хлеба с молоком').

181. *Más bueno que leche en totuma* ('вкуснее молока в калебасе').

182. *Más bullosa que un político en campaña* ('более шумный, чем политик во время избирательной компании').

183. *Más caliente que lengua de suegra* ('острее тещиноного языка').

184. *Más caliente que un negro en un baile* ('горячее негра во время танца').

185. *Más cansón que tres en una hamaca* ('надоедливее третьего в гамаке').

186. *Más cansón que un mosco mansito* ('надоедливее москита').

187. *Más cansona que una viuda ensalzando a su difunto esposo* ('надоедливее вдовы, восхваляющей покойного мужа').
188. *Más chupado que una pasa* ('более высушенный, чем изюм').
189. *Más cogedora que policía nuevo* ('ловчее нового полицейского').
190. *Más colorado que un tomate* ('румянее помидора').
191. *Más contenta que una pisca tabaca* ('довольнее курительной трубки').
192. *Más contento que un berraco* ('довольнее храбреца').
193. *Más contento que un bobo estrenando camisa larga* ('довольнее дурака, впервые надевшего длинную рубаху').
194. *Más contento que un enano de tacón alto* ('довольнее гнома в туфлях на каблуках').
195. *Más contento que un gusano en un chócolo* ('довольнее червяка в кукурузной лепешке').
196. *Más contento que un mirlo en un papayo* ('довольнее черного дрозда в папайе').
197. *Más contento que perro estrenando lazo* ('более довольный, чем собака, которой надевают ошейник').
198. *Más cuidado que catarro de abuelito rico* ('о чем-л заботятся больше, чем о кашле богатого дедушки').
199. *Más de la cuenta* ('больше, чем включено в счет').
200. *Más demorado que una despedida de novio* ('дольше, чем прощание с женихом').
201. *Más derecho que un yarumo* ('прямее дерева ярубы').
202. *Más devaluando que el peso colombiano* ('меньше ценится, чем колумбийский песо').
203. *Más difícil que parto de mula* ('сложнее, чем принимать роды у мула').
204. *Más económico que un carro apagado* ('дешевле, чем сломанная повозка').
205. *Más educado que un pastor alemán* ('умнее немецкой овчарки').
206. *Más embargado que una nómina de maestro de escuela* ('задерживается сильнее, чем зарплата школьного учителя').

207. *Más empolvada que cucaracha de panadería* (‘сильнее посыпанного мукой таракана в булочной; так говорят о слишком покрашенной девушке, женщине’).

208. *Más encartada que una gallina criando patos* (‘реальнее встретить курицу, высиживающую утят’).

209. *Más encartado que un cocodrilo con frenillo* (‘реальнее встретить крокодила в узде’).

210. *Más fácil coger un rayo de la cola* (‘проще поймать тень от хвоста’).

211. *Más feo que un remordimiento* (‘страшнее, чем муки совести’).

212. *Más feo que volverlo a decir* (‘страшнее, чем снова произнести это’).

213. *Más flaca que un pecado venial en pelota* (‘слабее замоленного греха’).

214. *Más flaca que perro de indio* (‘слабее пса индейца’).

215. *Más flojo que un merengue* (‘ленивее меренги’).

216. *Más fresco que una lechuga* (‘свежее салата’).

217. *Más gordo que un obispo* (‘толще епископа’).

218. *Más grosero que sirvienta en preaviso* (‘грубее уволенной служанки’).

219. *Más infeliz que perro en procesión* (‘несчастнее пса на крестном ходе’).

220. *Más largo que una semana sin carne* (‘длиннее недели без мяса’).

221. *Más levantado que mano de pordiosero* (‘поднятый выше, чем рука нищего’).

222. *Más ligero que inmediatamente* (‘быстрее, чем мигом’).

223. *Más lindo que un grano de oro* (‘прекраснее крупыцы золота’).

224. *Más liso que un bollo engrasado* (‘более гладкий, чем сдоба, смазанная жиром’).

225. *Más lleno que hijo de cocinera* (‘более сытый, чем сын повара’).

226. *Más loco que una cabra* (‘безумнее козы’).

227. *Más malo que Caín* (‘хуже Каина’).

228. *Más malo que la renguera* (‘хуже хромоты’).

229. *Más mentiroso que un antioqueño* (‘худший врун, чем житель Антиокии’).

230. *Más mentiroso que una mujer de pueblo cuando le preguntan cuántos años tiene* (‘врет сильнее, чем женщина, которую спрашивают о возрасте’).

231. *Más muerto que vivo* ('скорее мертв, чем жив').
232. *Más ordinario que un ataúd* ('проще гроба для бедняков').
233. *Más ordinaria que una monja vendiendo chance* ('обычнее монашки, продающей лотерейные билеты').
234. *Más ordinario que una bacinilla con la agarradera por dentro* ('обычнее тазика с ручкой').
235. *Más ordinario que un penthouse con gallinero* ('проще, чем пентхауз с курятником').
236. *Más ordinario que un repollo en un florero* ('проще кочана капусты в вазе').
237. *Más pálido que la cera* ('бледнее воска').
238. *Más papista que el Papa* ('большой приверженец папизма, чем сам Папа Римский').
239. *Más pegajoso que chicle en barriga peluda* ('прилипает сильнее, чем жевательная резинка к волосатому животу').
240. *Más pelada que un huevo* ('облупленный сильнее, чем яйцо').
241. *Más pelado que espalda de frasco* ('лысее бутылочного донышка').
242. *Más peligroso que una puntilla en un tobogán* ('опаснее гвоздя на горке').
243. *Más peligroso que un tiroteo en un ascensor* ('опаснее перестрелки в лифте').
244. *Más peligroso que un alacrán con alas* ('опаснее скорпиона с крыльями').
245. *Más peligroso que un peluquero con hipo* ('опаснее икающего парихмахера').
246. *Más peligroso que una aguja en un sancocho* ('опаснее иглы в похлебке').
247. *Más peligroso que una cuchara con filo* ('опаснее ложки с лезвием').
248. *Más peligroso que una loca con escopeta cargada* ('опаснее безумца с заряженным ружьем').
249. *Más pesado que un matrimonio a la fuerza* ('тяжелее брака поневоле').
250. *Más picante que guiso coreano* ('острее корейских яств').
251. *Más pobre que Lázaro* ('беднее Лазаря').

252. *Más pobre que Lázaro cuando se sentó en la piedra* ('беднее Лазаря, который сидел на камне').

253. *Más pobre que un poeta* ('беднее поэта').

254. *Más pobre que una rata huérfana* ('беднее осиротевшей крысы').

255. *Más podrido que agua de florero* ('тухлее, чем вода из цветочной вазы').

256. *Más prendido que un negro en un baile* ('наряднее негра на танцах').

257. *Más quebrao que un tabaco en el bolsillo de atrás* ('сломанный сильнее табака в заднем кармане').

258. *Más quemaio que tizón de fogón* ('дыма больше, чем от головешки').

259. *Más querida que un ternero chiquito* ('любимее теленочка').

260. *Más raro que un sapo* ('страшнее, чем жаба').

261. *Más rascao que barriga de perro pobre* ('урчит сильнее, чем в животе у уличного пса').

262. *Más risueño que un bobo en misa* ('счастливее дурака на мессе').

263. *Más rota que la bandera de Palonegro* ('более рваный, чем знамя в битве при Палонегро').

264. *Más sabio que el diccionario* ('умнее словаря').

265. *Más seguro que un hueso en la boca de un perro* ('увереннее кости в пасти собаки').

266. *Más serio que una tuberculosis galopante* ('серьезнее скоротечной чахотки').

267. *Más simple que agua con hilo* ('проще ручейка')

268. *Más tapada que una caja de sardinas* ('забитый сильнее, чем сардины в консервной банке').

269. *Más tocada que un piano* ('на ней играют чаще, чем на пианино'; игра значений *tocar* – 'играть' (на музыкальном инструменте) и 'трогать'; сравнение используется по отношению к «доступной» женщине).

270. *Más tocadas que el Himno Nacional* ('их (о женщинах) «играют» чаще, чем национальный гимн'; игра значений *tocar* – 'играть' (на музыкальном инструменте)

и 'трогать'; сравнение, как и предыдущее, используется по отношению к «доступной» женщине).

271. *Más vale un toma que dos te daré* ('больше ценится одна вещь, которую ты берешь, чем две, которые я даю'; аналог пословицы «лучше синица в руках, чем журавль в небе»).

272. *Más vale una hartada que dos hambres* ('больше ценится один сытый, чем два голодных'; еще один аналог пословицы «лучше синица в руках, чем журавль в небе»).

273. *Más vale madrugar que apurar* ('лучше рано встать, чем спешить').

274. *Más vale vestir santos que desvestir borrachos* ('лучше одевать святых, чем раздевать пьяных').

275. *Más viejo que el uso de andar a pie* ('старше умения ходить на двух ногах').

Приложение В**Образцы текстов, которые мы использовали для выявления своеобразия функционирования фонетических языковых единиц в колумбийском территориальном диалекте испанского языка департамента Киндио**

Sexo (M/F): _____

Edad _____

Educación: _____

Residencia: _____

Leer en voz alta el texto:**QUINDÍO, EL PARAÍSO DE COLOMBIA**

El Eje Cafetero muestra el carácter emprendedor y tesonero de su raza. Un turista expone: “el año pasado, en vacaciones por el Quindío, recorrimos esta incomparable región. La impresión que recibimos ante su exuberancia y bellos paisajes, orden, servicios adecuados, un ecosistema como objetivo de vida, turismo de ebullición, buena infraestructura, un capital humano competitivo, nos hiciéramos como si estuviéramos en otra Colombia. Dado que soy caribeño, nativo de Urumita (Guajira), cuando regreso a mi tierra, observo un cúmulo de necesidades insatisfechas. Estas diferencias me han hecho pensar que sería de gran utilidad para muchas regiones de Colombia y lo digo con el mayor respeto a mis paisanos, que sus autoridades fueran recibidas por sus similares del Eje Cafetero Quindiano y compartieran sus experiencias para adoptar los mejores desempeños” [Toro Arango 2013: 351].

Leer en voz alta el texto:**EL MANEJO DEL “PUES”**

El manejo del pues no es ninguna pera en dulce. Es como una brasa en la mano. Es algo de muy difícil tratamiento para los neófitos. Y resulta que el tratamiento es en extremo complejo. Pues tiene unas reglas muy rígidas. La regla de oro: sólo una vez entre cien se puede insertar el pues al final.

Incurrimos en las puestas, así: ¿No ves que haces daño, pues? Mejor aprovecharla, pues. Muy pocas veces habla, pues. Vamos a llegar muy lejos, pues. A ver, Noña pues. Pase, pues. Un caballo, pues. Gracias, pues. Se fue tras ella, pues (muy poético, ¿no?). No te movás de ahí, pues.

Los paisas usamos el pues para darle énfasis a las oraciones y no como una cola flácida [Vélez Uribe 1998: 13–14].

Leer en voz alta la poesía:**A MÍ ME GUSTA VIVIR**

*A mí me gusta vivir
lunes y martes de balde,
miércoles, jueves y viernes
hasta el sábado en la tarde.*

Madrugo y me desayuno,
me refresco y de ai converso,
mientras eso está el almuerzo;
despuécito vino alguno,
y, si no vino ninguno,
cuente con que no me fui,
pues al verme estar allí
me deben dar la comida,
para pegar la dormida,
qu'es lo que me gusta a mí [Londoño 1994: 190].

Leer en voz alta las siguientes palabras:

burro	verdad	luego
grupo	concepto	enamorado
doctor	experiencia	digno
columpio	absoluto	plátano
eclipse	habla	suerte
llamar	emergiendo	encontrado
paquete	mismo	diafragma
corrupción	subsidio	situación
pedra	hay unos	comprado
diligencia	militar	casero
juguets	dogma	nueve
erudito	examen	también
mochila	libertad	cadena
cápsula	objetivo	nombre
bueno	burla	agosto
monumento	acción	sucinto
bufanda	qué hubo	cuando
asfixia	Medellín	poquito
arquitecto	excelencia	los vasos
principal	objeción	afuera
arriendo	accidente	esencial
ocho	exceso	partir
disimular	sinceridad	objeto
captura	consignar	sabroso
conductor	bonito	aceptar

Приложение Г

Образцы тестов, которые мы использовали для выявления своеобразия функционирования грамматических языковых единиц в колумбийском территориальном диалекте испанского языка департамента Киндио

Sexo (M/F): _____

Edad _____

Educación: _____

Residencia: _____

Poner los verbos en Imperativo de VOS y de USTED:

- Venir
- Comer
- Andar
- Estudiar
- Haber
- Escribir
- Ver

Poner el verbo en una forma adecuada, empleando el USTED o el VOS:

- 1) que si me muero sea de amor, que si me (enamorar) ¡sea de (vos/usted)!
- 2) (Vos/Usted) (callarse) y no (decir) nada de lo que (saber).
- 3) Mija, ¿a qué hora (volver) (vos/usted)?
- 4) (Ver) niño, (vos/usted) (estar) retrasado, nos tenemos que apurar.
- 5) ¿(Vos/Usted) que? ¿(Venir) al Quindío pa' visitarnos?

Completar las oraciones con los verbos SER o ESTAR:

- 1) Marta _____ cuidadosa.
- 2) Mi trabajo _____ lejos de mi casa.
- 3) La muchacha _____ ingeniosa.
- 4) La taza _____ sobre la mesa.
- 5) El bolso _____ costoso.

Usar los verbos en una forma adecuada de tiempos pasados (Pretérito Perfecto, Pretérito Indefinido, Pretérito Imperfecto, Pretérito Pluscuamperfecto):

1. Paisas, paisanos – así se nos (*llamar*) a los antioqueños y nosotros (*aceptar*) este nombre sin la mejor repulsa. Nos (*ponerse*) así porque los antioqueños, fuera de Antioquia, somos muy dados a buscar la amistad de los demás antioqueños. Siempre (*reconocerse*) como tales con gran orgullo.

2. No recuerdo bien en qué pueblo de estos de por aquí (*ser*) qui (*haber*) una mágica muy linda. Y (*tener*) tres pretendientes. Tres hermanos. Ella los (*recibir*) en distintos días y muy de tarde en tarde a cada uno.

Al menor de los hermanos que le (*rogar*) mucho pa que (*casarse*) con él, le (*decir*) ell, un domingo: – Bueno. Yo sí me caso con usté, si vienes dentro de veinte días a pasar una noche conmigo.

El muchacho, claro, (*aceptar*) con mucho gusto y (*decir*) que vendría a cumplir la cita, (*pasar*) lo que (*pasar*).

Приложение Д

Образцы тестов, которые мы использовали для выявления своеобразия функционирования лексических языковых единиц в колумбийском территориальном диалекте испанского языка департамента Киндио

Sexo (M/F): _____

Edad: _____

Educación: _____

Residencia: _____

Poner las parejas de palabras en los lugares correspondientes:

- (1) congo / congolo
- (2) cervato / venado
- (3) trancados / tomados
- (4) espina / tuna
- (5) alguno / alguien
- (6) ahorita / ahora
- (7) acá / aquí
- (8) acosadera / afanadera
- (9) de luto / enlutado
- (10) quien / cual

Como se puede profanar impunemente el sagrario de los giros quindianos, para que no siguieran incurriendo en frases erráticas, les hice las siguientes acotaciones:

- (1) No es la tapa del _____, sino la tapa del _____.
- (2) Es una leguminosa silvestre llamada también ojo de _____ (no lo mezclen con el _____). Lo usaban los peluqueros para que el cliente que estaban afeitando, se lo metiera en la boca y lo presionara con la lengua para emparejar las arrugas.
- (3) Por ningún motivo decimos están _____, sino están _____, o como unas micas.
- (4) Tampoco sacarse la _____, sino sacarse la _____.
- (5) Ni en conferencias decimos _____, sino _____.
- (6) Hablando del tiempo – tampoco _____, sino _____.

- (7) No se dice está _____, sino está _____.
- (8) Por ningún motivo _____ sino _____.
- (9) Ni tampoco está _____, sino está _____.
- (10) Mucho menos cada _____ a lo suyo, sino cada _____ a lo suyo.

Responder con una opción adecuada:

1. ¿Cómo se diría cariñosamente a las tortolitas afrecheras?
 - 1) migas
 - 2) abuelitas
 - 3) muchachitas
 - 4) amiguitas
2. ¿Cómo llamaría al arrejuntado o amancebado?
 - 1) acomodado
 - 2) enojado
 - 3) cansado
 - 4) aplanchado
3. ¿Cómo se le llamaría a aquella persona que es como el mico, que todo lo que ve le parece que es de él?
 - 1) achilado
 - 2) agalludo
 - 3) vapuleado
 - 4) achuchurrado
4. ¿Cómo llamaría agua de panela muy clarita oscurecida con un poco de café?
 - 1) aguacafé
 - 2) agua manchada
 - 3) aguapanela
 - 4) chaqueta

5. En Bogotá así se trata del clásico caramelo, pero en Quindío – del robo continuado de café pergamino en depósito y trilladoras.

- 1) talegueo
- 2) muchileo
- 3) jiquereo
- 4) tapapinche

6. ¿Cómo llamaría un café endulzado con panela que se ofrece a la persona que se acaba de levantar, para que le sirva de sostén hasta el desayuno?

- 1) aguapanela
- 2) aguacafé
- 3) tragos
- 4) café cortado

7. Aquellos que lucen gordos y colorados están ...

- 1) repuestos
- 2) revueltos
- 3) rebajas
- 4) redondos

8. ¿Cómo se referiría a las cosas baratas o abundantes que se encuentran fácilmente?

- 1) subido
- 2) bajado
- 3) levantado
- 4) tirado

9. El que está enamorado se llama ...

- 1) rubirosa
- 2) palomo azul
- 3) morado
- 4) mico

10. ¿Cómo llamaría la ventiladora?

- 1) sopladora
- 2) abanico
- 3) chino
- 4) aireador

Juntar las palabras con sus variantes quindianas:

escaleras	entual
hambre	escalas
actual	escondidijo
escondidas	escondidijo
trabajar	camellar
celoso	gatas
dificultades	levantado
radio	loro
no funciona	menestar
necesitar	no canciona
avaro	novedad
maravilla	patas
enemigo	patente
obvio	perecido

Vocabulario. Marcar las palabras que Ud utiliza frecuentemente en su habla:

abuelita	con que	motocicleta
acomodado	constipado	muestra
achantado	corotos	necesidad
achira	cuatrojos	nidador
achuchurrado	cutu cutu	no canciona
afrijolar	chalet	novedad
afujías	china	ñurido
agachese	chonete	ochas
agalludo	chontaduros	operador
aguacafé	chuchumeco	orejón
aguacate	chumbe	orondo
aguamasa	chuzo	pachuli
agricultar	dañado	pajarero
ahogado	dejar	palomo azul
ají	demalas	pan del soldado
albino	desmemoriado	panocha
allacito	dos aguas	parva
amalayar	en pelota	pasera
ambulancia	embolsado	patas
amoblados	embuchado	patas agrias
andoniar	encabada	pateperro
ángel	encerrador	patasola
ánima mea	entonado	patente
aniseros	entripado	patetranca
apinorar	entual	pautarse
aplanchar	envasar	pegadura
apodo	escalas	peón
argollar	escaparate	perecido
arrecha	escondidijo	perezosa

arrimado	estirado	petacones
arrobiar	estrén	presumido
arrozudo	fibra	pretina
atarantao	filo	piernona
atarugao	flechudo	pinchadas
ataud	forcha	pollo paletas
atenido	forastero	postdata
avechucho	fundamentosa	postrera
avioneto	gago	pucha
azaroso	galerías	puerta de golpe
bandeja	ganado bravo	prueba
batata	gancho	quimba
benjamín	garras	repelar
beque	garrapiñera	repuestos
brete	gatas	revesero
berrinche	gocetas	revuelto
bizco	globo	ronciar
bogao	gorobeta	ropa de trabajo
bola	goterero	rosca
bomba	guiño	roscón
bonche	gurre	sacamuelas
boñuelo	halda	sangreyuca
boquecaballo	hipo	saraviada
bragueta	hogao	semanera
briches	hotel aguante	sobandero
brincha	humar	soperiar
buche	jiquera	sorombático
buscalavida	juancingas	subido
buscapleitos	jubilado	talegueo
cabeceguala	lambón	tapapinche

cabeciduro	laguna	tragos
caviloso	langaruto	teque
cacota	levantar	temperante
cachar	loro	tieso
cajoniar	llanta	tirado
calentado	macuenco	tocayo
cálido	mamao	topo
camelón	mechas	turega
camellar	media petaca	tusa
caña	menestar	tullido
capar	metido	ubre
caracha	metiendito	untada
carón	miada	velón
cáscara	mico	ventaniar
casa de citas	migas de arepas	viejo
cascao	miti miti	virgo
castero	modosito	viril de toro
cielorroto	mogollo	víspera
cocorota	mojojoy	vistas
coloca	molleja	zaina
comer piña	monos	zango
compañía	montar	